

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Материалы X конференции с международным участием
Санкт-Петербургский государственный университет,
15 апреля 2022 года*

С.-Петербург

2022

ББК 66.4(0)
УДК: 303.446.2(063); 327.57
М43

Научный редактор:

профессор, д-р исторических наук
Владимир Иванович Фокин
(Санкт-Петербургский государственный ун-т)

Редакционная коллегия:

доцент, канд. ист. наук Наталья Михайловна Боголюбова,
доцент, канд. ист. наук Юлия Вадимовна Николаева,
доцент, канд. ист. наук Мария Дмитриевна Портнягина,
доцент, канд. ист. наук Елена Эдуардовна Эльц
(Санкт-Петербургский государственный ун-т)

Рецензент:

Наталья Юрьевна Маркушина
профессор, д-р политических наук
(Санкт-Петербургский государственный ун-т)

М43 Межкультурный диалог в современном мире: материалы X конференции с международным участием. — СПб.: Скифия-принт, 2022. — 175 с.

ISBN 978-5-00197-049-1

В сборнике представлены материалы X юбилейной конференции с международным участием «Межкультурный диалог в современном мире», организованной Санкт-Петербургским государственным университетом совместно с Санкт-Петербургской ассоциацией международного сотрудничества, Арктическим государственным институтом культуры и искусств (АГИКИ) при поддержке Северного Форума и Арктического проектного офиса СПбГУ.

В 2022 году конференция была посвящена сразу двум главным темам — культурному наследию и участию Арктики в межкультурном диалоге. Обе эти темы соответствуют приоритетам внешней политики России в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества и представляют значительный интерес для научного исследования.

В сборнике опубликованы статьи известных российских ученых-международников, специализирующихся в области арктических исследований, исследований международных культурных связей и внешней культурной политики, а также представителей российских и зарубежных общественных организаций. В сборник также вошли статьи молодых исследователей: студентов, магистрантов, аспирантов.

В сборнике представлен анализ основных форм, тенденций и проблем современного культурного сотрудничества в непростых международных условиях, отражены взгляды представителей научного сообщества на наиболее важные, насущные вопросы современного межкультурного диалога.

Сборник предназначен для тех, кто занимается вопросами культурного обмена, культурной и общественной дипломатии, для студентов, изучающих международные отношения, а также для всех интересующихся вопросами культурного сотрудничества.

Все материалы печатаются в авторской редакции.

ББК 66.4(0)
УДК: 303.446.2(063); 327.57
М43

ISBN 978-5-00197-049-1

© Коллектив авторов, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....

Игнатьева Саргылана Семеновна. Приветственное слово к участникам конференции. Сотрудничество АГИКИ и СПбГУ: состояние и перспективы 7

Мудрак Маргарита Федоровна. Сила молодых в развитии международного сотрудничества. Работа Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества с молодежью. Дипломаты завтрашнего дня..... 8

РАЗДЕЛ I. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Боголюбова Наталья Михайловна. Проблемы репрезентации нематериального культурного наследия России 12

Гёзалов Парвин Фахраддин оглы. Международное культурно-гуманитарное сотрудничество в период межгосударственных конфликтов 18

Гудалов Николай Николаевич. Исследование культур у Геродота: значение для теории международных отношений..... 23

Иванников Игорь Владимирович, Чернов Игорь Вячеславович. «Господин, товарищ, барин». Международная коммуникация раннего восточноевропейского Средневековья и её отражение в общественно-политической лексике славянских языков 27

Ерошкина Ольга Николаевна. Роль российской дореволюционной интеллигенции в сохранении отечественного культурного наследия в первое советское десятилетие 33

Николаева Юлия Вадимовна. «Политика наследия» Франции в 2008–2022 гг.: внешнеполитический вектор 37

Портнягина Мария Дмитриевна. Роль социальных медиа в формировании исторической памяти..... 42

Фокин Владимир Иванович. Культурная дипломатия СССР 20–30-х годов XX века в современной информационной войне 47

Эльц Елена Эдуардовна. Европейское образовательное пространство Европейского Союза и европейская интеграция в сфере высшего образования 56

РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО АРКТИКИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ермолина Марина Анатольевна. Обзор правового регулирования культурного и природного наследия Арктики..... 60

Ло Ин. Экономическое и культурное сотрудничество между коренными народами Российской Арктики и этническими меньшинствами на севере Китая 64

Михальченкова Наталья Алексеевна. Развитие научно-образовательного партнерства как условие формирования историко-культурного наследия Арктики..... 69

Харлампьева Надежда Климовна. Межкультурная и социолингвистическая коммуникация как объект критических исследований Арктики 72

РАЗДЕЛ III. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Абрамова Анастасия Станиславовна. Роль сотрудничества России и Казахстана в сфере высшего образования в контексте развития евразийской интеграции..... 77

Бирюков Никита Валерьевич. Японская массовая культура как инструмент культурной дипломатии и особенности ее восприятия в Российской Федерации 81

Бояршинова Полина Евгеньевна. Нарастание военного присутствия в Арктике как угроза культурному и природному наследию региона..... 85

Волкова Алина Анатольевна. Актуальные проблемы современного международного сотрудничества финно-угорских народов 90

Воронков Вячеслав Владимирович. Имиджевая кампания The Länd как инструмент внешней политики земли Баден-Вюртемберг..... 94

Дун Тяньсян. Российско-китайские культурные связи в условиях политического кризиса 2022 года 99

Завьялова Анастасия Витальевна. Российско-испанское сотрудничество в сфере туризма как аспект гуманитарного сотрудничества с 2014 по 2019 гг 103

Иванова Наталья Юрьевна. Роль мест памяти в формировании образа города... 108

Козицкий Гарсия Катерина. Фламенко как пример нематериального культурного наследия ЮНЕСКО в Королевстве Испания и его распространение в Российской Федерации..... 112

Котова Анна Леонидовна. Феномен лингвистической дипломатии как теоретическое явление 116

Лебедева Анастасия Николаевна. Роль культурных центров и общественных организаций в культурном сотрудничестве Санкт-Петербурга и Израиля 120

Околота Даниил Павлович. Нормативно-правовые аспекты миграционной политики Европейского союза и Республики Сербия 124

Оритша Флора. Гуманитарный кризис в Мали на современном этапе 129

Платонова Дарья Константиновна. Культурная дипломатия ОАЭ на современном этапе..... 133

Попов Дмитрий Игоревич. Историческая политика премьер-министра Словении Янеза Янши и ее влияние на российско-словенские отношения 137

Прыгункова Анна Сергеевна. Институциональные основы реализации культурной политики ЕС 141

Рудь Елена Геннадьевна. Роль общественных организаций в развитии культурных связей Российской Федерации и Республики Абхазия..... 145

Рязанова Алевтина Гаджиевна. Эволюция культурных взаимоотношений Российской Федерации и Республики Польша в конце XX — начале XXI века..... 148

Смирнов Егор Владимирович. Проблема поляризации общества в странах Северной Европы и кризис традиционных партий: пути решения 152

Суханова Марья Андреевна. Спортивная дипломатия России за Полярным кругом в начале XXI века	156
Темербаева Александра Сергеевна. Роль Американского кинематографа в межкультурном диалоге в начале XXI века (на примере героев Marvel и DC).....	160
Файзеева Милана Руслановна. Не плюшками, а митболами балуемся: репрезентация культурных особенностей СССР и Швеции на примере художественного произведения «Карлсон, который живет на крыше».....	164
Шудрик Максим Владимирович. Роль научного интернационализма в межкультурном диалоге вокруг Арктики	169

РЕЦЕНЗИИ

Ниязов Ниязи Сабинович. Азербайджанское музееведение в зеркале научной монографии Э. Меликовой (Гурбановой)	173
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

15 апреля 2022 года на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета состоялась юбилейная X конференция с международным участием «Межкультурный диалог в современном мире». В этом году конференция была посвящена обсуждению сразу двух тем: охране культурного наследия в новых международных условиях и участию Арктики в межкультурном диалоге. Участники конференции обсудили актуальные вопросы современного культурного обмена и внешней культурной политики, общественной дипломатии и гуманитарного сотрудничества. Отдельной темой обсуждения стала роль Арктики в межкультурном диалоге.

Конференция проводится кафедрой международных гуманитарных связей СПбГУ совместно с Санкт-Петербургской ассоциацией международного сотрудничества. В 2022 году также в организации конференции приняли участие кафедра мировой политики СПбГУ, Арктический государственный институт культуры и искусств (АГИКИ), Арктический проектный офис СПбГУ. Конференция прошла при поддержке Северного Форума. Также в конференции приняли участие представители российских и зарубежных общественных организаций, эксперты в области международных отношений.

Конференция, ставшая уже регулярной, традиционно привлекает к себе значительный круг участников. Особенно ценно, что растет число молодых исследователей: аспирантов, студентов бакалавриата и магистратуры. В юбилейной конференции приняли участие студенты из России, Китая, Бенина, Испании, Казахстана, обучающиеся в петербургских вузах. Конференция призвана способствовать обмену опытом между российскими и зарубежными участниками и нацелена на то, чтобы привлечь внимание к более глубокому изучению межкультурного обмена.

Участники конференции обсудили возможности межкультурного диалога в условиях кризисов и санкций и были единодушны в позитивной оценке потенциала культурных связей как средства международного общения.

Сборник состоит из трех тематических разделов, посвященных различным аспектам культурного сотрудничества. Первый раздел включает вопросы истории, теории и практики межкультурного диалога. Во втором разделе представлены статьи, объединенные темой участия Арктики в межкультурном и социолингвистическом пространстве. В третьем разделе собраны статьи молодых исследователей студентов, магистрантов и аспирантов СПбГУ и других вузов города, в которых нашел отражение широкий круг проблем культурно-гуманитарного сотрудничества. В сборнике впервые за время его выхода была опубликована рецензия, а именно рецензия на монографию, посвященную азербайджанскому музееведению.

Доклады, включенные в сборник материалов конференции, позволяют более полно оценить потенциал и перспективы межкультурного диалога. Культура и развитые культурные связи помогают устранять или смягчать острые проблемы, нередко возникающие в современных международных отношениях. Именно культура имеет все основания стать той прочной почвой, на которой этот диалог сможет развиваться и приносить положительные результаты.

Организационный комитет конференции

Игнатьева Саргылана Семеновна

*Ректор Арктического государственного института культуры и искусств,
главный редактор журнала «Культура и искусство Арктики/Arctic Art&Culture»
rector@agiik.ru*

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ.
СОТРУДНИЧЕСТВО АГИКИ И СПБГУ: СОСТОЯНИЕ И
ПЕРСПЕКТИВЫ**

**WELCOME SPEECH TO ALL PARTICIPANTS OF THE CONFERENCE.
COOPERATION BETWEEN ASICA AND ST. PETERSBURG STATE
UNIVERSITY: THE STATE AND PROSPECTS**

Уважаемые участники и организаторы X конференции с международным участием «Межкультурный диалог в современном мире»!

Поздравляю всех вас с началом работы научного мероприятия, которое ставит перед собой важные ориентиры по поиску способов разрешения актуальных проблем межкультурного сотрудничества. Особую роль играют мнения участников конференции, оказывая влияние и на другие направления, в том числе на социально-экономическое.

Арктический государственный институт культуры и искусств (АГИКИ) с момента своего основания в 2000 году поставил перед собой задачу по сохранению и продвижению арктической культуры в мире. Задача нелегкая и требует кооперации арктических вузов и иных структур, заинтересованных в улучшении качества жизни людей на Севере и в Арктике, привлекательности территорий для продвинутой молодежи и начала позитивных трансформаций всех сфер деятельности.

Именно с целью объединения усилий, выработки идей и предложений, раскрытия уникальности культурно-творческой жизни народов Арктической зоны создан журнал «Культура и искусство Арктики».

Три изданных номера журнала уже стали богатым кладом информации. Все материалы подготовлены ведущими исследователями из разных областей науки и стран. Каждый из них вносит свой существенный вклад в дело защиты культур упомянутых народов, находящихся в хрупком равновесии в условиях современных вызовов человечества. И наше межкультурное сотрудничество становится крепким фундаментом для организации площадки, через которую голоса чукчей, якутов, алеутов, ненцев, нганасанов, финнов, долган и других народов становятся громче и формируют прекрасную мелодию.

Стоит отметить, что АГИКИ тесно сотрудничает с Санкт-Петербургским государственным университетом с момента издания журнала, с кафедрами мировой политики и международных гуманитарных связей, а также с факультетом иностранных языков. Огромная работа по изданию всех номеров журнала была проведена выпускающим редактором Харлампьевой Надеждой Климовной, доцентом кафедры мировой политики и большой профессиональной командой факультета иностранных языков. Также стало традицией проведение межвузовской секции «Культура и искусство Арктики» на конференции, проводимой кафедрой международных гуманитарных связей, что позволило расширить масштаб идеи позитивной созидательной миссии журнала «Культура и искусство Арктики». Наша кооперация ориентирована на реализацию проектов, направленных на развитие арктической культуры. Верим, что сотрудничество двух вузов обретет новый импульс в своем развитии, появятся новые направления для коллаборации, будут реализованы проекты в науке, образовании и творчестве, продвигающие культуру народов Севера в мировое научное и образовательное пространство.

Желаю вам счастливого общения, позитивных эмоций, новых вдохновляющих научных и творческих идей и мыслей. Всем успехов и удачи!

Мудрак Маргарита Федоровна

Председатель Правления

*Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества
mmudrak@mail.ru*

**СИЛА МОЛОДЫХ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА. РАБОТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
С МОЛОДЕЖЬЮ. ДИПЛОМАТЫ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ**

**THE STRENGTH OF THE YOUNG IN THE DEVELOPMENT OF
INTERNATIONAL COOPERATION. THE WORK OF THE
ST. PETERSBURG ASSOCIATION FOR INTERNATIONAL
COOPERATION WITH YOUTH. DIPLOMATS OF TOMORROW**

От имени Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества (СПБАМС) я приветствую организаторов и участников X научно-практической конференции с международным участием «Межкультурный диалог в современном мире».

Для меня всегда очень почетно и интересно быть соорганизатором этой конференции, слушать доклады и делиться мыслями по самым актуальным проблемам современности. Любой год, любое время ставит перед нами вопросы мира и войны, культурного сотрудничества, межнациональные проблемы. Конфликты и недопонимание нужно разрешать только совместными усилиями, а никак не санкциями, разрушая при этом не только экономические связи, но и исторические связи и культурные контакты, наработанные веками. И мы с вами ищем эти пути и прилагаем к этому усилия.

Спасибо Вам за сотрудничество, уважаемые Владимир Иванович Фокин, заведующий кафедрой Международного гуманитарного сотрудничества, Наталия Михайловна Боголюбова, заместитель заведующего кафедрой, Юлия Вадимовна Николаева, доцент кафедры.

Сегодня народная, или общественная, дипломатия занимает важное место в международных связях, и мы активно вовлекаем в нее молодежь.

Что нам дает молодежь?

Молодежь дает нам уверенность в том, что у организации есть будущее.

Молодежь дает нам возможность разрабатывать новые современные проекты.

Молодежь стимулирует наш рост в сфере информационных технологий и во многом другом.

Ситуация, сложившаяся в мире, все новые и новые санкции против России, ложные обвинения диктуют необходимость активного использования ресурсов общественной дипломатии в деле формирования не только за рубежом, но и у наших молодых людей объективного представления о современном мире и о своей стране. Хотелось бы, чтобы молодые чаще задумывались над этими вопросами.

Молодежь идет к нам, разрабатывает с нами новые проекты, проходит у нас практику, пишет дипломные работы, старается познать мир и себя. Они пытаются понять, в чем заключается такое быстрое, непрерывно движущееся развитие общества, беспрестанное формирование новых реалий в международных отношениях.

Вовлекая учащихся школ и студентов в международную деятельность, мы помогаем им выработать гражданскую позицию, содействуем развитию творческих способностей.

Ассоциация организует конкурсные программы, участвует в международных молодежных проектах, содействует школьным и студенческим обменам.

Хочу отметить, что в новом глобальном сообществе, в том числе в образовательном пространстве, усиливается влияние международных и национальных общественных объединений, которые борются за молодые умы и активно привлекают к своей деятельности молодежь.

В работе с молодежью мы взаимодействуем с городскими структурами — Комитетом по внешним связям и Комитетом по образованию, Законодательным собранием, Представительством Министерства иностранных дел, учреждениями образования и культуры, а также с представителями дипломатического корпуса.

Хочу напомнить, что наша организация была создана в Москве в 1925 году как Всесоюзное общество культурных связей с границей, в 50-х годах прошлого века была переименована в Союз советских обществ дружбы, а в 1992 году после распада СССР стала Ассоциацией международного сотрудничества.

В составе Санкт-Петербургской Ассоциации более 50 постоянных зарубежных партнеров, 30 Обществ дружбы и ассоциаций по сотрудничеству с зарубежными странами, среди которых Китай, Сербия, Индия, США, Италия, Болгария, Корея, Сербия, Польша, Великобритания, Япония.

Среди 120 партнерских организаций в Петербурге — 45 школ и 12 вузов. Многие из них работают с нами уже не один десяток лет.

Поскольку нашей организации в России в 2020 году исполнилось 95 лет, 2020 и 2021 годы прошли под эгидой юбилея. Мы присоединились к российскому Марафону дружбы международными акциями, в частности со школьной и студенческой молодежью, финалистами международных молодежных конкурсов ораторского мастерства. Соорганизаторами стали Союз англоговорящих в Лондоне и англоязычная китайская газета “China Daily”. Темы пятиминутных выступлений молодых ораторов были: «Мир — это еще не значит отсутствие войны» и «Человек и глобальный мир». К слову, Петербургский Союз англоговорящих участвует в этих конкурсах уже 25 лет. С китайскими партнерами мы сотрудничаем пока 2 года. Петербургские победители, а это студенты или школьники, участвуют в международных финалах, в Лондоне и в одном из городов Китая. Кстати, петербургские финалы всегда проходят в Законодательном собрании Санкт-Петербурга, в стенах Мариинского дворца.

Это позволяет финалистам поделиться своими идеями и услышать мнение зарубежных участников. Хорошее знание английского языка открывает новые возможности.

Международные конкурсы ораторского мастерства учат молодых людей более глубокому пониманию проблем современности, умению аргументированно отстаивать свою позицию. Это полезный опыт. Он помогает молодым понять, что они играют важную роль в жизни страны и мирового сообщества.

Ассоциация продолжает активно развивать и другие российско-китайские проекты в рамках партнерства с Китайским народным обществом дружбы с границей и газетой “China Daily”. В прошлом году мы реализовали первый этап проекта «Сила молодых» (Youth Power), главные участники которого — представители молодого поколения.

Проект направлен на более активное вовлечение молодежи в российско-китайское сотрудничество и предполагает различные формы взаимодействия между участниками: интервью, дискуссии, выступления, посвященные актуальным вопросам международных отношений. Объединяясь в этой работе, молодые люди открывают друг для друга новые возможности, обмениваются знаниями о национальных особенностях своих стран, их символах, национальной кухне и молодежных трендах.

Аспирантка кафедры международных гуманитарных связей СПбГУ Фань Таньян назвала проект «Сила молодых» очень интересным и значимым. «Как иностранная студентка, я очень рада, что российская молодежь уважает и ценит китайскую культуру. Интенсивный диалог, который мы ведем, укрепляет культурный обмен между Китаем и Россией, способствует развитию креативных индустрий и дружбе среди молодежи».

Мы, конечно, не могли не привлечь молодых людей к нашим проектам, посвященным 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне. Мы готовили

выставку «Антифашистское движение в Европе в годы Второй мировой войны». Она была открыта в Константиновском дворце, резиденции Президента РФ. Получили от наших зарубежных партнеров в Италии, Франции, Сербии, Великобритании ценные архивные материалы о движениях сопротивления в Европе. Материалы нужно было перевести на русский язык и подготовить к интерактивной презентации. Это сделали наши практиканты и магистранты Социального центра переводов СПбГУ.

В рамках совместного проекта с британским Обществом по сотрудничеству в изучении России и британской писательницей Кэролайн Уолтон мы подготовили к печати ее книгу о блокаде Ленинграда. Перевод книги опять же осуществили студенты и преподаватели Социального центра переводов СПбГУ.

Еще один пример — наш партнер, немецкая общественная организация — «Акция искупления — служба делу мира», которая активно выступает в защиту мира и примирения, осуществляя международные волонтерские программы в странах, пострадавших от фашистского режима. В Петербурге в этих волонтерских проектах участвуют наши студенты.

Полезным было участие молодежи в международных онлайн-конференциях и дискуссиях с историками и политологами на тему «Историческая память и борьба с фашизмом». Идея конференций принадлежит нашему британскому партнеру — Обществу по сотрудничеству в изучении России. В 2021 году мы приняли участие в трех таких конференциях. Например, в июне состоялась четырехсторонняя дискуссия (Великобритания — Россия — Италия — Испания), приуроченная к началу Великой отечественной войны. В своем выступлении «Мифы о Великой Отечественной войне» член Правления СПб АМС профессор Института истории СПбГУ В. В. Василик опроверг мифы западных СМИ и некоторых европейских историков относительно Великой Отечественной войны. Он ниспроверг концепцию «двух тоталитарных режимов» и их равной ответственности за Вторую мировую войну, развенчал миф о «советском тоталитаризме». Были даны исторические факты, показывающие значение вклада СССР в Победу над фашизмом.

Отмечая День парламентаризма, мы в 2021 году совместно с Законодательным Собранием Санкт-Петербурга провели конкурс творческих эссе на тему «Парламентская дипломатия: признанные традиции и современные модели». Целью конкурса было повышение интереса молодежи к парламентской деятельности. В конкурсе приняли участие 12 школ и 6 вузов. Победители и участники в торжественной обстановке в Мариинском дворце были награждены дипломами и благодарственными письмами Председателя ЗАКС.

Мы гордимся своими уникальными молодежными проектами. Уже седьмой год проходят занятия «Школы молодого дипломата». Это совместный с Дворцом учащейся молодежи проект. Старшеклассники и студенты получают знания в области международных связей, узнают о роли России в мире, о дипломатической работе, стратегии продвижения имиджа страны. Занятия и лекции ведут сотрудники МИД, преподаватели петербургских вузов, политологи, историки, зарубежные специалисты, сотрудники генеральных консульств зарубежных стран. Слушатели и выпускники участвуют в мероприятиях Ассоциации и городских международных программах.

Молодые члены нашей Ассоциации совместно со специалистами из СПбГУ активно содействуют укреплению связей со славянскими странами, организуют ежегодные молодежные конференции «Диалог славянских культур», праздники славянской культуры, где молодежные коллективы исполняют песни и танцы народов славянских стран.

Совместно с Комитетом по внешним связям мы выступили с инициативой провести в рамках ежегодного Международного конгресса «Санкт-Петербург и славянский мир» художественный конкурс «Открой славянский мир». Конкурс способствовал развитию интереса молодежи к истории, культуре и современным достижениям славянских стран, осмыслению ими исторических и культурных связей славянских народов, а также усилению роли интернационального и духовно-нравственного воспитания в образовательной среде. В конкурсе приняли участие около 250 школьников. Торжественное мероприятие с награждением победителей намечено на День славянской письменности и культуры — 24 мая.

Молодежь через общества дружбы принимает активное участие в международных фестивалях и культурных акциях, посвященных зарубежным странам.

В рамках петербургских фестивалей «Японская весна» и «Японская осень» проходят совместные концерты молодежных музыкальных коллективов, российско-японские выставочные проекты. Их активные участники — студенты Восточного факультета СПбГУ и учащиеся школ, в которых изучается японский язык.

Во время ежегодных фестивалей, посвященных Шотландии, уже в течение 50 лет петербургские школьники, участники конкурсных программ на знание истории и культуры Шотландии пишут сочинения по произведениям Роберта Бернса, создают картины в стиле шотландских художников, готовят презентации по предложенным шотландской стороной темам. Победителей всегда ждет поездка в Шотландию.

Благодаря усилиям петербургских школ и вузов развивается диалог с породненными городами.

Яркие примеры этого — поездки учащихся петербургских школ по обмену со школами городов-побратимов Петербурга, Шанхая и Циндао.

В рамках Соглашения о сотрудничестве между Канцелярией иностранных дел г. Циндао и Санкт-Петербургской ассоциацией международного сотрудничества состоялась поездка учеников и учителей петербургской школы № 455 по приглашению школы Циндао, где изучается русский язык. Запланирован ответный визит китайских школьников в Петербург.

Делегация школы с честью представила Россию, Санкт-Петербург и свою школу в Циндао на международной молодежной встрече. Благодаря этой поездке у школы появились друзья в Китае, Белоруссии, Великобритании и Германии.

Представители школы отметили, что оказались связаны «поясом дружбы». «Один пояс — один путь» стал для них путем взаимопонимания, уважения и совместного творчества!

Совместно с Законодательным собранием Санкт-Петербурга был организован конкурс детских рисунков «Пойдем! Я покажу тебе мой город», приуроченный к 25-летию сотрудничества парламентов Петербурга и Гамбурга. Состоялась встреча победителей и участников конкурса с Председателем Законодательного собрания Санкт-Петербурга А. Бельским, Президентом Бюргершафта Гамбурга Каролой Файт, руководством СПбАМС, Генеральным Консулом ФРГ Стефано Вайнбергером и председателем Комиссии ЗАКС по образованию, культуре и науке Ю. Авдеевым.

В 2019 году лучшие живописные работы юных петербуржцев были показаны на выставках в Милане и Генуе. Сводный оркестр молодых петербургских и итальянских музыкантов выступил в Петербурге и Милане.

С большим успехом в 2019–2020 годах прошел русско-французский образовательно-выставочный проект «Город у моря», посвященный Санкт-Петербургу и Ницце.

При Обществе «Россия — Япония» организованы страноведческие программы для молодежи по изучению японского языка и культуры Японии.

Кризисная ситуация, вызванная распространением коронавирусной инфекции COVID-19, несомненно, оказала влияние на эффективность деятельности Ассоциации, но, вместе с тем, открыла новые возможности для проведения международных мероприятий и программ в онлайн-режиме. Об этом красноречиво свидетельствует наше участие в многочисленных видеоконференциях и «круглых столах».

Для продолжения нашей работы с молодежью на должном техническом уровне Ассоциация, конечно, нуждается в более современной компьютеризации, что позволит укрепить устойчивость деятельности, сохранить контакты с зарубежными представителями на должном уровне, укрепить взаимодействие с молодежью, ориентированной на цифровую среду и развивать такие направления, как: видеоконференции и форумы, профессиональные онлайн-встречи, обучающие курсы в онлайн-режиме и видеоконференции.

Раздел I. Межкультурный диалог: вопросы истории, теории и практики

Боголюбова Наталья Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет
bogoliubovanm@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

PROBLEMS OF REPRESENTATION OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA

Аннотация. В статье нематериальное культурное наследие России рассматривается как национальный и международный ресурс и отражение духовного богатства нашей страны. В исследовании отмечены объекты российского нематериального наследия в списке ЮНЕСКО и в российском репрезентативном списке, выявлены проблемы представления российского нематериального наследия на международном уровне, высказаны предложения по популяризации российской культуры на международном уровне.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие России, ЮНЕСКО, российский реестр нематериального наследия.

Abstract. The article analyzes intangible cultural heritage of Russia as a national and international resource and a reflection of the spiritual wealth of our country. The study highlights the objects of the Russian intangible heritage in the UNESCO list and in the Russian representative list, identifies the problems of presenting the Russian intangible heritage at the international level, and makes proposals for the popularization of Russian culture at the international level.

Key words: Intangible Cultural Heritage of Russia, UNESCO, Russian Register of Intangible Heritage.

Введение

Нематериальное культурное наследие (НКН) является важным ресурсом и ценным капиталом отдельных стран и всего мирового сообщества. НКН способствует передаче из поколения в поколение ценнейшей информации, формирует чувство уникальности и самобытности, является важным источником идентификации, способствует развитию творческого потенциала [4]. Нематериальное культурное наследие — это ценный источник исторической информации, который рассказывает своим языком о традициях и социальных устоях отдельных исчезающих народов. НКН называют живым, очень хрупким наследием, которое решает важные задачи, например, способствует признанию культурного многообразия в современном мире [2]. Сохранение нематериального культурного наследия можно рассматривать в качестве противодействия негативным процессам глобализации и признания роли международной общественности в решении проблем культурного разнообразия и сохранения различных форм наследия.

Понятие нематериального культурного наследия

Проблема сохранения культурного наследия обсуждалась международным сообществом еще в начале XX века. Политиками и интеллектуалами международной организации Лига наций был рассмотрен Пакт Н. К. Рериха, также известный как *Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников* [9]. Пакт стал первым в истории международным договором, в котором признавалась важность защиты международным сообществом памятников истории и культуры в условиях вооруженного конфликта.

После окончания самой страшной и разрушительной войны в истории человечества — Второй мировой войны — к теме сохранения культурного наследия международное сообщество обратилось вновь. В послевоенное время основные идеи Пакта Н. К. Рериха нашли свое продолжение в *Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта* (1954), подготовленной государствами-членами авторитетной международной организации ЮНЕСКО [5]. Затем в 1972 году страны-участники ЮНЕСКО приняли *Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия* [6], которую сегодня подписали уже более 190 стран. В документе подчеркивалась необходимость защиты не только культурного, но и природного наследия, которое также должно находиться под международной охраной. Таким образом, к началу XXI века была сформирована солидная нормативно-правовая база, в которой признавалось международное значение природных памятников и культурных объектов. Затем работа в этом направлении в рамках ЮНЕСКО продолжилась.

На основе богатого международного опыта сохранения культурного наследия с учетом современных вызовов и угроз и современных возможностей проблема сохранения культурного наследия получила свое осмысление и в XXI веке. В 2001 году была принята *Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии* [1]. В документе культурное разнообразие рассматривалось как общее достояние человечества и фактор развития. Новое осмысление получило всемирное культурное наследие. Отметим, что еще в 1972 году, когда была принята и позже ратифицирована *Конвенция об охране культурного и природного наследия*, отмечалось, что культурное наследие включает памятники как материальной, так и духовной (нематериальной) культуры [6]. Однако нематериальное достояние человечества стало рассматриваться как самостоятельная часть культурного наследия только в начале XXI века. 17 октября 2003 года на Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята *Конвенция об охране нематериального культурного наследия* — документ, в котором подчеркивалась важность духовного наследия человечества. В *Конвенции* представлено определение «Нематериального культурного наследия», которое «означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» [7]. Согласно *Конвенции*, НКН представлено в следующих областях: а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; б) исполнительские искусства; в) обычаи, обряды, празднества; г) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; д) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [7]. В документе отмечены органы *Конвенции*, методы охраны нематериального культурного наследия на международном уровне и т. д.

Таким образом, проблема охраны нематериального культурного наследия, впервые озвученная в ЮНЕСКО еще во второй половине XX века, сегодня получила свое документальное и институциональное оформление и объединила международное сообщество для решения актуальных проблем выявления, сохранения самого хрупкого наследия разных народов.

Российский список нематериального культурного наследия в ЮНЕСКО

После принятия Конвенции об *Охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО* начал формироваться список объектов НКН, который сегодня насчитывает более 500 памятников [15]. Россия внесла в 2008 году в репрезентативный список два объекта: культурное пространство и устную культуру семейских народов и якутский героический эпос Олонхо.

Семейские народы — это русские старообрядцы, которые в период царствования Екатерины II были высланы в Забайкалье и в Сибирь. В вынужденное изгнание в конце XVIII века отправилось около 35 000 человек. Ссылались старообрядцы целыми семьями, отсюда и название поселений — семейские. В конце XVIII века в Забайкалье было основано более 30 поселений старообрядцев. Ввиду того, что они вели замкнутый образ жизни и не могли свободно перемещаться, им удалось сохранить свою культуру и традиции, которые касались как образа жизни, так и архитектуры, одежды, песен, народной музыки. Семейские народы вызывали уважение у соседей своим трудолюбием, решимостью осваивать край суровой природы.

Села семейских народов состоят из бревенчатых построек, которые ярко окрашены и декорированы узорами, украшены изображением цветов и птиц. Традиционные семейские праздничные костюмы также выглядят весьма ярко и празднично. Женские сарафаны сшиты из цветных тканей, декорированы бисером, украшены цветочными и растительными орнаментами. Славилась семейские народы своими песенными традициями, уникальным запевом, которому мальчиков обучали в специальных школах. В семейском песенном творчестве были популярны целые певческие артели. Культура семейских народов входила в список шедевров нематериального наследия человечества ЮНЕСКО, а затем была включена и в репрезентативный список *Нематериального культурного наследия* [8].

Другим, не менее интересным российским объектом в репрезентативном списке является героический эпос Олонхо, занимающий одно из ведущих мест в традициях фольклора народов Якутии. Эпос состоит из поэм, которые включают стихотворные песни. В нем рассказывается о трех пространствах: верхнем, среднем и нижнем. Центральным объектом произведения является мировое дерево — символ загробной и земной жизни человека. Исполняется эпос одним песнопевцем и в современных реалиях без музыкального сопровождения. Песнопевец должен обладать различными талантами: владеть искусством импровизации, ораторским мастерством, обладать ярким актерским темпераментом. Эпос посвящен ценностям, имеющим вневременное и межцивилизационное значение, таким как: патриотизм, самоотверженность, уважение к семейным устоям, к своим предкам и к своей истории. Эпос Олонхо пережил века, и его герои живут в современной культуре и сегодня [13].

Объекты, включенные в репрезентативный список НКН ЮНЕСКО от России, являются единственными памятниками нематериальной культуры. Потенциал и возможности нашей многонациональной страны гораздо значительнее и позволяют дополнить список ЮНЕСКО новыми объектами, которые могут продемонстрировать исключительное культурное многообразие народов Российской Федерации.

Нематериальное культурное наследие в дискурсе внутренней и внешней культурной политики России

Нематериальное наследие России, безусловно, является значимой частью нашей культуры и способствует сохранению и передаче ценной, глубинной духовной информации. Отметим, что российское наследие является частью мирового культурного достояния и заслуживает международной защиты, а также внимания со стороны международных организаций, и, прежде всего, ЮНЕСКО. Россия принимала активное участие в разработке Конвенции об охране нематериального культурного наследия.

Как уже было отмечено, два российских памятника включены в репрезентативный список ЮНЕСКО. Однако сегодня работа по расширению участия нашей страны в данном проекте приостановлена. Российская делегация неоднократно вносила поправки в Конвенцию, но они так и не были учтены. По мнению российских политиков, существующие подходы к формированию репрезентативного списка вызывают многочисленные вопросы. Как отметила Елена Драпеко, глава Комитета Госдумы по культуре, «мы должны способствовать культурному обогащению. Однако есть и такие обычаи, которые, возможно, и не надо сохранять: калым, бичевание или кража невест» [3]. Конвенцию также не подписали США и Великобритания.

Тем не менее, участие в деятельности ЮНЕСКО способствовало формированию российского списка нематериального культурного наследия. В 2003 году по инициативе Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Министерства культуры Российской Федерации и Государственного российского дома народного творчества им. В. Д. Поленова был создан Российский комитет по сохранению нематериального культурного наследия. В 2008 году началась разработка концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. Далее были внесены изменения в программу «Культура России», которые касались финансирования мероприятий в сфере народного творчества, фольклора и прикладного искусства. Приказ «Об утверждении концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы» вступил в силу 17 декабря 2008 года [10]. Многие важные положения Концепции отсылают нас к документации ЮНЕСКО, но также содержат целый ряд положений, которые имеют национальное значение и определяют социальную, культурологическую и экономическую роль НКН в РФ. Особенная ценность нематериального культурного наследия России подчеркнута и в Стратегии государственной культурной политики РФ на период до 2030 года [12]. В Стратегии отмечено, что сохранение культурного наследия и создание условий для развития культуры — одно из приоритетных направлений культурной политики РФ. Традиционная культура рассматривается как «фактор национальной безопасности и территориальной целостности РФ», поэтому в целях ее сохранения предусматривается «стимулирование и поощрение государством творческого осмысления и продвижения в культурной деятельности традиционных для российского общества нравственных ценностей, традиций и обычаев» [12].

Одновременно с формированием нормативно-правовых основ нематериального культурного наследия РФ стал складываться реестр памятников НКН. Всего в российский реестр входит 50 памятников [11], среди них: традиционные технологии / техники; народное исполнительство; обрядовые комплексы и праздники; народные знания; народные игры, традиционные единоборства и состязания. Однако, если на национальном уровне ценность нематериального культурного наследия сегодня ни у кого не вызывает сомнения, и работа в данном направлении продолжается, то международное взаимодействие с ЮНЕСКО приостановлено, так как Российская Федерация пока не подписала *Конвенцию об охране нематериального культурного наследия*.

На наш взгляд, международное сотрудничество стоит продолжить, так как участие в деятельности ЮНЕСКО способствовало формированию российской политики в сфере нематериального культурного наследия, формированию национальной нормативно-правовой базы и появлению институтов, которые занимаются выявлением, сохранением и продвижением российских памятников нематериальной культуры, и их значение сегодня только возрастает. Для ЮНЕСКО российский опыт также может быть весьма интересен. Россия — многонациональная страна, и без наших памятников репрезентативный список международной организации не может быть полным.

Заключение

Важность выявления, сохранения нематериального культурного наследия сегодня очевидна. НКН служит гарантом культурного многообразия современного мира и каждого отдельного государства. Россия — страна, обладающая уникальными возможностями в сфере материальной и нематериальной культуры. Формирование репрезентативного списка НКН способствует осознанию наших духовных ресурсов, выявлению многообразия национальных традиций. На наш взгляд, стоит продолжить работу по включению нематериального наследия РФ в Список ЮНЕСКО, так как данная деятельность будет способствовать популяризации многонациональной культуры России в мире, признанию исключительного культурного многообразия нашей страны и наших уникальных возможностей [14]. Кроме того, участвуя в реализации Конвенции НКН, Россия сможет получать ценную экспертную помощь, предлагать оригинальные международные туристические маршруты, основанные на изучении памятников нематериальной культуры. Безусловно, стоит существенным образом расширить российский и международный список объектов НКН, так как в современном национальном списке очень скромно представлены праздники народов нашей многонациональной страны, самобытные и весьма разнообразные гастрономические традиции России.

Международный опыт и квалифицированная экспертная поддержка может помочь в сохранении очень хрупких памятников нематериальной культуры, которые должны быть переданы следующим поколениям.

Список использованных источников и литературы

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 13.03.2022).
2. Додонова М. Специфика охраны нематериального культурного наследия на территории Российской Федерации // Альманах «Этнодиалоги». — 2018. — № 2 (56). — С. 207–216.
3. Елена Драпеко рассказала, почему РФ не приняла конвенцию ООН об охране нематериального культурного наследия // Парламентская газета. — 2018. — 22 марта [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pnp.ru/social/drapeko-rasskazala-pochemu-rf-ne-prinyala-konvenciyu-onn-ob-okhrane-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya.html> (дата обращения: 15.03.2022).
4. Кирюшина Ю. В. Нематериальное культурное наследие — актуальное понятие современности // Философия, социология и культурология. — 2011. — № 2–1(70). — С. 244–247.
5. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гагская конвенция 1954) [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900810> (дата обращения: 10.03.2022).
6. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 13.03.2022)
7. Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 15.03.2022).
8. Культура семейских [Электронный ресурс]. — URL: <https://livingheritage.ru/brand/respublika-buryatiya/kultura-semejskih> (дата обращения: 15.03.2022).
9. Пакт Рериха. Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников [Электронный ресурс]. — URL: <https://icr.su/rus/evolution/pact/> (дата обращения: 13.03.2022).
10. Приказ «Об утверждении концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы» вступил в силу 17 декабря 2008 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/6399342/> (дата обращения: 15.03.2022).
11. Реестр объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rusfolknasledie.ru/#/main> (дата обращения: 15.03.2022).

12. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]. —
URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>
(дата обращения: 15.03.2022).
13. Якутск. Страница о Якутске [Электронный ресурс]. —
URL: <https://www.yakutskhistory.net/>(дата обращения: 15.03.2022).
14. *Nikolaeva J. V., Bogoliubova N. M., Fokin V. I., Eltc E. E., Portnyagina M. D.* World cultural heritage in the context of globalization: trends, issues and solution // International Journal of Scientific and Technology Research. — 2019. — Vol. 8. — № 10. — P. 842–845.
15. Purpose of the Lists of Intangible Cultural Heritage and of the Register of Good Safeguarding Practices. Intangible Heritage. UNESCO. [Электронный ресурс]. —
URL: <https://ich.unesco.org/en/purpose-of-the-lists-00807> (дата обращения: 15.03.2022).

Гёзалов Парвин Фахраддин оглы (Азербайджан)

Общественная организация «ГАСР» (Замок) по защите культурного наследия и исторических памятников

Международный комитет ИКОМАМ (Комитет военной истории, военных музеев и коллекций оружия)

parvin.gozalov@mail.ru; parvin.gozalov@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНОЕ КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПЕРИОД МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

INTERNATIONAL CULTURAL AND HUMANITARIAN COOPERATION IN THE PERIOD OF INTERSTATE CONFLICTS

Аннотация. В статье рассматривается международное культурно-гуманитарное сотрудничество в условиях конфликтов. Автор приводит в качестве примера азербайджано-армянский конфликт, отмечает его негативные последствия для культурного наследия обеих стран.

Ключевые слова: культурное сотрудничество, культурное наследие, межгосударственные конфликты, Россия, Азербайджан, Армения.

Abstract. The article discusses international cultural and humanitarian cooperation in conflict conditions. The author cites the Azerbaijani-Armenian conflict as an example and notes its negative consequences for the cultural heritage of both countries.

Key words: cultural cooperation, cultural heritage, interstate conflicts, Russia, Azerbaijan, Armenia.

Международное культурно-гуманитарное сотрудничество в периоды межгосударственных конфликтов имеет приоритетное значение в международных отношениях, так как межгосударственные конфликты наносят очень большой урон культуре и культурным связям. Однако несмотря на трудности и преграды Азербайджанская Республика и Российская Федерация продолжают активно сотрудничать в разных сферах, в том числе и в гуманитарном направлении, сохраняя партнерские отношения.

Особо следует подчеркнуть инициативу Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и его колоссальный вклад в заключение трехстороннего заявления между Азербайджанской Республикой, Российской Федерацией и Армянской Республикой в ночь с 9 на 10 ноября 2020 года. Заявление состоит из следующих пунктов:

1. Объявляется о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне нагорно-карабахского конфликта с 00 часов 00 минут по московскому времени 10 ноября 2020 года. Азербайджанская Республика и Армения останавливаются на занимаемых ими позициях.
2. Агдамский район возвращается Азербайджанской Республике до 20 ноября 2020 года.
3. Вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора развертывается миротворческий контингент России в количестве 1960 военнослужащих со стрелковым оружием, 90 бронетранспортеров, 380 единиц автомобильной и специальной техники.
4. Миротворческий контингент Российской Федерации развертывается параллельно с выводом армянских вооруженных сил. Срок пребывания миротворческого контингента Российской Федерации — 5 лет с автоматическим продлением на очередные 5-летние периоды, если ни одна из Сторон не заявит за 6 месяцев до истечения срока о намерении прекратить применение данного положения.
5. В целях повышения эффективности контроля за выполнением Сторонами конфликта договоренностей развертывается миротворческий центр по контролю за прекращением огня.

6. Армения до 15 ноября 2020 года должна была вернуть Азербайджану Кельбаджарский район, до 1 декабря 2020 года — Лачинский район. Лачинский коридор (шириной 5 км), который будет обеспечивать связь Нагорного Карабаха с Арменией и при этом не будет затрагивать город Шушу, остается под контролем миротворческого контингента Российской Федерации. В течение трех лет будет определен план строительства нового маршрута движения по Лачинскому коридору, обеспечивающий связь между Нагорным Карабахом и Арменией, с последующей передислокацией российского миротворческого контингента для охраны этого маршрута. Азербайджан гарантирует безопасность движения по Лачинскому коридору граждан, транспортных средств и грузов в обоих направлениях.
7. Внутренне перемещенные лица и беженцы возвращаются на территорию Нагорного Карабаха и прилегающие районы под контролем Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев.
8. Производится обмен военнопленными и другими удерживаемыми лицами и телами погибших.
9. Разблокируются все экономические и транспортные связи в регионе. Армения гарантирует безопасность транспортного сообщения между западными районами Азербайджана и Нахичеванской Автономной Республикой с целью организации беспрепятственного движения граждан, транспортных средств и грузов в обоих направлениях. Контроль за транспортным сообщением осуществляют органы Пограничной службы ФСБ России. По согласованию Сторон будет обеспечено строительство новых транспортных коммуникаций, связывающих Нахичеванскую Автономную Республику с западными районами Азербайджана [5].

В период военного конфликта между Азербайджаном и Арменией, продолжавшегося почти 30 лет, до 2020 года, не было сделано ни одного реального шага в сторону решения конфликтной ситуации в Карабахе со стороны международных организаций, в том числе и со стороны Организации Объединенных Наций (ООН).

Несмотря на то, что Азербайджанская Республика стала членом ООН 2 марта 1992 года, постоянное Представительство Азербайджана при ООН было открыто в Нью-Йорке 6 мая 1992 года. С первого дня своего учреждения Постпредство развило активную деятельность в основных структурах организации, направленную на разъяснение реальной ситуации вокруг армяно-азербайджанского конфликта и защиту интересов республики. Одной из труднейших задач Постпредства было разрушение тех стереотипов о нашей республике, которые создавали информационные структуры недружественных государств. Благодаря дипломатическим усилиям президента Азербайджанской республики Гейдара Алиева информационная блокада постепенно была снята.

Проводя постоянную работу в ООН с членами Совета Безопасности ООН, дипломатия в значительной мере способствовала принятию четырех резолюций (822, 853, 874 и 884) по армяно-азербайджанскому конфликту, требующих немедленного, полного, безоговорочного вывода оккупационных сил, подтверждающих территориальную целостность и неприкосновенность границ Азербайджана, возвращение беженцев в места постоянного проживания [6, с. 58]. С этого момента президент Азербайджана Гейдар Алиев, выступив за рассмотрение международными и региональными организациями проблем безопасности, добился ускорения их реакции на события, происходящие в регионе, активизации усилий по восстановлению здесь мира и спокойствия. Глава нашего государства, участвуя в работе международных и региональных форумов, добился того, чтобы правда о конфликте стала достоянием широкой общественности, чтобы количество стран, поддерживающих Азербайджан и осуждающих агрессию Армении, увеличилось, чтобы на высоких и авторитетных уровнях были приняты эффективные решения о путях устранения конфликта.

В 1994 году, после установления режима прекращения огня (май 1994 года), азербайджанская дипломатия в связи с приближающимся Будапештским саммитом ОБСЕ еще более активизировалась. В июле 1994 года в Москве состоялась встреча президентов Азербайджана и Армении, на которой было достигнуто общее согласие о сохранении режима прекращения огня.

После избрания народом Ильхама Алиева президентом Азербайджана благодаря активным дипломатическим усилиям, широкому информированию о конфликте и мирным инициативам Азербайджанского руководства за короткий срок произошли коренные изменения в подходе ведущих стран мира и отдельных влиятельных политиков к проблеме.

К сожалению, реальных изменений не произошло. Но в результате очередной военной провокации со стороны вооруженных формирований Армении 27 сентября 2020 года начались оборонительные действия. В результате наступательной операции Вооруженных сил Азербайджана, политической решительности и умелых тактических шагов Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами Азербайджана Ильхама Алиева военным путем были освобождены 5 городов, 4 области, 286 сел и деревень.

Считаю, что следует особо подчеркнуть дипломатический вклад России в решение армяно-азербайджанского конфликта. Очень важно, что в результате достижения соглашения о прекращении огня несколько тысяч жизней отцов, сыновей, братьев и мужей были спасены. Я цитирую историческое высказывание президента РФ Владимира Владимировича Путина в эфире программы «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия-1»:

«Я хочу вернуть Вас к той части, о которой я говорил в начале. Армения же не признала независимость и суверенитет Нагорного Карабаха. Это означало с точки зрения международного права, что и Нагорный Карабах, и все прилегающие к нему районы являлись, являются неотъемлемой частью территории Азербайджанской Республики. ...договор ОДКБ (о коллективной безопасности) предусматривает взаимную помощь в случае агрессии в отношении территории страны-участницы этого договора. На территорию Армянской Республики никто не покушался. И это не давало нам никакого права принять прямое участие в этих боевых действиях» [8].

Сейчас Российская Федерация проводит спецоперацию для обеспечения государственных и геополитических интересов и, главное, ради обеспечения безопасности русскоязычного населения на территории Украины, а в дальнейшем для предоставления убежища гражданам, оставшимся в сложных ситуациях. Считаю, что надо вспомнить события 7–8-летней давности, когда ситуация целенаправленно накалялась, и, конечно же, не без поддержки Запада и, в первую очередь, Европы. Те же самые западные коллеги вместо того, чтобы разрядить ситуацию, намеренно усугубляют конфликт, обеспечивая финансами и вооружением украинских националистов. Считаю себя доминирующей силой современного мира, западные партнеры вводят санкции против РФ, в результате уничтожается долгий труд специалистов разных направлений в создании прочного фундамента для значимых международных культурно-гуманитарных взаимоотношений.

Говоря о международном культурно-гуманитарном сотрудничестве, нужно напомнить в первую очередь о профессиональных взаимоотношениях между отдельными специалистами из разных стран. Тематика совместных проектов может быть не регламентирована и не являться госзаказом, но, в свою очередь, совместная идея или проект может отвечать общим интересам. В процессе осуществления совместных проектов между представителями разных культур и традиций создается основа для международного сотрудничества и взаимного обмена опытом в достижении прогресса, отвечающего общим интересам. Однако встречаются и негативные примеры сотрудничества. В таких случаях, получая гранты и оплачиваемые проекты от европейских и западных коллег, их участники совершенно забывают о государственных интересах и ценностях.

В качестве одного из примеров международного сотрудничества хотелось бы вспомнить об участии автора в юбилейной гибридной научной конференции «Геральдика:

исследования и практика», приуроченной к 300-летию создания Герольдмейстерской конторы Петром Великим и 30-летию восстановления Геральдической службы и Российской Федерации. Конференция была организована Государственным Эрмитажем и Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации. На официальном открытии конференции Генеральный директор Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский в онлайн-режиме поздравил всех участников и пожелал успешной работы. Заместитель директора по науке, Государственный Герольдмейстер РФ, доктор исторических наук Георгий Вадимович Вилинбахов зачитал поздравления, пожелания Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и директора Службы внешней разведки Российской Федерации Сергея Евгеньевича Нарышкина. В работе конференции приняли участие 48 докладчиков из Санкт-Петербурга, Москвы, Баку, Брянска, Сочи, Новосибирска, Комсомольска-на-Амуре, Оренбурга, Таллина, Тюмени, Сыктывкара, Екатеринбурга, Иваново и Кирова.

Автор настоящей статьи представил научный доклад «Исламская и советская символика на революционных знаменах 1919–1922 гг.». Надо отметить, что среди приглашенных участников автор являлся единственным зарубежным докладчиком (поездка осуществлена за личные средства). На заседаниях обсуждались актуальные вопросы геральдики, в том числе концепции и стратегии реализации единой государственной политики в области геральдики в России, правовые вопросы геральдики, а также гербы городов, областей и дворянских родов Российской Империи. В докладе затрагивалась история двух революционных знамен с исламской и советской символикой. Эти знамена были представлены в 2010 году в книге Пьера Знаменского в Париже, но совсем с другой интерпретацией событий. Пьер Знаменский работал дипломатом в РФ. На лицевой стороне первого знамени 1919 года внизу изображены: мусульманский полумесяц, над ним — один символ Советского союза — красная пятиконечная звезда, вышитые из красной ткани. Символическое значение данной композиции состоит в следующем: изображение звезды выше полумесяца означает, что советская власть выше религиозной принадлежности. Над звездой размещена цифра «1», текст и цифры изображены способом аппликации и вышиты из ткани желтого цвета. Ниже полумесяца имеется надпись «Баш. Кав. П.» означающая Первый башкирский кавалерийский полк, которому был вручен этот флаг. Этот полк является типичным примером тех разноплановых воинских формирований, которых было немало во время Гражданской войны. Это подразделение фактически предоставляло свои услуги тому, кто предлагал самую высокую оплату и меняло сторону как минимум четыре раза за годы революции: с «белыми» армиями в начале Гражданской войны, в 1919 году 1-й взвод стал «красным», а затем первый башкирский кавалерийский полк на короткое время снова стал «белым». В 1920 году полк продолжил блестящую карьеру наемника на стороне «красных» и исчез в результате заключения мира 1921 года. Использование этих вспомогательных сил в составе «красных» или «белых» армейских корпусов является обычным явлением [11].

Своеобразие знамени состоит в том, что оно датируется «советским» периодом взводов, что объясняет наличие красной звезды над мусульманским полумесяцем. Эта смесь религиозного и политического символизма распространена среди мусульманских формирований с обеих сторон.

Второе знамя 1922 года, о котором шла речь в докладе, представляет собой полотно размерами 81x112 см. Знамя сшито из красного бархата, расшито серебром и цветными нитями, украшено аппликацией из цветных тканей и обшито серебряным шнуром. На лицевой стороне размещена символика артиллерии и кавалерии, изображены перекрещенными две пушки и подкова. Над подковой имеются полосы, символизирующие лучи солнца — символическое значение «процветания и роста». По центру на фоне синего цвета имеется изображение Ордена Красного Знамени, а ниже размещена римская цифра два (II) темно-серого цвета. На полотне нанесен текст: «Совет Народных Комиссаров Федеративной Социалистической Республики Украина»: «АНК СССР 1921 / II. легкая батарея Галичины». На оборотной стороне полотна размещен текст: «От рабочих и крестьян Украины». На полотне

также желтого цвета изображены пятиконечная звезда и советская символика — серп и молот. Этот флаг также использовался на Украине во время Гражданской войны. Он представлял вторую Галицкую батарею, артиллерийский отряд, который поддерживал армию под командованием В. А. Антонова-Овсеенко на Украинском фронте против нескольких противников: украинских националистов С. Петлюры, поддерживаемых английской и французской армией, белой армии А. Деникина, а затем П. Врангеля. После поражения националистов к Галицкой батарее подключились греческие интервенты и отряды партизан, в частности, анархиста Нестора Махно.

Во время этой кампании Польского сражения [9, 10] Красная Армия потеряла более 40 штандартов, которые во время войны были выставлены в армейском музее в Варшаве. Польша была вынуждена вернуть СССР эти знамена в 1945 году после освобождения страны советскими войсками [2]. На знамени также изображена богато выполненная репродукция ордена Военного Красного Знамени РСФСР. Это указывает на то, что отряд был коллективно оформлен для военных действий в 1922 году, отсюда и упоминание этой даты на полотне [11].

По завершении доклада был озвучен ряд вопросов, в том числе о знаменах, опубликованных в Париже, на которые автор ответил и рекомендовал совместно изучать опубликованные в Европе материалы, касающиеся советского периода. Поскольку в отмеченных изданиях события и факты интерпретируются в ином ракурсе и с другими целями, предлагается на заседаниях Геральдического совета при Президенте РФ обсудить данный вопрос с целью пресечения попыток фальсификации истории. Одним из примеров является тот факт, что в период создания Советского Союза некоторые европейские издания интерпретировали события таким образом, что республики были оккупированы Красной Армией, в то время как реальные события 1919–1922 года показывают, что рабочие и крестьяне сами обращались к Красной Армии и даровали им знамена [7, с. 4].

Список использованных источников и литературы

1. Азербайджан в системе международных и региональных организаций / А. Н. Аббасбейли, А. М. Гасанов. — Баку: Азернешр, 1999. — 256 с.
2. *Бивор Э.* Падение Берлина. 1945. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. — 622 с.
3. Внешняя политика России. Сборник документов. 1990–1992 / Отв. ред. А. С. Чернышов. — М.: Международные отношения, 1996. — 608 с.
4. *Гёзалов П.* Роль Гейдара Алиева в дипломатической жизни страны в 90-е годы (науч. рук. проф. В. Г. Алиев) // Материалы 66-й научной конференции. — 2005. — Вып. VIII. Азербайджан. гос. пед. ун-т. Научное общество студентов. БАКУ-ADPU-2005. — С. 79–81.
5. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 05.04.2022).
6. *Мусаев Т.* Правовые аспекты нагорно-карабахского конфликта. — Баку: Шарг-Гарб, 2001. — 72 с.
7. Предостерегая от фальсификации // Бакинский рабочий: Ежедневная общественно-политическая газета (выходит с мая 1906 года). — 2022. — № 39 (29183). — 2 марта. — С. 4.
8. Путин: С точки зрения международного права и Нагорный Карабах, и все прилегающие к нему районы являются неотъемлемой частью Азербайджана // Москва — Баку.ru. 2020. 17 ноября [Электронный ресурс]. — URL: https://moscow-baku.ru/news/politics/putin_zayavil_chno_status_nagornogo_karabakha_budet_opredelen_v_budushchem/ (дата обращения: 10.04.2022).
9. Советско-польская война // Большая российская энциклопедия: в 35 томах / Гл. ред. Ю. С. Осипов. — М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017.
10. *Трайнин И. П.* Национальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии // Вестник Академии наук СССР. — 1939. № 8–9. — С. 1–24.
11. *Gozalov P.* Исламская и советская символика на революционных знаменах 1919–1922: Доклад в Государственном Эрмитаже 18.02.2022 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=rCbgtPb_jYs (дата обращения: 10.04.2022).

Гудалов Николай Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет

n.gudalov@spbu.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУР У ГЕРОДОТА: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HERODOTUS' STUDY OF CULTURES: THE SIGNIFICANCE FOR INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

Аннотация. В статье показано, что идеи Геродота о многообразии, балансе, умеренности сближают его с политическим реализмом в теории международных отношений, а внимание к культуре как автономной от природы категории, многообразие культур, культурному «конструированию» географии — с конструктивизмом. Отмечены некоторые сильные и слабые стороны этих подходов.

Ключевые слова: Геродот, культура, теория международных отношений, реализм, конструктивизм.

Abstract. The article shows that Herodotus' ideas of pluralism, balance and moderation bring him close to realism, and his attention to culture as a category autonomous from nature, to the pluralism of cultures and to the cultural 'construction' of geography bring him close to constructivism. Some strengths and weaknesses of these approaches are noted.

Key words: Herodotus, culture, International Relations theory, realism, constructivism.

Цель данной статьи — кратко продемонстрировать, почему исследование культур у Геродота [1] достойно гораздо большего внимания в теории международных отношений (ТМО), чем до сих пор уделялось. Постановка такой цели актуальна, с одной стороны, по причинам теоретического свойства. Обращение к Геродоту позволяет углубить историческую ретроспективу ТМО. Геродот ставит и логически «вечные» вопросы. Ряд его идей созвучен набирающим сейчас силу ревизионистским трактовкам политического реализма и даже конструктивизму [2]. С другой стороны, размышления о Геродоте важны и в эмпирическом, и в этическом планах. Они позволяют лучше понять и критически оценить события, связанные с тем, что многие международные акторы не учитывали и не учитывают «уроков» Геродота о важности многообразия культур и баланса.

В рамках сжатой статьи мы лишь наметим некоторые причины, по которым Геродот важен для ТМО, и ограничимся теоретическими аспектами. Но и такая работа, как представляется, будет иметь некоторую новизну, поскольку в ТМО систематически Геродот не рассматривался (см. также работы вне ТМО [5; 6]). Изложение «западного» канона дисциплины обычно начинают с Фукидида [4].

С точки зрения теории и методологии исследования, мы осознанно вписываем статью в рамки ТМО: мы не претендуем на вклад в античную историю или филологию. С этим во многом связано и то, что мы читаем Геродота скорее в теоретическом регистре, фокусируясь не столько на особенностях его исторической эпохи, сколько на идеях, которые мы можем у него почерпнуть и которые важны почти для всех эпох. Признавая уникальность каждой эпохи в определенных пределах, мы все же считаем, что вполне можем, не слишком греша анахронизмом, например, называть «международными отношениями» отношения древнегреческих полисов между собой и с Персидской империей. Всякое время будет вкладывать в этот и подобные термины отчасти разные смыслы — и все же ряд существенных характеристик и поучительных проблем останутся схожими. Великий «отец истории» мог иметь и других «детей», даже если он сам о них не знал и если ученые до сих пор редко этих «детей» обнаруживали. Одно из таких детищ — совокупность тех идей о международных отношениях, которые мы и рассмотрим. Мы последовательно отметим то, как Геродот вписывался

в свою историческую эпоху; как он изучал культуры; как оценивал их; какие выводы для ТМО можно сделать.

Взгляды Геродота хорошо отражают зарождавшиеся в тогдашней Древней Греции мысли. Внимание сдвигалось с натурфилософии на изучение человека, продуктов человеческой деятельности, т. е. культуры в широчайшем смысле, что видно и у софистов, и у Сократа. Развивались демократические дискуссии [6]. Кроме того, греки стали все больше осознавать свою самобытность и ограничивать себя от «варваров». Но при этом слово «варвар» далеко не всегда имело негативный оттенок. Более того, некоторые греческие авторы, в том числе Геродот, признавали и, вероятно, даже преувеличивали связи с другими народами, среди которых персы и особенно египтяне [3, с. 46, 70–74].

В этом контексте Геродот стал одним из первых, кто увидел важность внимательного изучения многообразия культур, учета специфики каждой [7, р. 123]. Вероятно, он первым изобразил столь детальную мозаику различных культур. Заметим, что этот аспект делает его даже интереснее, чем Фукидид, для размышлений о современном мире, где, несмотря на глобализацию, культурное многообразие не только не исчезло, но зачастую и подчеркивается через возрождение или изобретение традиций. Если Фукидид в основном описывал взаимодействие между эллинами, людьми схожей культуры, то Геродота интересовали очень разные культуры, в том числе в связи с его центральной темой — греко-персидскими отношениями.

Показательно, что Геродот сосредоточивается на делении земли не по физико-географическим, а именно по культурным критериям. Он прекрасно понимает, что общепринятое у эллинов деление на Азию, Ливию и Европу нуждается в вопрошании о том, кто дал эти имена и провел эти границы (другое дело, что ответа у Геродота нет) [1, IV 45]. Отмечает Геродот и то, что персы рассматривают Азию как свою, а Элладу и Европу — как чужую землю [1, I 4]. Но и сегодня мы можем согласиться с тем, что такие «искусственные разделения» имеют огромное политическое значение [3, с. 46].

С одной стороны, очевидно, что Геродот уделяет внушительную часть своего труда подробным описаниям различных обычаев. С другой стороны, не менее любопытно то, что греческая и негреческие культуры у него оказываются, как отмечалось, тесно взаимосвязанными, вероятно, даже теснее, чем это было в реальности. Этот аспект может быть менее очевидным, а потому достоин большего внимания. Так, отмечают у Геродота пассажи, в которых видят начатки «западного» ориентализма в отношении Азии [7, с. 115–116]. Действительно, у него имеются разделения между эллинами и персами. Тем не менее, в случаях и греков, и персов, и ряда других народов Геродот вовсе не рисует картину культур как неких жестко ограниченных друг от друга сущностей. Он отмечает заимствования греков у других культур и сходства между культурами [1, напр., II 50–51, V 58–59, VI 58–60]. По его мнению, чуть ли не первый греческий философ, Фалес Милетский, «по происхождению финикийнин» [1, I 170], а имя и родители важнейшего героя, Геракла, происходят из Египта [1, II 43]. Гелоны были эллинами по происхождению, сохранили элементы греческих религии и языка, но жили среди кочевников — будинов и отчасти говорили на скифском [1, IV 108–109], а каллипиды и вовсе характеризуются как «эллинские скифы» [1, IV 17].

Как Геродот оценивает многообразие культур и их взаимосвязи? Конечно, он иногда выносит содержательные этические суждения. Так, «распри в своем народе настолько же губительнее войны против внешнего врага, насколько война губительнее мира» [1, VIII 3]. Здесь, однако, нет оценки особенностей той или иной культуры. Встает вновь и вопрос об ориентализме, но Геродот оказывается далеко не абсолютным ориенталистом и в своих оценках греков и других народов. Так, именно персы у него оказываются способными на весьма интересную дискуссию о сравнении разных форм государственного устройства [1, III 80–83]. При этом Отан выступает за демократию, когда государственные «должности ответственны, а все решения зависят от народного собрания» [1, III 80]. После того, как была выбрана монархия, Отан отказался от борьбы за власть, а он и его потомки подчинялись царю, лишь поскольку хотели этого, следуя только персидским законам [1, III 83]. С другой

стороны, например, Геродот не раз иронизирует над политическим легковерием афинян. Писистрат дважды обманывает их [1, I 59–60] — несмотря на то, что Геродот тут же отмечает, что якобы «эллины отличались бóльшим по сравнению с варварами благоразумием», а афиняне «считались самыми хитроумными из эллинов» [1, I 60].

Итак, Геродот во многом отказывается выносить суждения о разных культурах, часто ограничиваясь описаниями и констатацией того, как сильно те или иные обычаи влияют на своих последователей. Когда же он выносит оценки, они неоднозначны для греков и негреческих народов. В связи с этим вполне логично сказать, что этическим ориентиром для Геродота оказывается не какой-то определённый набор содержательных норм, связанных с той или иной культурой, а ориентир более формальный — идея баланса и умеренности. Она была связана с верой в богиню Немесиду, которая устраняла излишки, отражая не осуждение каких-то конкретных этических норм, а лишь необходимость вернуть что-либо в подобающие рамки, восстановить баланс. Возможно, Геродот был первым из великих «западных» авторов, кто во многом положил в основу своего обширного произведения идею божественной справедливости, которая почти полностью доступна человеческому пониманию. Так, божества Древней Месопотамии едва ли вообще изображались как справедливые, а Бог в Книге Иова, скорее, поражает своим загадочным всемогуществом [7, с. 19–76, 110–138]. Разработка идеи справедливости (конечно, далеко не полная) — еще одна причина, по которой Геродот заслуживает внимания, в том числе и в ТМО. Через призму идеи умеренности можно смотреть на оценку главного сюжета у Геродота — действий Персии против Греции. Артабан предупреждает Ксеркса о том, что чрезмерные амбиции могут быть разрушены божеством или теми, кто на первый взгляд кажется слабее [1, VII 10], «сколь губельна страсть к великому могуществу» [1, VII 18]. В итоге, конечно, Персию постигает неудача. Отчетливо идея умеренности видна и в истории Поликрата, которому неизменно везло. Амасис предупреждал его о зависти божества и о том, что лучше, когда успехи чередуются с неудачами [1, III 40]. В итоге Поликрат, как ни старался, не смог обмануть судьбу и встретил ужасную смерть [1, III 125].

Эти краткие иллюстрации показывают, что Геродот оказывается близким некоторым идеям в рамках сразу двух широких направлений в ТМО — реализма и даже конструктивизма. Ясно, что, вопреки грубым стереотипам, реализм так или иначе часто обращался к этике, и ориентиры многообразия, баланса и умеренности давно выдвигались многими реалистами. Более того, опять-таки вопреки стереотипам, реализм не является сугубо материалистическим подходом, иногда уделяя внимание и идеям [2]. По крайней мере, для наиболее философски интересных реалистов характерен подход, согласно которому нужно исходить из данности — многообразия политий, теорий, этик, а не из утопических мечтаний о единой политике, теории или этике. Во многом именно таков и взгляд на мир Геродота (см. также [6]). С позиций обозначенного нестереотипного взгляда на реализм совсем не удивительно и то, что Геродота можно сблизить одновременно и с конструктивизмом. Его внимание к культуре как автономной от природы категории, многообразию культур, культурному «конструированию» географии весьма красноречиво. В широкой исторической ретроспективе переключки между Геродотом, реализмом и конструктивизмом (при всех имеющихся, хорошо известных различиях) не кажутся чем-то невероятным. Геродот жил и внес вклад в общество, в котором зародилась идея о том, что человеческие культуры, теории, этические нормы не заданы жёстко природой, а во многом конструируются самими людьми, причем в разных группах людей они разные. Такими представлялись человеческие *реалии*. По сути та же идея затем получала новый импульс всякий раз, когда люди вновь осознавали свою свободу в сотворении — конструировании — смыслов. В политическом плане в западной истории нужно отметить смену в Новое время католического и имперского универсализмов на идею множества суверенных государств, разрушение многих претендовавших на абсолютный статус ориентиров в XX веке, наконец, конструктивистский и постмодернистский климат последних десятилетий.

Как мы можем оценить те идеи, которые впервые подробно выразил во многом именно Геродот? Среди прочего, плодотворными кажутся его акценты на уважении плюрализма, коллективной человеческой свободы в конструировании своих собственных, разных культур. В своих наилучших проявлениях реализм и конструктивизм, каждый по-своему, противостоят любым наивным и опасным попыткам свести реальную множественность политических практик, теорий и ценностей к какой-либо догме. Иногда погоня за призрачным «лучшим» в политике — враг хорошего, а попытки добавить к балансу бóльшую справедливость разрушают и баланс, и справедливость. Как мы видели, учитывал Геродот и параллели, и взаимосвязи культур. Необходимо пояснить, возможны ли сравнения между разными ценностями? Начинать стоит с понимания реальности, но вряд ли можно на этом и заканчивать, никак ее не оценив, как это часто делает Геродот. Иногда он, разумеется, не свободен и от произвольного возвышения эллинов над «варварами». Подходы, подобные реализму и конструктивизму, по своей логике во многом лишь констатируют множественность, но предлагают мало этических критериев того, как ее оценить. Наличие более разработанных, рациональных (но не догматичных) этических критериев позволило бы как сохранить уважение к плюрализму, так и сопоставлять разные ценности.

Вопросы о том, *что* людям делать со своей свободой, как конструировать свои практики, лучше познавать и оценивать их, гармонизировать их между собой — это «вечные» вопросы, возможно, лишь заостренные все большей сложностью и меньшей предсказуемостью современного мира. Остаются международные акторы, которые имеют излишние амбиции, иллюзии о своей мощи, объеме знаний и этической правоте, пытаются распространить свои правила на большинство остальных. Такая внешняя политика часто ведет к издержкам не только для её объектов, но и субъектов: последние, хотя и являются мощными акторами, лишь теряют свою мощь, пытаясь навязывать свои правила. Реальность оказывается сложнее вульгарного «реалистического» увеличения собственной мощи; неэтичная политика оказывается еще и неэффективной. С другой стороны, современному миру часто не хватает и того, чего не хватает также Геродоту, реализму и конструктивизму — более четких (хотя и не догматичных) ориентиров для действия в сложной обстановке.

Список использованных источников и литературы

1. *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. Г. А. Стратановского // Геродот. — Л.: Наука, 1972. — 600 с.
2. *Гудалов Н. Н.* Роль языка в реалистической традиции изучения международных отношений / Н. Н. Гудалов, И. В. Чернов // *Полития: анализ, хроника, прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). — 2020. — № 2 (97). — С. 54–66.
3. *Расширение греческого мира. VIII–VI века до н. э.* / Под ред. Дж. Бордмэна и Н.-Дж.-Л. Хэммонда: пер. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания А. В. Зайкова. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Ладомир, 2015 (653 с.) (Кембриджская история древнего мира. Т. III, ч. 3).
4. *Фукидид*. История / Пер. Г. А. Стратановского // Фукидид. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 800 с.
5. *Harrison T.* Herodotus on the American Empire // *Classical World*. — 2009. — Vol. 102. — No. 4. — P. 383–393.
6. *Schlosser J. A.* Herodotean Realism // *Political Theory*. — 2014. — Vol. 42. — No. 3. — P. 239–261.
7. *Stewart J.* The Emergence of Subjectivity in the Ancient and Medieval World: An Interpretation of Western Civilization. — Oxford: Oxford University Press, 2020. — 416 p.

Иванников Игорь Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет
ivannikov-1968@yandex.ru

Чернов Игорь Вячеславович

Санкт-Петербургский государственный университет
igor_chernov@mail.ru

**«ГОСПОДИН, ТОВАРИЩ, БАРИН».
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОММУНИКАЦИЯ РАННЕГО
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ**

**“GOSPODIN, TOVARISHCH, BARIN”.
INTERNATIONAL COMMUNICATION OF THE EARLY EASTERN
EUROPEAN MIDDLE AGES AND ITS REFLECTION IN THE SOCIO-
POLITICAL VOCABULARY OF SLAVIC LANGUAGES**

Аннотация. В статье рассматривается проблема языковых заимствований славян в процессе их культурного общения с другими народами, готами, болгарами, поляками и др. Авторы ставят целью рассмотреть возможную этимологию некоторых терминов русского языка, относящихся к общественно-политической лексике. По мнению авторов, эти термины происходят от средневековых этнонимов народов-завоевателей, которые постепенно были распространены на весь высший слой общества.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, славянские языки, языковые заимствования, русский язык.

Abstract. The article deals with the problem of linguistic borrowings of Slavs in the process of their cultural communication with other peoples, Goths, Bulgarians, Poles, etc. The authors aim to consider the possible etymology of some terms of the Russian language related to socio-political vocabulary. According to the authors, these terms originate from medieval ethnonyms of the conquering peoples, which were gradually extended to the entire upper stratum of society.

Key words: intercultural communication, Slavic languages, linguistic borrowings, Russian language.

В средневековой истории Европы мы часто видим «присвоение» этнонима народа-завоевателя представителями иных этноязыковых сообществ. Так, например, термины «Франция» и «французы» происходят от названия германского племени франков, завоевавшего кельтскую по своим этническим истокам, латиноязычную Галлию, а термины «Болгария» и «болгары» — от этнонима тюркоязычного племени болгар, покорившего часть балканских славян и создавшего на этой территории свою государственность. «Ромеи», самоназвание жителей Восточной Римской империи (греков по языку и по происхождению), также напоминает о римлянах, некогда покоривших Грецию. Это же явление, скорее всего, мы наблюдаем и в случае с терминами «Русь» (позднейшее грецизированное «Россия») и «русский». Судя по свидетельству «Повести временных лет», «русью» себя называли призванные восточнославянскими племенами варяги-скандинавы. Однако следует отметить, что, несмотря на чужой заимствованный этноним, «завоеванные» этноязыковые сообщества зачастую успешно ассимилировали пришельцев, которые через несколько поколений фактически утрачивали свой язык и культуру, растворяясь в местном населении.

Также средневековые народы часто заимствовали из других языков названия высших государственных должностей и титулов. Так, например, современное русское слово «король» — это западославянское производное от имени франкского императора Карла Великого (ум. в 814 г.). Так как в древности у славян не было государственности и устойчивой властной иерархии, то закономерно, что в их языке не существовало слов для обозначения высших государственных постов. Эти слова появлялись как заимствования при встрече с более государственно организованными соседями. Как известно, слово «король» проникло в западные славянские языки после завоевания этих земель Карлом Великим. Имя Карла после IX века стало обозначением верховного правителя именно на территории распространения западославянских языков, непосредственно соприкоснувшихся с франками. Впрочем, данный процесс превращения личного имени в государственный титул характерен не только для славян. Достаточно вспомнить Юлия Цезаря, имя которого стало высшим титулом не только в Римской империи, но и во многих других странах (немецкое *Keiser*, русское «царь»). Впрочем, слово «король» осталось чуждым для восточнославянских языков (носители которых никогда не встречались с франками), у них сохранилось использование архаического слова **князь**. Причем, по мнению лингвистов, само слово «князь», несомненно, имеет германское происхождение и заимствовано славянами то ли от прагерманского «кунингаз», то ли от древневерхненемецкого «кунинг», то ли (что наиболее вероятно) от готского «кунингс» или же от варяжского «конунг».

Целью данной статьи является рассмотрение возможной этимологии некоторых других русских терминов, относящихся к общественно-политической лексике. С точки зрения авторов, эти термины также происходят от средневековых этнонимов народов-завоевателей, которые постепенно были распространены на весь высший слой общества.

Еще в XIX веке историк Д. И. Иловайский писал о том, что «народное имя Ляхи или Лехи встречается у Славян и в сословном значении: в этом значении оно сохранилось потом в слове шляхта» [2]. Хотя само слово «шляхта», очевидно, происходит от заимствованного поляками старовержненемецкого слова *slahta* (*Geschlecht*, «род» по-немецки), но данная цитата иллюстрирует, что русские по созвучию «шляхты» со словом «лях» дали ему свою наивную народную этимологию, руководствуясь принципом «все बारे — это поляки» («из ляхов» — «изляхта» по «народной» этимологии).

Вероятно, похожие языковые процессы мы можем наблюдать и в более древней истории славянства. Сам термин «славяне» («славяне» или словене) подавляющее большинство современных лингвистов производит от существительного «слово», т. е. «славяне» — это «люди, обладающие способностью говорить» («дети слова») в противовес соседним германцам, общение с которыми без переводчика невозможно и потому называемым «немцами» («немыми»).

Само соседство и взаимодействие германских и славянских племен имеет долгую историю. Хотя о славянах впервые упоминают греческие (византийские) авторы, жившие в VI веке н. э. (Прокопий Кесарийский, гот Иордан и др.), но они же рассказывают и о более ранних событиях славянской истории (например, о неудачном восстании славянских племен под руководством вождя Боза против германского племени готов, населявшего северное Причерноморье в конце V века н. э.). Несмотря на тесное взаимодействие, славяне и готы не понимали язык друг друга. Поэтому сами готы («немцы» для славян) также имели в своей лексике глагол *slavan* (молчать), возможно, произошедший от этнонима славян. Свой язык готы называли *Gutiska gazda* (готский язык). Славяне, знающие чужой язык, высоко ценились обществом. Старинное русское слово «гораздый» («способный») происходит от готского *garazds* («говорящий разумно»). Впрочем, славянское слово «чужой» тоже заимствовано из готского языка, в котором оно означало слово «народ» (от готского *thiuda*).

Очевидно, что историю отношений готов и славян вряд ли можно назвать положительным примером межкультурного взаимодействия. Славяне (еще до распада общеславянского единства) жили рядом с готами и были в значительной части покорены ими. Иордан пишет

(около 550 г. н. э.): «Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за [слабости их] оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает, и множество вооруженных подступает. Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, — именно при перечислении племен, — происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенев. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха» [3]. Вероятно, что и русский «царь Горох» (из выражения «при царе Горохе», которое обозначает самые древние времена) является фольклорным отражением времени правления исторического готского царя Германариха, правившего в IV веке.

Как бы то ни было, как отражение этого активного славянско-готского взаимодействия мы видим многочисленные готские заимствования в славянском языке. Так, например, славяне заимствуют у готов слово 'stikls' (чаша для питья, кубок) — стекло (интересно, что в Эрмитаже можно видеть стеклянную посуду Черняховской культуры, которую археологи относят к готам), 'brunjo' (броня), 'hlaifs или hlaibs' (хлеб), 'silubr' (серебро), 'mizdo' (награда, оплата, «мзда»), 'gabugs' (богатый, гобза, гобезие), слово «искусство» (kunst), щит, меч, шлем, изба, 'skalks' (раб, слуга, работник — «челядь»), *'ausihriggs' (*userendзь — серьга), hus — хижина... Но и готы, вероятно, заимствовали у славян такие слова как «плясать» — "plinsjan" (по Фасмеру) и 'plat' (зарплата). Кроме того, в силу изначального общего происхождения славян и германцев мы можем видеть и множество других похожих слов: 'brathrulubo' (братская любовь), 'daur' (ворота, двери), 'frijathwa' (приятель, любовь), 'swaihro' (свекровь), 'worjan' (вопить, кричать), 'wilja' (воля) [2].

Вероятно, именно у готов славяне заимствовали и слово kuniggs («князь»). Но другие термины власти у готов в славянский язык не вошли. Например: frauinon («правитель»), frauja (господин), frauinons (правитель), -faths (главный-староста в сложных словах), thiudans (царь) [2].

Из существующих источников нам не известно, как славяне называли самих готов. Но обычно для названия представителей чужого соседнего племени использовался тот же этноним (хотя и в искаженном виде), которым чужаки сами себя называли. Современное русское слово «гот» — это позднее книжное заимствование в русском языке. В церковнославянском языке используется слово ГОТЪ (готф), но оно тоже книжное, заимствованное из греческого. Эти этнонимы напрямую не связаны со славянским «первоначальным» готов, но мы можем его реконструировать. Славяне произносили этноним готов так, как слышали от них (письменности не существовало), а слышали несколько искаженно, учитывая разницу в фонетическом строе славянских и германских языков. Поэтому первым названием племени готов в устах славян было (как уже упоминалось выше) «чужие». Русское слово «чужой» происходит от готского слова þiuda (thiuda, «народ»), т. е. от этнонима, которым себя обозначали сами готы [5, с. 80]. Но известно и еще одно самоназвание готов — Gut-thiuda («народ готов» из «Готского календаря»). Это слово, по нашему предположению, также было заимствовано славянским языком, но опять-таки в несколько измененной форме. Так, хорошо известен фонетический переход германского слова goths в древнерусское «русь». Вероятно, что в данном случае мы наблюдаем те же самые закономерности:

Roths (древнеисландское rofs) — ruotsi (финск.) — rusi — русь,

Gut-thiuda — gutsiuda — gosiuda — государь.

Окончание -арь в данном случае, видимо, появилось по тому же образцу, что и более поздние «волгарь», «бунтарь», «вратарь», «главарь» и т. д.

Таким образом, можно высказать предположение, что славяне заимствовали у готов их этноним gut-thiuda («народ готов») для обозначения своих «господ» (как позже произошло у украинцев с ляхами). Так как это заимствование произошло еще до появления письменности, т. е. в устной форме, то, разумеется, оно сопровождалось неизбежным искажением не существующего в славянском языке германского щелевого звука th (причем, как

«ф» передать его славяне тоже не могли за отсутствием и этого звука в древнем славянском языке).

Стоит отметить, что многими лингвистами традиционно предлагались иные теории происхождения слова «государь» (позднее «сударь», «господарь», «господин»). Например, часто слово «господь» рассматривалось как «двухосновное сложное слово», в котором вторая часть (*pod*) происходит от древнего индоевропейского слова *potis* («хозяин»; литовское и латышское *pats* — муж, супруг; в том же готском *hunda-faths* сотник-центурион; латинское *potis* — «могущественный»). Впрочем, лингвисты выводят это двухосновное слово по-разному: от готского *gost-faths*, от латинского *hostes*, от греческого «деспот» и даже самоназвания от иранских пастухов [7, с. 209]... Однако, можно предположить, что предложенная авторами интерпретация слова «государь» выглядит более обоснованно как с исторической, так и с лингвистической точек зрения.

Стоит отметить еще один важный момент: слово «государь» (отсюда «государство») теснейшим образом связано со словом «господин» («господство»), хотя в более позднюю эпоху они и употреблялись параллельно друг другу (так же как «царь» и «цезарь») и имели различные семантические оттенки («Господин Государь Великий Новгород»). Слово «господин» (польское *gospodzin*) попадает в славянскую Библию, а затем на Русь как слово «высокого» гиперкорректного старославянского языка), в то время как слово «государь» существует у восточных славян (и только у них). Современные лингвисты не сомневаются в том, что «государь» и «господин» — это разные формы одного и того же исходного слова, видоизмененного различными славянскими племенами (западными и восточными). Более того, мы не знаем, как готы произносили свое самоназвание и были ли у них диалектные отличия (например, у вестготов и остготов). Но, например, мы знаем из источников, что ближайшими родственниками готов были гепиды, обитавшие на территории западных славян («гепиды живут среди славян — на острове *Gepedoios*» [3]. Вполне вероятно, что дошедший до нас в передаче латинских и греческих авторов этноним германского народа гепидов (*Gibedae*, *Gipidae*, *Gipides*, *Gipedes*, *Gepidae*, *Gypidas*, *Gypidos*, *Gypidos*, *Gibidos*; в древнеанглийском *Gefðum* (*Widsiþ*), *Gifðum* (*Beowulf*)) также происходит от того же изначального общего этнонима *gut-thiuda* («народ готов»). Хотя гот Йордан (VI век), не скрывая своего негативного отношения к «высокорослым, но неумным» гепидам, выводил их имя (возможно, насмехаясь) от готского слова *Geranta* («ленивый»).

Впрочем, возможно, что сами готы произносили это слово не так, как писали («гут» или «гуд»), а “*goth*” (римляне заимствовали это слово именно в такой транскрипции, отсюда же старославянское «готф»). Стало быть: *gut-thiuda* = *goth-thiuda* = гос-пиуда = господа (как обозначение всего правящего класса) и господ-ин как обозначение отдельного его представителя (по тем же образцам, что поздние «татарин», «фрязин», «англичанин» и т. д.).

Происхождение слова «**боярин**» (русское производное **барин**) также до сих пор вызывает серьезные сомнения у лингвистов [6, с. 203]. Оно появилось **сначала у южных славян**, потом попало в русский язык, а из русского — к западным славянам. По-болгарски это слово звучит как «бояр» — «боярин» — *boljarin*. Причем, мы знаем, что переход звука «г» в «й» является достаточно обычным явлением («напомним, что корень «яр» обладает весьма почтенной древностью, а чередование *яр* и *ger* — постоянное явление в таком имени, как Ярослав — *Gerceslaus*»). Таким образом, вполне вероятно, что южнославянское «боярин» происходит от этнонима «болгарин» (совр. болг. Българин — книжная форма). Напомним, что в VII веке тюркоязычные болгарские племена, пришедшие из Причерноморья, покорили часть населенного славянами Балканского полуострова и создали свое государство, заняв в нем место правящего класса. Как известно, малочисленное тюркское племя болгар постепенно потеряло свой язык (перешли на славянский) и традиционную восточную религию (тенгрианство), но их потомки остались родовой знатью. Видимо, их и называли «болгарами» в отличие от остальной массы славян. Интересен пример и из венгерского языка: «Судя по всему, огромное количество булгаризмов в венгерском языке не является плодом мимолетного контакта во время переселения венгров на новую родину, а представляет собой

отражение аварского субстрата в Трансильвании и Паннонии. Ведь с VI по начало IX века на этих территориях находился основной домен Аварского каганата. Исчезнувшее «аки обры» кочевое население основного этноса просто влилось в новую общность кочевников венгров и оставило более сотни слов на протяжении постепенной ассимиляции. Не случайно в венгерском отмечается слово **polgar** «гражданин». Слово фиксируется с самых ранних памятников: 1229/ 1550 "de villa Pulgar", 1234/ 1243 Palgar, 1292 Polgaar, 1329 Palagar, 1332–7 Polkar, Pulkar, 1372/ 1448 polgarok, и т. д., один раз отмечается в 1574 porgarokkal с двумя -г-. Для этого слова отмечаются значения «горожанин, гражданин», а также под 1445, 1525, 1640 годами «богохульник», под 1740 годом — «сельский слуга, гайдук», «младший судья (судебный пристав?)», под 1774 годом — «сельский землевладелец, хозяин». Традиционная этимология связывает это слово с нем. Burger «горожанин» [4]. Но для этого следует предполагать нетривиальную диссимилиацию сонантов, нетривиальное оглушение начального согласного и непонятный переход в задний сингармонистический ряд. Всего этого можно избежать при сравнении данного слога с этнонимом bulgar и переосмыслением этнонима как слова, обозначающего социальный статус. Становится объяснимым и разброс фиксируемых значений. Надо отметить, что в венгерском нет своего исконного начального р-, но часть исторических болгаризмов адаптируется именно с этим согласным» [4].

Интересно, что слово «боярин» и в русском языке постепенно теряло свой высокий социальный статус, постепенно превратившись в простонародное «барин». Впрочем, и в польском слово «пан» сначала означало только высокопоставленного господина («Бог» тоже по-польски «Пан», как по-русски «Господь»), но затем произошла потеря этим словом своей «сакрализации», и оно стало просто уважительным обращением («господин») к любому человеку. Та же история случилась в латышском языке, где слово kungs (господин) происходит от германского Konig (король). Аналогично и в русском языке «боярин» постепенно превратился в «барина» и производные от него «барыня», «барышня».

Что касается слова «товарищ», ставшего популярным в советскую эпоху, то его этимология от слова «товар» не вызывает сомнений у лингвистов. Впрочем, само слово «товар» имело не только современное значение, но и означало «табор», «стан», «военный лагерь». И хотя «на славянской почве объяснить это слово пока не удалось, его считают старым заимствованием с Востока. Но установить значение заимствования на Востоке также не удастся» [7, с. 247].

В заключение стоит отметить, что предложенная этимология слов «господин»/«государь» и «боярин»/«барин», разумеется, не претендует на безусловную истинность, но достаточно хорошо укладывается в исторические реалии международной коммуникации раннего Средневековья и опирается на общелогические методы рассуждения. Существуют лингвистические законы, но есть и закономерности социального развития, построенные на особенностях взаимодействия людей друг с другом и на логике их мышления. Язык — это произведение общества (общения), социальный продукт. Поэтому, изучая историю языка и этимологию слов, нельзя игнорировать социальные условия, в которых протекает этот процесс. Часть слов обозначает реальные вещи окружающего мира, реальные физические действия — это самый древний языковой пласт в любом языке (например, слово «иметь»). Часть слов обозначает абстрактные понятия — эти слова вторичны. Государство (как и любая менее развитая властная структура) появляется не сразу. Сначала появляются люди, которые заставляют других людей себе подчиняться. Таким образом, переходя на польский язык, сначала появляется существительное «круль» и только потом глагол «крулевати». Древние народы не мыслили отвлеченно и не искали своим властителям некое абстрактное имя. Правителя называли так, как он сам назывался или как его называло чужое племя завоевателей. Власть называли по имени тех, кто имел власть. Неважно, личное ли это было имя, название всего народа-завоевателя или же иноязычные титулы его повелителей — именно под этими именами-этикетками формировалась абстракция высшей государственной власти.

Список использованных источников и литературы

1. *Гухман М. М.* Готский язык. — М., 1998.
2. *Иловайский Д. И.* Начало Руси. — М.: Вече, 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <https://lit-life.club/books/201164/read>. (дата обращения: 31.01.2022).
3. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. — СПб.: Алетейя, 1997. [Электронный ресурс]. — URL: https://rushrono.ru/istochniki_ant_046.html (дата обращения: 31.01.2022).
4. *Мудрак О. А.* Заметки о языке и культуре дунайских болгар // Аспекты компаративистики 1: Сборник. *Orientalia et Classica*, Труды ИВКиА. Вып. VI. — М.: РГГУ, 2005.
5. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Выпуск последний (тело — ящур) // Труды Ин-та рус. яз. Т. I. — М. — Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. — М.: Изд-во РГПУ, 1986.
7. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М.: Рус. яз., 1994.

Ерошкина Ольга Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
o.eroshkina@mail.ru

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОХРАНЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПЕРВОЕ СОВЕТСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

THE ROLE OF THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY INTELLIGENTSIA IN THE PRESERVATION OF THE NATIONAL CULTURAL HERITAGE IN THE FIRST SOVIET DECADE

Аннотация. В статье определяется роль российской дореволюционной интеллигенции в сохранении отечественного культурного наследия в первое советское десятилетие. Автором устанавливаются мотивы, направления сотрудничества специалистов с Советской властью, дается оценка их вклада в сохранение культурного наследия России.

Ключевые слова: дореволюционная интеллигенция, культурное наследие России, первое советское десятилетие, сотрудничество, Сказочная комиссия.

Abstract. The article defines the role of the Russian pre-revolutionary intelligentsia in the preservation of the national cultural heritage in the first Soviet decade. The author establishes the motives, directions of cooperation of specialists with the Soviet government, evaluates their contribution to the preservation of the cultural heritage of Russia.

Key words: pre-revolutionary intelligentsia, cultural heritage of Russia, the first Soviet decade, cooperation, Fairy Tale Commission.

«Отречемся от старого мира», — пелось в одной из песен, популярных в период революционного кризиса 1917 года. Но в налаживании повседневной жизни России после провозглашения в ней Советской власти все больше оказывались востребованными не громкая фраза, а знания и опыт, накопленные в прошлом. Носителем же культурного наследия являлась дореволюционная интеллигенция. В работе «Очередные задачи Советской власти», написанной в марте 1918 года, В. И. Ленин обратил внимание на то, что «в дверь стучится эпоха использования пролетарской государственной властью буржуазных специалистов» [5, с. 178].

Однако многие представители российской интеллигенции не приняли Советскую власть и стали покидать страну в первые же дни и месяцы после победы Октябрьского вооруженного восстания. По мере разгорания Гражданской войны их количество только росло. Тем не менее, значительная часть деятелей культуры, образования, науки, искусства не связывала свою будущую жизнь с зарубежьем. М. М. Зощенко, находясь по служебным делам в Архангельске, отказался от предложения французского полковника покинуть Россию: «Я не испытывал никакой тоски по прошлому. Напротив, я хотел увидеть новую Россию, не такую печальную, как я знал» [14, ф. 469, оп. 1, д. 9, с. 29]. «... не работал ни для Николая, для Ленина, для кого бы то ни было; работал и работаю только для людей, для народа, для человечества. Только так оправдана вся моя жизнь», — заметил в своем дневнике художник С. Г. Бережков [13, ф. 416, оп. 1, д. 22, с. 34об]. Похожие настроения переживал и философ И. А. Боричевский: «Россия — единственная страна, где я могу работать не для одного себя» [12, ф. 93, д. 15, с. 5, об.]. Действительно, многие специалисты дореволюционной формации готовы были сотрудничать с Советской властью ради сохранения и преумножения культурного наследия России. Известный российский культуролог, историк и краевед Н. П. Анциферов, оглядываясь на события 1917 года, вспоминал: «С. Ф. Ольденбург принял революцию как новую эпоху. Его друзья каждый по-своему приняли революцию, в основном как заслуженное возмездие за грехи старого режима» [12, ф. 27, д. 2, с. 17].

Важная задача для советского руководства России заключалась в том, чтобы наладить деловые отношения с готовой к сотрудничеству дореволюционной интеллигенцией. В результате главой Народного комиссариата просвещения, отвечавшего за организацию и деятельность всех учреждений в сфере культуры, образования, науки, искусства был назначен знакомый со многими деятелями культуры, блестяще образованный литератор, искусствовед А. В. Луначарский. В своем обращении к гражданам России 29 октября 1917 года в качестве наркома просвещения А. В. Луначарский заметил: «Мы верим, что дружные усилия трудового народа и честной просвещенной интеллигенции выведут страну из мучительного кризиса и поведут ее через законченное народовластие к царству социализма» [9, с. 8]. Личные документы многих представителей дореволюционной интеллигенции свидетельствуют об их активных контактах с А. В. Луначарским. Конечно, эти отношения не являлись безоблачными. Но ведь и проблемы, стоявшие перед Наркомпросом, не были простыми. Они заключались в выстраивании новой системы взаимоотношений, стиля взаимодействия между государством и деятелями культуры, науки, образования и искусства. Так, например, известный востоковед, академик В. В. Бартольд в письме к другому талантливому востоковеду А. Н. Самойловичу сетовал на «странный стиль» обращения к нему начальства, где говорилось о чтении лекций как о поручении» [12, ф. 671, д. 170].

Тем не менее, несмотря на все трудности, разруху и голод, дореволюционные специалисты старались быть полезными своей стране. Они активно участвовали в становлении новой системы образования, просвещения, науки, литературы и искусства. М. Зощенко «понимал, что пользу людям можно принести через литературу» [14, ф. 469, оп. 1, д. 9, с. 29] и намеренно формировал себя как пролетарского писателя, создав множество сатирических произведений, борясь за нравственную чистоту советского человека. А. Н. Бенуа внес огромный вклад в становление музейного дела, сохранение, формирование и защиту коллекций Эрмитажа, в зарождение и развитие нового театра. С. Г. Бережков, занимаясь преподаванием в системе среднего и высшего образования, старался «быть носителем культуры более высокой, нежели та, которая будет культурой массовой» [14, ф. 416, оп. 1, д. 22, с. 23]. Многие дореволюционные ученые с огромным энтузиазмом включались в формирование советской науки, системы высшего образования. Одной из них была О. А. Добиаш-Рождественская. Она «...впервые при царизме заняла кафедру профессора истории и получила доцентуру в университете. Она же была и первой женщиной — доктором истории в Советской России, тогда же став доктором и Парижского университета», — отзывались о ней академики В. В. Струве, Е. В. Тарле, И. А. Орбели и другие коллеги [1, ф. 341, оп. 4, ед. хр. 4]. Будучи замечательным ученым-медиевистом, О. А. Добиаш-Рождественская впервые в СССР ввела изучение латинской палеографии. В 1921–1924 годах она «работала в качестве эксперта в Российско-польской комиссии по защите западных рукописей» из коллекции Публичной библиотеки [1, ф. 341, оп. 4, ед. хр. 3].

В связи с актуальностью проблемы сохранения нематериального культурного наследия России заслуживают специального внимания некоторые коллективные проекты, которые возглавили и претворяли в жизнь в первое советское десятилетие специалисты дореволюционной формации. Среди них особое место занимает Сказочная комиссия. Она была создана 29 ноября 1896 года по предложению председателя Отделения этнографии Русского географического общества В. И. Ламанского. Однако годы революционных потрясений и войн сделали работу этой комиссии нерегулярной. В Советском Союзе она возродилась только 30 мая 1924 года. По мнению одного из исследователей истории работы Комиссии, Н. В. Новикова, советский период в деятельности Комиссии был «наиболее организационно слаженным и творчески насыщенным» [8, с. 33]. В состав Комиссии вошли: председатель комиссии С. Ф. Ольденбург, секретарь Н. П. Гринкова, секретарь Отделения Этнографии Д. А. Золотарев и еще 12 специалистов. Вскоре были завязаны сношения с подсекцией народной словесности Академии Художественных Наук в Москве, председателем которой состоял Ю. М. Соколов. Кроме того, поддерживалась связь со старым членом Комиссии Д. К. Зелениным, находившимся в Харькове, а также с М. К. Азадовским в Иркутске. В отчете о

работе Сказочной комиссии за 1924–1925 годы С. Ф. Ольденбург отмечал: «...приобретает совершенно особое значение тот факт, что наша страна является последней европейской страной, где в широком масштабе может быть еще произведено научное собрание народной сказки. В то время как в других странах Запада сказка почти исчезла как вид народного творчества, у нас она продолжает развиваться, и количество сказок, которые еще могут быть у нас записаны, громадно. Понятен поэтому и тот исключительный интерес, который проявляется теперь на Западе к русской сказке» [10, с. 6].

В отчетном сборнике за 1924–1925 годы секретарь Сказочной Комиссии Н. П. Гринкова сообщила: «Комиссия имела 14 заседаний. Главнейшими задачами работ Комиссии были выдвинуты следующие:

...по библиографии сказочных текстов. Библиографированию подлежат сказки всех народностей СССР, записанные на русском, белорусском и украинском языках.

...предложено было предпринять работу по учету собирателей сказок и сказочников.

...для дальнейшей разработки сказочного материала условно принять систему Аарне и произвести классификацию русских сказок по его каталогу.

...заняться картографированием сказочного материала для выяснения характера распространения сказок и степени обследованности тех или иных районов СССР.

...на местах предположено выработать программу по собиранию сказок. Всероссийская Конференция по краеведению, бывшая в декабре 1924 года, укрепила связь Комиссии с некоторыми краеведческими организациями и отдельными собирателями» [3, с. 8–9].

Ко времени составления отчета в распоряжении Сказочной Комиссии находились в рукописном виде более 1000 сказок, собранных с 1917 года в различных районах России, Украины и Белоруссии [2, с. 10–12]. В отчете был представлен также библиографический список сказок на русском языке с 1917 года, содержащий 47 опубликованных исследований [10, с. 20–23].

Огромный интерес представляет историографический обзор работ о сказке и легенде на русском языке за 1917–1925 годы, составленный А. И. Никифоровым [7]. Не меньшую значимость для понимания масштаба и глубины исследовательской работы членов Сказочной комиссии представляет анализ деятельности собирателя сказок и характеристика фигуры их рассказчика, данный в очерке М. Б. Едемского [4].

В 1926 году работа Сказочной комиссии продолжилась, получив отражение в очередном итоговом сборнике. В нем сообщалось: «В отчетном году Комиссия имела 10 заседаний. Деятельность Комиссии в 1926 г., как и в предшествующие годы, велась в двух направлениях: 1) не прерывалась собирательская работа и разработка методики собирания сказочных материалов; 2) велась научная разработка сказок. В 1926 г. членами Комиссии собран значительный новый сказочный материал, а именно: А. И. Никифоровым записано в Заонежье 200 сказок, Н. Е. Ончуковым в Тавдинском крае Уральской области собрано 88 великорусских сказок и Н. П. Гринковой в Коротоякском уезде Воронежской губ. среди великорусов 40. Ввиду того, что Комиссия считает собирательскую деятельность одним из главных и настоятельных заданий, ряд заседаний был посвящен вопросам методики собирания. Теоретическая разработка сказки велась, с одной стороны, Н. П. Андреевым по вопросу о классификации сказочных тем в связи с каталогом А. Аарне. С другой стороны, теоретическими вопросами, связанными со сказкой, заняты А. И. Никифоров и В. Я. Пропп, которые ведут разработку морфологии русских сказок» [2, с. 5].

В отчете Сказочной комиссии за 1927 год сообщалось: «Комиссия имела 6 заседаний. Собирательская работа стояла одной из первых задач работы Комиссии. Напечатанные в этом сборнике отчеты М. Б. Едемского, А. И. Никифорова, Н. Е. Ончукова и В. И. Чернышева дают подробные сведения о вновь поступивших записях. Кроме этих материалов, собранных членами Комиссии, поступило большое собрание сказок (90), записанных А. Н. Белослюдовым на Южном Алтае среди старообрядцев, известных в литературе и среди местного населения под именем «каменьщиков». Кроме собирательской работы, велась и

научно-исследовательская разработка сказки. Н. П. Андреев продолжал работы по каталогизации вновь поступающих в Комиссию собраний и по дополнению и уточнению, в связи с новыми материалами, каталога сказочных сюжетов Аарне. А. И. Никифоров начал работы по изучению жанров сказок. В. Я. Пропп заканчивал работу по морфологии волшебной сказки и разрабатывал вопросы, связанные с составлением указателей к сборникам сказок. Н. М. Элиаш была занята каталогизацией сказочных материалов в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук. Кроме того, Комиссией продолжается работа по библиографии сказочных текстов» [13, с. 5–6].

Деятельность Сказочной комиссии под руководством С. Ф. Ольденбурга продолжалась до 1930 года. Она сопровождалась многими трудностями не только материального характера. В марте 1929 года С. Ф. Ольденбург в письме А. М. Горькому жаловался на препятствия «местных мракобесов, чуть-чуть не задержавших выход в свет» книги М. Азадовского «Сказки из разных мест Сибири» и просил напечатать в газете «Известия» заметку о важности сказки. «Вы лучше меня знаете, что наша сказка — наша гордость отражает талантливость нашу» [6, с. 116]. К сожалению, данный случай являлся лишь эпизодом в той масштабной кампании, которая развернулась в конце 1920-х годов против дореволюционной интеллигенции и заключалась в обвинениях ее во вредительстве социалистическому строительству в СССР. Политические преследования и репрессии нанесли непоправимый удар, как по специалистам старой формации, так и по всему делу сохранения и преумножения отечественного культурного наследия.

Список использованных источников и литературы

1. Архив РАН.
2. *Гринкова Н. П.* Краткий отчет о деятельности Сказочной Комиссии в 1926 г. // Сказочная комиссия в 1926 г.: обзор работ / Гос. Рус. геогр. о-во, Отд. этнографии; под ред. пред. Комис. акад. С. Ф. Ольденбурга. — Л., 1927. — 73 с.
3. *Гринкова Н. П.* Отчет о работе Сказочной комиссии за 1924–25 год // Сказочная комиссия в 1924–1925 гг.: обзор работ / Гос. Рус. геогр. о-во, Отд. этнографии; под ред. пред. Комис. акад. С. Ф. Ольденбурга. — Л., 1926. — 48 с.
4. *Едемский М. Б.* О собирании русских народных сказок. (Из отчетов об этнологических наблюдениях в северных губерниях за последние годы) // Сказочная комиссия в 1924–1925 гг. — Л., 1926. — С. 35–47.
5. *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. — М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1962. — Т. 36. — С. 178.
6. «Молчать долее нельзя ...» (Из эпистолярного наследия академика С. Ф. Ольденбурга) // Вопросы истории естествознания и техники. — 1995. — № 3. — С. 109–119.
7. *Никифоров А. И.* Обзор работ о сказке и легенде на русском языке за 1917–1925 годы // Сказочная комиссия в 1924–1925 гг. — С. 23–33.
8. *Новиков Н. В.* О деятельности Сказочной комиссии Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII. — Л.: Изд-во «Наука», 1977.
9. Обращение Народного комиссара по просвещению // Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917–1937 гг. — М.: Педагогика, 1974. — 560 с.
10. *Ольденбург С. Ф.* Исключительная важность исследования народной сказки // Сказочная комиссия в 1924–1925 гг. — Л., Ленинградский Гублит, 1926.
11. *Ончуков Н. Е.* Библиография сказки на русском языке с 1917 года // Сказочная комиссия в 1924–1925 гг. — Л.: Ленинградский Гублит, 1926.
12. Отдел рукописей РНБ.
13. Сказочная комиссия в 1927 г. Обзор работ под редакцией Председателя Комиссии академика С. Ф. Ольденбурга. Издание государственного Русского географического общества. — Л., 1928. — 81 с.
14. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Николаева Юлия Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет
mollycat@mail.ru

«ПОЛИТИКА НАСЛЕДИЯ» ФРАНЦИИ В 2008–2022 гг.: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР

“HERITAGE POLICY” OF FRANCE IN 2008–2022: FOREIGN POLICY VECTOR

Аннотация. В статье рассматриваются внешняя политика Франции в области сохранения культурного наследия в 2008–2022 гг., выявляются ее основные направления, формы, определяются перспективы. Автором отмечена особая роль Министерства иностранных дел Франции в организации сотрудничества с ЮНЕСКО в области охраны всемирного наследия, определяется место политики наследия в структуре дипломатии влияния.

Ключевые слова: Франция, ЮНЕСКО, политика наследия, всемирное культурное наследие, дипломатия влияния.

Abstract. The article examines the foreign policy of France in the field of cultural heritage preservation in 2008–2022, identifies its main directions, forms, and prospects. The author notes the special role of the French Ministry of Foreign Affairs in organizing cooperation with UNESCO in the field of world heritage protection, determines the place of heritage policy in the structure of influence diplomacy.

Key words: France, UNESCO, heritage policy, world cultural heritage, diplomacy of influence.

Государственная политика по охране объектов исторического и культурного наследия — это «одно из направлений внутренней политики и соответствующая система законодательных, организационных, финансовых и иных мероприятий, реализуемых органами публичного управления для сохранения и развития культурного разнообразия страны и сохранения объектов, имеющих культурно-историческую ценность» [2]. Она предполагает поощрение, управление и защиту культурного наследия как неотъемлемое условие социально-экономического развития страны, ее стабильности и устойчивости, укрепления чувства национальной гордости граждан. Грамотная политика в области культурного наследия — один из основных факторов, обеспечивающих развитие туризма и, как следствие, пополнения государственной казны и создания новых рабочих мест. Культурное наследие и уровень заботы о нем, кроме всего прочего, оказывают существенное влияние на формирование благоприятного имиджа государства в мире и служат показателем сильного национального бренда [3].

Во Франции для обозначения политики по охране объектов историко-культурного наследия используется термин “la politique patrimoniale”, т. е. «политика наследия». Французские исследователи считают временем рождения национальной политики наследия 1832 год, когда по инициативе министра внутренних дел Франсуа Гизо и с согласия короля Луи-Филиппа была создана Генеральная инспекция исторических памятников, ставшая первым в истории страны институтом, заботившимся о национальном культурном наследии. Франсуа Гизо, высоко оценивая роль историко-культурного наследия, считал его одним из важнейших инструментов повышения осведомленности граждан о своей стране и формирования национальной идентичности [7, с. 5]. За время своего существования французская политика наследия претерпела серьезные изменения, находясь в процессе постоянной трансформации под влиянием различных социальных и политических событий в стране. Тем не менее, несмотря на все происходившие перемены, фундаментальным принципом политики

наследия во Франции оставалась главенствующая роль государства в вопросах сохранения и восстановления памятников культуры [5, с. 1].

Франция — бесспорный лидер мирового туризма. По данным Всемирной туристской организации на январь 2022 года — это самая посещаемая страна в мире [14], а Эйфелева башня — самая посещаемая достопримечательность. При этом из года в год число туристов продолжает расти: в 2000 году Францию посетило около 75,5 млн человек, что стало абсолютным рекордом, а в 2019 году эта цифра достигла 90 млн иностранных туристов. К сожалению, в 2020 году вследствие пандемии отрасль потеряла примерно 50 % дохода. Тем не менее, Франция даже в сложных условиях падения туристической отрасли в целом смогла сохранить лидерские позиции. Туристическая отрасль сегодня обеспечивает почти 8 % ВВП и 2 млн прямых и косвенных рабочих мест [10]. Кроме того, она выступает признанным вектором влияния Франции за рубежом.

Что же привлекает туристов во Францию? Почти треть путешественников говорят, что главный побудительный мотив — это туризм и культура [8, с. 14]. Туристическая привлекательность Франции объясняется большим количеством достопримечательностей, прекрасной природой и комфортным климатом, богатством и разнообразием историко-культурного наследия. Здесь сосредоточено множество памятников, музеев, хранящих уникальные ценности. Гурманов привлекает одна из лучших в мире французская кухня. Любителей зимнего отдыха ждут комфортабельные горнолыжные курорты. Для любителей шоппинга и модных показов также созданы все условия. Для ценителей истории есть возможность посетить средневековые замки. Таким образом, во Франции существуют возможности для развития почти всех видов туризма. Не последнюю роль играет и престиж французской культуры, имеющей многотысячную армию почитателей. Можно смело заключить, что в основе туристической привлекательности Франции лежит ее культурное наследие. Если принять во внимание эти обстоятельства, станет понятно, какое место в государственной политике Франции занимает политика наследия.

Долгое время политика наследия была частью внутренней политики Франции. Но сейчас, учитывая то, какую роль культурное наследие играет в вопросах международного развития Франции (в частности, международного туризма, узнаваемости, международного имиджа), а также большое число международных инициатив в этой области, можно говорить, что в ней отчетливо проявляется внешнеполитический вектор. В частности, это подтверждается высокой активностью Франции в вопросах включения новых памятников в реестры культурного наследия ЮНЕСКО и другими международными инициативами, связанными с продвижением французского наследия в мире. Правительство страны в этом вопросе исходит из того, что культурное наследие — это прекрасная возможность повысить привлекательность Франции, что соответствует главным целям ее дипломатии влияния [9].

Основой внешнеполитического направления французской политики наследия является взаимодействие с ЮНЕСКО по вопросам включения различных памятников в специальные охраняемые списки этой организации, а также их охрана и популяризация. Франция ратифицировала все три конвенции, касающиеся охраны культурного наследия: Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия (1975), Конвенцию об охране нематериального наследия (2006), **Конвенцию об охране подводного культурного наследия (2013)**. По данным на 2022 год, в Списке объектов всемирного культурного и природного наследия находится 49 объектов, расположенных на территории Франции: 42 объекта внесено по культурным критериям, 6 — по природным критериям и еще 1 объект имеет смешанный статус [4]. Среди них замки, дворцы и парки, религиозные памятники и святые места, резиденции, исторические центры многих французских городов, фортификационные сооружения, памятники промышленной архитектуры, а также винодельни, виноградники и многое другое. Памятники, внесенные в список всемирного наследия, охватывают практически все исторические эпохи: от первобытности до современности. Франция занимает 4-ое место среди стран, обладающих наибольшим числом объектов ЮНЕСКО. Это примерно 4 % от их общего числа. Кроме того, еще 34 объекта находятся в Предварительном списке

этой организации. Таким образом, мы видим, что страна обладает огромным ресурсом наследия и большими перспективами его признания со стороны ЮНЕСКО.

Важно заметить, что начиная с 2008 года практически ежегодно один или несколько французских объектов наследия пополняют Список ЮНЕСКО, что говорит о высокой активности Франции в вопросах его репрезентативности на мировом уровне. Как отмечает МИД, это один из способов расширить «культурное излучение» Франции и усилить ее культурное влияние. Так, в 2008 и 2010 годах в Список было внесено по одному объекту по природным критериям, в 2012 и 2014 годах также по одному объекту, но уже по культурным критериям, в 2015 году были включены 2 объекта по культурным критериям, в 2016–2019 годах по одному объекту культурного статуса. Наибольшее число французских объектов наследия было включено в Список в 2021 году: 4 объекта, из которых 3 — по культурным критериям и 1 — по природным.

Франция широко представлена и в Списке нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. По состоянию на 2022 год в этом списке числится 20 французских объектов, еще один (1) находится в списке объектов, требующих срочной охраны, и два (2) — в реестре передовых методов охраны. Объекты нематериального наследия Франции охватывают 7 основных категорий: традиционное мастерство; ритуальные практики; музыка и танцы; праздничные практики; традиционные физические практики (спорт); игры; устные выражения и традиции (рассказывание историй). Как и в случае с материальным культурным наследием, практически ежегодно Франция получает как минимум по одному новому объекту в этом списке. Так, в 2008 году был включен 1 объект, в 2009 и 2010 годах — по 3 объекта, в 2011–2015 году — по 1-му объекту, в 2016 и 2018 годах — по 2 объекта, в 2019 году — 1 объект, в 2020 году — 3 объекта.

Во Франции идет работа по выявлению, сохранению и продвижению объектов подводного культурного наследия, к которым, например, относятся дизель-электрическая подводная лодка французского флота «Минерва», спущенная на воду в 1961 году и затонувшая в 1968 году, музей-фрегат XVIII века, «Гермиона». Интересные артефакты подводного наследия представлены в музее древнего Арля.

Внесение объектов во все реестры культурного наследия ЮНЕСКО — это серьезная работа, направленная на распространение культурного присутствия Франции в мире, обеспечивающая ее конкурентные преимущества в вопросах культурного влияния и культурного имиджа. Списки наследия ЮНЕСКО — это не только признание ценности объектов национальной культуры на мировом уровне, но и возможность их совместной охраны и изучения.

Рассмотрим несколько примеров практической работы Франции в области политики наследия на международном уровне за последние три — четыре года, когда она проводилась наиболее интенсивно и успешно. В январе 2020 года министр иностранных дел Жан-Ив Ле Дриан и министр культуры Франк Риестер выступили с совместным заявлением о выдвижении кандидатуры Ниццы, столицы туризма французской Ривьеры, на внесение в Список объектов всемирного наследия. В заявлении особо отмечалось, что включение Ниццы в число охраняемых ЮНЕСКО объектов культурного наследия «усилит привлекательность и культурное влияние всех французских регионов» [6]. Инициатива получила одобрение на 44-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО 29 июля 2021 года в китайском городе Фучжоу: было принято решение о внесении новых культурных и природных объектов Франции в список всемирного наследия [11]. Таким образом, сразу 4 французских памятника природы и культуры были признаны объектами всемирного наследия: Кордуанский маяк, сооруженный в открытом море в месте слияния Атлантического океана и устья реки Жиронды; крупные водные города Европы, в том числе термальный город Виши как центры европейской бальнеологии; Ницца, признанная городом-курортом французской Ривьеры; а также древние и первозданные буковые леса Карпат и других регионов Европы, в числе которых есть три французских лесных массива: заповедники Шапитр Пети-Бюэш, Гран-Вантрон и Массан.

Недавно МИД совместно с Министерством культуры и Министерством экономики и финансов выступили с инициативой создания Международного фонда по восстановлению

собора Парижской Богородицы, пострадавшего в результате разрушительного пожара 15–16 апреля 2019 года. [1]. Нотр-Дам — один из выдающихся объектов всемирного культурного наследия и знаковый символ Парижа; он **является частью объекта «Берега Сены в Париже», внесенного в Список ЮНЕСКО в 1991 г.** Средства, поступающие на счет фонда, должны пойти на реконструкцию собора. Правительством создан единый портал www.rebatirnotredame.gouv.fr, чтобы собрать как можно больше пожертвований, поступающих из Франции и других стран.

Также продолжается работа над внесением новых французских объектов в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. В результате этой работы в 2018 году этот статус получили «парфюмерные навыки в коммуне Грас: выращивание парфюмерных растений, знания и обработка природного сырья, искусство составления парфюмерных композиций». Совместно с рядом стран (Хорватия, Кипр, Греция, Италия, Словения, Испания и Швейцария) Франция внесла на рассмотрение ЮНЕСКО еще 1 объект нематериального наследия — «искусство сухой кладки стен, техника и знания», который также был поддержан ЮНЕСКО в 2018 году. Нематериальное культурное наследие является важным фактором существования культурного разнообразия в мире, поддержкой которого активно занимается Франция на площадке ЮНЕСКО [12].

Сейчас Франция продвигает предложение о включении багета в список нематериального культурного наследия и рассматривает эту деятельность как защиту национальных традиций. Сами французы считают процесс выпечки багетов искусством, которое передавалось из поколения в поколение. К сожалению, в последнее время в условиях распространения супермаркетов закрылось много авторских пекарен, где в том числе пекли и багеты. Поэтому продвижение багета в список нематериального наследия расценивается правительством еще и как способ поддержки производителей. Планируется, что решение по этому вопросу может быть принято в конце 2022 года.

Тема охраны подводного наследия в настоящее время находится в фокусе внимания МИД Франции. 17–19 июня 2019 года министр иностранных дел Жан-Ив Ле Дриан совместно с генеральным директором ЮНЕСКО Одри Азуле открыли международную конференцию по подводному культурному наследию в Бресте [13]. Министр обратил внимание на необходимость поиска общих решений в вопросах защиты подводного культурного наследия от разграбления, промышленной деятельности и интенсивной эксплуатацией водных ресурсов. Также министр напомнил о новаторской роли Франции в подводной археологии. Организуя эту конференцию, Франция стремится позиционировать себя как защитницу подводного наследия, а также содействовать более широкому информированию о подводном наследии Франции.

В рамках политики наследия МИД Франции показывает поддержку наземным археологическим миссиям, работающим над выявлением новых объектов культурного наследия. Французские миссии принимают участие в крупных раскопках: древнего человека в Чаде, античного города Помпеи в Италии, храмового комплекса Ангкор в Камбодже, древних городов Петра в Иордании и Лалибела в Эфиопии. Всего по данным МИД более 150 археологических миссий в разных странах мира получают поддержку от французского правительства. По мнению министерства, деятельность миссий позволяют популяризировать французские передовые технологии и, как следствие, укреплять научное присутствие Франции в мире.

Культурное наследие Франции богато и разнообразно: оно представлено многочисленными объектами материальной и нематериальной культуры, включая подводное наследие. Перед страной и ее правительством стоит сложная задача — сохранить и преумножить это наследие, сделать его известным всему миру. В этом отношении взаимодействие с ЮНЕСКО представляется очень важным и перспективным направлением политики наследия Франции, которая в начале XXI века переросла традиционные национальные рамки и приобрела отчетливый внешнеполитический вектор. Эта политика отличается высокой интенсивностью, что позволяет Франции практически ежегодно, вот уже на протяжении более

пятнадцати лет, пополнять сокровищницу ЮНЕСКО своими национальными объектами наследия.

Список использованных источников и литературы

1. Создание национального и международного фонда по восстановлению собора Парижской Богоматери (16 апреля 2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/kul-turnaya-diplomatiya/article/lancement-de-la-souscription-nationale-et-internationale-pour-rebatir-notre> (дата обращения: 15.03.2022).
2. Справочник государственного муниципального управления [Электронный ресурс]. — URL: https://spravochnick.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/gosudarstvennaya_politika_po_ohrane_obektov_istoricheskogo_i_kulturnogo_naslediya/ (дата обращения: 15.03.2022).
3. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. — N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. — 147 p.
4. France — UNESCO Convention du patrimoine mondial <http://whc.unesco.org/fr/etatsparties/fr> (дата обращения: 15.03.2022).
5. May R. La politique de conservation-restauration du patrimoine en France // CeROArt. Revue électronique. 2008. No. 8 [Электронный ресурс]. — URL: <https://journals.openedition.org/ceroart/2818> (дата обращения: 15.03.2022)
6. Nice, capitale du tourisme de riviera, candidate au patrimoine mondial de l'UNESCO (13.01.20) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/kul-turnaya-diplomatiya/les-actualites-et-evenements-de-la-diplomatie-culturelle/article/nice-capitale-du-tourisme-de-riviera-candidate-au-patrimoine-mondial-de-l> (дата обращения: 15.03.2022).
7. Notice pédagogique. Histoire de la notion de patrimoine. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.flash-ton-patrimoine.fr/Telechargements/notice_hist-patrimoine.pdf (дата обращения: 15.03.2022).
8. Retour gagnant? Baromètre EY de l'attractivité. France. Brochure. Ernst & Young Advisory, 2018. — 36 p. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/ey-barometre-de-l-attractivite-france-2018_cle0b8ad2.pdf (дата обращения: 15.03.2022).
9. Stratégie d'influence de la France dans le débat d'idées international 2017, Rapport pour le Ministre [Электронный ресурс]. — URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/20170511_-_version_web_-_rapport_sur_la_strategie_francaise_d_influence__cle061191.pdf (дата обращения: 15.03.2022).
10. Tourisme — Jean-Baptiste Lemoine et Joël Giraud réunissent pour la première fois les territoires lauréats d'Avenir Montagnes Ingénierie, l'occasion de faire un point d'étape global du déploiement d'Avenir Montagnes, 7 mois après son lancement par le Premier ministre (Paris, 16 décembre 2021) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/turizm/> (дата обращения: 15.03.2022).
11. UNESCO — 44e session du comité du patrimoine mondial — Inscription de quatre nouveaux biens culturels et naturels français (29 juillet 2021) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/franciya-i-organizaciya-ob-edinennyh-nacij/evenements-et-actualites-lies-aux-nations-unies/article/nouvelle-traduction-unesco-44e-session-du-comite-du-patrimoine-mondial> (дата обращения: 15.03.2022).
12. UNESCO — Inscription sur la liste du patrimoine culturel immatériel des savoir-faire liés au parfum de Grasse et de l'art de la construction en pierre sèche (28 novembre 2018) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/franciya-i-organizaciya-ob-edinennyh-nacij/evenements-et-actualites-lies-aux-nations-unies/article/unesco-inscription-sur-la-liste-du-patrimoine-culturel-immateriel-des-savoir> (дата обращения: 15.03.2022).
13. UNESCO — Participation de Jean-Yves Le Drian à la conférence internationale sur le patrimoine culturel subaquatique (Brest, 17–19 juin 2019) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/franciya-i-organizaciya-ob-edinennyh-nacij/evenements-et-actualites-lies-aux-nations-unies/article/unesco-participation-de-jean-yves-le-drian-a-la-conference-internationale-sur> (дата обращения: 15.03.2022)
14. UNWTO World Tourism Barometer [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/epdf/10.18111/wtobarometerfra.2022.20.1.1> (дата обращения: 15.03.2022)

Портнягина Мария Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

m.portnyagina@spbu.ru

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY

Аннотация. В статье анализируется роль социальных медиа в формировании исторической памяти. Автор приходит к выводу, что благодаря таким особенностям социальных медиа, как доступность, демократичность, использование новых технологий (фотографии, видео), они становятся новым инструментом в конструировании коллективных представлений о прошлом. Кроме того, социальные медиа предоставляют большие возможности для реализации политики памяти. Оперативно отражая общественное настроение, они могут помочь выявить актуальную политическую повестку дня, проблемные точки взаимоотношения общества и власти.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, историческая политика, масс-медиа, социальные медиа.

Abstract. The article analyzes the role of social media in the formation of historical memory. The author comes to the conclusion that due to such features of social media as accessibility, democracy, the use of new technologies (photos, videos), they become a new tool in the construction of collective ideas about the past. In addition, social media provides great opportunities for the implementation of memory policy. Promptly reflecting the public mood, they can help identify the current political agenda, problematic points of the relationship between society and the authorities.

Key words: historical memory, memory politics, historical politics, mass media, social media.

Человек сталкивается с прошлым всегда посредством какого-либо проводника, печатной продукции, кино, телевидения. Сегодня эти возможности расширили интернет-технологии. Причем здесь следует отметить многофункциональность СМИ: они как влияют на формирование общественного мнения, так и отражают его. Кроме того, даже просто сохраняя информацию, медиа влияют на содержание исторического знания. Для анализа взаимовлияния медиа и памяти стоит взять за основу более широкое определение медиа, как средства коммуникации, способа передачи информации и среды, которая образуется в результате такой трансляции. В 2011 году был предложен специальный термин «медийная память» — реконструкция прошлого, достигаемого с помощью данных, взятых из настоящего [11, с. 173]. Таким образом, основной задачей нового поля исследований стало изучение функционирования медиа в качестве инструмента памяти. Астрид Эрл, исследовательница проблематики медиации памяти, писала следующее: «Культурная память конструируется множеством медиа, действующих внутри различных символических систем: религиозных текстов, исторической живописи, историографии, телевизионной документалистики. Каждое из этих медиа имеет свой собственный способ запечатления прошлого и будет оставлять следы в памяти, которую создает» [11, с. 171]. Следовательно, формирование памяти зависит от того, каким образом, посредством чего она была зафиксирована и передана адресату. Этот фактор необходимо учитывать при формировании государственной исторической политики, которая имеет место быть в России с начала 2000-х годов.

В данной работе хотелось бы более подробно остановиться на роли социальных медиа в формировании исторической памяти, так как в современных условиях именно они становятся одним из основных источников информации, во многом способствуя формированию

представлений общества о прошлом. Цифровые технологии позволяют создавать новое историческое знание без участия профессиональных историков и транслировать его в массы. В исследовании Ericsson ConsumerLab, аналитического агентства, предоставляющего отчеты о тенденциях рынка, которое компания проводила еще в 2016 году, «каждый третий опрошенный сообщил, что социальные медиа стали для него главным источником новостей, и только 25 % полагаются на телевизионные новостные передачи и газеты» [7, с. 111]. В 2021 году, по данным ВЦИОМ, социальные сети стали основным источником информации для россиян возрастной группы 18 лет — 24 года [2]. Новые технологии, безусловно, обладают рядом преимуществ по сравнению с традиционными СМИ. Во-первых, большой охват аудитории и ориентация на молодежь. Во-вторых, доступность и демократичность: многие архивы, библиотеки занимаются сегодня оцифровкой данных, что позволяет получить доступ к их материалам. Сами пользователи сегодня могут создать свою версию прошлого посредством ютуб-канала, например. В-третьих, возможность получить обратную связь от целевой аудитории. Однако существуют и негативные тенденции. Проблемой является тот факт, что масс-медиа формируют коллективную память на примере отдельных персоналий (знаменитостей, политиков, обывателей), что ставит под вопрос ее подлинность. Кроме того, не стоит забывать, что в создании медийной продукции участвуют различные институты: государственные, коммерческие, которые руководствуются собственной логикой и преследуют свои цели. Возможно, это в большей степени относится к телевидению и газетам, однако в последнее десятилетие они весьма активны и в социальных медиа.

В современной российской медиа-среде существует множество ресурсов для репрезентации и трансляции прошлого: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой мир» и др. Данные социальные сети ставят своей задачей поиск друзей, единомышленников, которые могут быть объединены, в том числе и общим прошлым. На своей странице пользователи хранят множество фотографий, видео, музыки, постов о прошедших событиях, что образует некоторую ностальгическую среду и ведет к конструированию образов прошлого. Данные ресурсы позволяют хранить информацию долгое время, не опасаясь за ее утрату, как это было раньше с бумажными носителями. Характерной особенностью социальных сетей является преобладание личной, семейной памяти, которая зачастую формируется на основе эмоциональных переживаний, а не профессиональных знаний. Кроме того, здесь на всеобщее обозрение можно выставить только «положительные» воспоминания и умолчать о негативном. Таким образом, личные переживания, своя история может заменить человеку объективные данные.

Блоги — еще один ресурс, пользующийся все большей популярностью среди россиян, также отличается быстротой обратной связи, актуальностью публикуемых тем. Блоги заводят знаменитости, политики, простые граждане; материалы блогов зачастую цитируют новостные передачи. В последние годы в условиях пандемии блоги стали важным инструментом общения, возможностью донести важную информацию до людей во всех уголках мира. Кроме того, блог, заменив собой бумажный вариант дневниковых записей, несет в себе мемуарные функции. Благодаря ему можно восстановить ход событий, понять, что имело значение в тот или иной период времени. Все это говорит о важности данного источника для формирования коллективного представления о прошлом и настоящем.

«Живой журнал» (LiveJournal) — платформа, где размещены миллионы дневников людей разных профессий и мировоззрений — это сообщества, объединенные единой целью. Например, журнал «Чтобы помнили», цель которого — «опубликовать или прочесть информацию о своих любимых актерах, режиссерах, музыкантах и других представителях творческих профессий, которые при жизни и после смерти волновали и волнуют сердца своих поклонников» [15]. Блоги предоставляют широкие возможности для развития чувства ностальгии как еще одного отношения человека с прошлым, типичным примером здесь может служить память о советском прошлом. В ЖЖ есть множество блогов, связанных с данной тематикой: сообщество «СССР в фото» посвящено «аккумуляции фотографий, связанных

с жизнью в СССР», здесь приветствуется использование домашних коллекций, отсканированной советской периодики [12]; члены сообщества «Предметы советской жизни» вспоминают предметы быта, традиции и привычки советской эпохи [9]. Можно встретить блоги, посвященные памяти исключительного одного поколения, например «Про нас», где участники делятся воспоминаниями о детстве, о книгах, фильмах, которые читали и смотрели [10]. Во всех этих блогах создается особая среда, способствующая единению всех участников, политические темы здесь не затрагиваются, это оговорено правилами сообщества, тем самым создается коллективное воспоминание о прошлом.

Отличительной особенностью социальных медиа является использование фотографий. Кроме того, благодаря современным технологиям, позволяющим легко создавать новые фото, появилась также возможность сохранять и редактировать архивные снимки. Фотографии позволяют лучше прочувствовать ушедшую эпоху и передать эмоции. Именно поэтому социальные медиа могут играть значительную роль в формировании постпамяти. Понятие «постпамять» было введено профессором Колумбийского университета Марианной Хирш в 1992 году. Данный феномен описывает, какое отношение имеют последующие поколения к личным, коллективным и культурным травмам, к изменениям, которым подверглось поколение предыдущее [13]. В случае с социальными медиа опыт необязательно должен быть травмирующим. Последующие поколения, которые никогда не жили при советской власти, участвуя в обсуждениях в социальных медиа, также могут испытывать чувство сопричастности с советским прошлым и даже чувство ностальгии.

Еще одной особенностью социальных медиа является ориентация на личную, семейную историю. Это очень важно для развития гражданского общества, для популяризации истории как предмета, для осмысления «проблемного» прошлого. Опыт некоторых стран, например, Испании, говорит как раз о том, что семейная история способна инициировать пересмотр государственной исторической политики [8, с. 328–329].

Социальные медиа предоставляют большие возможности для политики памяти, осуществляемой государством. Медиа-пространство является эффективным посредником между властью и обществом: в социальных сетях постоянно происходит производство новых символов, образов, которые оказывают влияние на формирование политики памяти. Сегодня пространство истории сокращается, на ее место приходит история-вспышка, яркий образ, что позволяет социальным медиа стать важным актором в конструировании коллективной памяти. Здесь интересно упомянуть о таком явлении, как Интернет-мем, и его влиянии на формирование политики памяти.

В 70-е годы XX века возникла теория мемов, которая в дальнейшем, однако, не получила широкого распространения. Английский биолог и популяризатор науки Ричард Докинз в 1976 году издает книгу «Эгоистичный ген», где и вводит понятие «мим» (memes), под которым понимает мелодии, идеи, модные словечки. Р. Докинз вводит понятие и «мим-идеи» — единицы, способной передаваться от одного мозга другому [4, с. 124]. Автор отмечает вирусный характер распространения мимов: «посадив в мой разум плодovitый мим, вы буквально поселили в нем паразита» [4, с. 122]. И хотя у концепции мемов (данная транскрипция закрепилась в русскоязычной литературе) были последователи (Дуглас Хофштадтер, Дэниел Деннет, Франсис Хейлинген и др.) [1], она не получила распространения в научной среде.

Не получив развития среди исследователей, мемы, тем не менее, стали весьма популярны среди пользователей сети Интернет. Возможно, причиной этому стал тот факт, что в условиях дефицита времени и информационной перегрузки мемы позволяют быстро передать нужную информацию доступным языком. За основу при создании мема берется ключевое историческое событие, известная политическая личность, здесь также очень важен визуальный контекст. Таким образом, Интернет-пользователи создают свою картину прошлого, свою историческую память, которая отражает их интересы. В основном мемы создаются на злобу дня и имеют сатирические функции, поэтому вопрос, на сколько стабильной является память, формируемая ими, остается открытым.

Интересно отметить, что в условиях кризиса образовательной системы в России мемы набирают популярность среди молодежи как инструмент самообразования; более того, историческая информация о государственных деятелях советской эпохи, например, формируется в сознании молодых людей по типу мема [1]. Так, поисковые запросы по тегам #Хрущевмем, #Брежневмем выдают сотни результатов. Сегодня мемы специально создаются и тиражируются участниками социальных сетей, в сети «ВКонтакте» есть несколько сообществ, объединенных общим интересом производства исторических мемов («Исторические мемы» [5], «История в мемах» [6], «Ценители исторических мемов» [14]). Ценность исторических мемов с образовательной точки зрения весьма спорна, хотя и здесь есть сторонники их использования в школьных уроках истории, которые считают, что это поможет «наладить общение с обучающимся на знакомом им языке» [3].

Бесспорным остается тот факт, что мемы могут эффективно и оперативно отражать общественные настроения, именно благодаря им можно выявить актуальную политическую повестку дня, проблемные точки взаимоотношения общества и власти. Кроме того, являясь «формой агитации, публичной дискуссии и способом «подстегнуть» партисипаторную активность пользователей новых медиа, особенно молодежи» [16], государственным деятелям стоит обратить внимание на процессы создания мемов и их создателей, так как это является важным аспектом национальной безопасности. Ведь в силу своей наглядности, с одной стороны, и малоинформативности, с другой, исторические мемы могут стать инструментом конструирования упрощенных взглядов на прошлое. Создатели мемов с помощью исторических манипуляций могут оказывать определенное влияние на широкие массы. Такая характерная особенность мемов уже привлекла к себе внимание американского государства. Еще в 2009 году Агентством перспективных исследований обороны была подготовлена специальная работа “Memetics compendium”, целью которой являлось «дать представление военным США о предполагаемом значении меметики для обычных и асимметричных операций, включая борьбу с терроризмом» [17].

Таким образом, социальные медиа сегодня играют значительную роль в формировании коллективных представлений о прошлом. Благодаря своей демократичности и доступности, когда любой интернет-пользователь может создать свой контент на интересующую его тему или присоединиться к уже существующей группе, социальные медиа становятся одним из важных акторов конструирования исторической памяти. Несмотря на очевидные преимущества социальных сетей, существует опасность их использования со стороны государственных, коммерческих структур с целью манипулирования массовым сознанием и политической агитации. Это тем более опасно, так как пользователями социальных сетей является в основном молодежь.

Список использованных источников и литературы

1. Артамонов Д. С. в политике памяти России / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова [Электронный ресурс]. — URL: [https:// cyberleninka.ru](https://cyberleninka.ru) (дата обращения: 09.04.2022).
2. ВЦИОМ выяснил главные источники новостей для россиян [Электронный ресурс]. — URL: [https:// gbc.ru](https://gbc.ru) (дата обращения: 09.04.2022).
3. Галёв Д. Ю. Новые цифровые медиа на уроках истории: возможности использования интернет-мемов [Электронный ресурс]. — URL: [https:// nios.ru](https://nios.ru) (дата обращения: 09.04.2022).
4. Докинз Р. Эгоистичный ген [Электронный ресурс]. — URL: <https://at.ua> (дата обращения: 09.04.2022).
5. Исторические мемы [Электронный ресурс]. — URL: [https:// vk.com](https://vk.com) (дата обращения: 09.04.2022).
6. История в мемах [Электронный ресурс]. — URL: [https:// vk.com](https://vk.com) (дата обращения: 09.04.2022).
7. Олешко, В. Ф. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 470 с.
8. Портнягина М. Д. Проблема преодоления прошлого: российский и испанский опыт // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350- летию со дня рождения Петра

- Великого: Матер. Междунар. науч. конф.: В 3 т. Санкт-Петербург, 1 апреля 2022 года / Под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 1. — СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2022. С. 326–333 [Электронный ресурс]. — URL: http://publish.sutd.ru/docs/content/sb_momenthistory_1_2022.pdf (дата обращения: 09.04.2022).
9. Предметы советской эпохи [Электронный ресурс]. — URL: <https://soviet-life.livejournal.com/> (дата обращения: 09.04.2022).
 10. Про нас [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.livejournal.com> (дата обращения: 09.04.2022).
 11. Сафронова Ю. А. Историческая память. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 270 с.
 12. СССР в фото [Электронный ресурс]. — URL: <https://cccp-foto.livejournal.com> (дата обращения: 09.04.2022).
 13. Хириш М. Что такое постпамять [Электронный ресурс]. — URL: <https://urokiistorii.ru> (дата обращения: 09.04.2022).
 14. Ценители исторических мемов [Электронный ресурс]. — URL: <https://vk.com> (дата обращения: 09.04.2022).
 15. Чтобы помнили [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.livejournal.com> (дата обращения: 09.04.2022).
 16. Шомова С. А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 09.04.2022).
 17. Finkelstein R. A. Memetics Compendium [Электронный ресурс]. Memetics Compendium 5 February 09.pdf (subvert.pw) с 12 (дата обращения: 09.04.2022).

Фокин Владимир Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет
fokin.vladimir@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СССР 20–30-х ГОДОВ XX в. В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

CULTURAL DIPLOMACY OF THE USSR OF THE 20–30S OF THE TWENTIETH CENTURY IN THE MODERN INFORMATION WAR

Аннотация. На отдельных примерах интерпретации культурной дипломатии СССР 20–30-х гг. автор наглядно демонстрирует приемы современной информационной войны в американских исследованиях периода холодной войны и работах российских исследователей начала XXI века.

Ключевые слова: культурная дипломатия СССР, цензура в СССР, сотрудничество иностранных писателей с СССР в 20–30-е гг. XX в.

Abstract. On separate examples of the interpretation of cultural diplomacy of the USSR of the 20–30s the author clearly demonstrates the techniques of modern information warfare in American studies of the Cold War period and the works of Russian researchers of the early XXI century.

Key words: cultural diplomacy of the USSR, censorship in the USSR, cooperation of foreign writers with the USSR in the 20–30s of the twentieth century.

Введение

Мы стали современниками обострения глубокого межцивилизационного кризиса начала XXI века, который эволюционировал с учетом возникновения новых социальных явлений, отраженных в широкой политической практике и получающих различные наименования, в частности, такие как гибридная, сетцентрическая, информационная, психологическая, многодоменная, многосферная, ментальная война и др. Как это не удивительно, но, воплотившись в острые вооруженные формы, этот кризис в отношениях между западной и ортодоксальной, православной или российской цивилизациями, приобрел форму войны Украины с Российской Федерацией, т. е. внутри одной из цивилизаций. Сам этот факт является выдающейся победой Запада, столкнувшего народы в братоубийственной войне начиная с 2014 года.

Причины такой метаморфозы коренятся в том неоспоримом факте, что с помощью информационной войны, которая была развязана в период «холодной войны», была одержана победа над некогда мощным и сплоченным Советским Союзом. В ее ходе была разрушена советская идентичность народов нашей страны [14]. За тридцать лет, например, сознание украинского народа коренным образом было перестроено так, что народ, который когда-то справедливо считал себя победителем германского фашизма, сам стал жертвой украинского фашизма.

На эти очевидные черты современных конфликтов обратили внимание уже военные теоретики. Они пришли к выводам о том, что целенаправленная деятельность государств Запада по разрушению России изнутри уже в течение длительного времени стремится к разрушению единого национального государства (нестабильность власти, разделение территории) и других социальных институтов, общественного сознания, менталитета. В понятии «победа» (оценка достижения военных, политических, моральных целей войны) приоритет отдается экономическим, информационным, когнитивным целям (навязывание ложных взглядов, убеждений, мнимых ценностей, изменение сознания побежденных и др.). Военное

(физическое) насилие все чаще замещается экономическим, психологическим, политическим, моральным, консциентальным (поражение сознания, социальной идентификации населения и т. п.) [6].

В нашем исследовании мы попытались разобраться на конкретном российском примере с содержанием работ о культурной дипломатии СССР, как это происходит в сознании наших соотечественников.

Методология нашего исследования основана на теории аксиологии культуры, т. е. ее неразрывной связи с экономическим, социальным и общественно-политическим развитием человеческой цивилизации. Она предполагает рассматривать всякое явление культуры как фактор общественного развития во всех его взаимосвязях и взаимовлияниях.

Дискуссии и результаты

В советские годы была проделана большая работа по исследованию «культурной дипломатии СССР», которая убедительно доказала, что эта форма внешнеполитических усилий сыграла важную роль в утверждении авторитета СССР на международной арене и продвижении его внешней политики. Это позволило современным российским исследователям справедливо утверждать: «Невозможно игнорировать исторический факт длительного доминирования СССР в сфере “мягкой силы” во времена “холодной войны” (до конца 1970-х — начала 1980-х гг.) особенно в части идеологической пропаганды, а также формирования дружественных политических элит зарубежных государств путем предоставления иностранным гражданам высшего образования в Советском Союзе» [7].

Как полагают американские исследователи, анализ культурного экспорта США в конце 1950 — начале 1960-х годов подтверждает мнение, согласно которому пропагандистские шаги правительства Соединенных Штатов на информационном фронте и программы культурных обменов представляли собой робкую реакцию на советскую идеологическую атаку. При этом американские авторы причину успеха культурной дипломатии СССР видели в технологиях «лжи и обмана» советской пропаганды, связывая с искусным манипулированием сознанием людей [13; 16]. Американские исследователи были изумлены тем положительным образом, который возникал у иностранцев, посещавших СССР или просто следивших за тем, что там происходит. Страна за считанные годы стала индустриальным гигантом, явилась пионером в осуществлении гигантских социальных преобразований в достаточно еще бедном обществе. Ведь многого из чего достигла советская страна, тогда еще не было на Западе, казалось бы, богатом и процветающем. Думается, что люди знали или догадывались, каких гигантских усилий требовал этот быстрый прогресс, что не обходилось и без значительных жертв. Но кому серьезное грандиозное дело достается легко? К тому же и западный человек переживал ужасы мировых войн и их последствия, кошмары экономических кризисов и социальные потрясения, принесшие также немалые жертвы. Но признать это американские советологи не могли в силу природы своей профессии.

Однако сделанный вывод не дает нам видения причин, по которым «холодная война» все-таки была выиграна Западом, а СССР был разрушен. Представляется несколько упрощенным подход к выявлению причин этого, предлагаемый исследователями Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов. Они считают, что первый удар по советской системе был нанесен разоблачением культа личности, а довершен антисоветской пропагандой, санкционированной в период «перестройки». Монолитность политической системы подверглась всевозможным нападкам с помощью диссидентской и иностранной литературы, газет, радио и телевидения, рухнув в итоге под тяжестью возрождающегося национализма и туманных формулировок «перестройки». Свертывание советского военно-политического и идеологического присутствия в Восточной Европе, Азии, Африке и Латинской Америке нанесло колоссальный ущерб «мягкому» влиянию Российской Федерации, демонстративно отказавшейся от бывшего имперского

наследия [7]. Представляется, что крушение СССР имело глубинные социально-экономические процессы, вызвавшие катастрофические общественно-политические последствия. Бесспорно, американская публичная дипломатия также имела в своем арсенале значительные козыри. Это и великая американская культура, распространявшаяся по миру с помощью развитых бизнес-структур и при активной политической поддержке правительства США, и высокий уровень благосостояния и потребительской культуры в США, а также со знанием дела разрекламированный образ «свободной, демократической страны». Надо признать, что американцам удалось убедить в этом многие народы мира. Что на самом деле скрывалось за этим внешнеполитическим образом, наверное, до конца не понимают даже сами американцы. Но нам интересно узнать, как это отразилось на сознании не только наших соотечественников, но и отечественных исследователей культурной дипломатии СССР.

В качестве примера влияния западных целеустановок на сознание российских ученых приведем пример исследований, проведенных в рамках работы по гранту РГНФ 14-04-00557-а «Иностранные писатели и СССР: неизданные материалы 1920–1960-х годов. Культура и идеология» и опубликованных в электронном журнале «Новые гуманитарные исследования» в разделе, где представлены статьи и материалы научной конференции, проведенной 8 июля 2014 году в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН [8].

Авторы сборника убеждены, что «...в СССР пристально следили за тем, что издается в других странах. Анализу подвергалось все, что выходило за рубежом, на что обращала внимание западная пресса — как реакционная, так и прогрессивная. Одной из основных целей этого мониторинга было отыскание высокохудожественного произведения зарубежного писателя, отвечавшего требованиям социалистической литературы в идейном и формальном планах. Это было непростой задачей, потому что все самое яркое, значимое по западным меркам катастрофически далеко отстояло от идеи социалистической революции, а те произведения зарубежных авторов, которые по своему содержанию можно было назвать пролетарскими, были слабы в художественном отношении и потому скоро забывались». Так, Е. С. Островская, доцент факультета филологии НИУ-ВШЭ, анализируя неудачную попытку создания секции пролетарских писателей в Великобритании в 1930–1932 гг., утверждает, что основная концепция деятельности МОРП (Международное объединение революционных писателей) и ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) укладывалась в «стремление раздуть мировой пожар при помощи литературы и шла рука об руку с культуртрегерскими интенциями, унаследованными от дореволюционной культуры» [9]. Представляется, однако, что указанная «концепция» является всего лишь мифом американской пропаганды, учитывая, что лозунг мировой революции был снят еще в 1923 году, когда завершился мировой революционный кризис, и для руководителей ВКП(б) стало очевидно, что придется жить в «капиталистическом окружении». Это не означало, что не надо искать союзников за границей или не бороться за влияние на общественное мнение на Западе. Поэтому культурная дипломатия СССР ставила своей целью укрепление международных позиций страны через преодоление враждебного отношения к стране в правящих кругах капиталистических стран, опираясь на друзей или людей, симпатизирующих Союзу или здравомыслящих деятелей культуры, понимающих, что без русской культуры не может быть полноценной мировой культуры. Одновременно нельзя не учитывать, что в русской революции и возникшем на ее основе СССР многие на Западе видели эксперимент по созданию более справедливого общества и относились к нему с глубокой симпатией. Немало деятелей культуры свои творческие искания рассматривали как революцию в области искусства, видели в этом родство с социальной революцией в России и находили солидарность в среде столь же решительно настроенных российских новаторов в искусстве. И, разумеется, советские руководители прекрасно понимали, что развивать собственную страну, преодолевать отсталость ее от передовых стран Запада было невозможно. С этим, по крайней мере, тогда были согласны все без оглядки на политические убеждения. В этом заключалась, по крайней мере, диалектика взаимодействия культур разных народов мира. Такая концепция больше, как

нам представляется, соответствует действительности, чем придуманная американскими советологами версия. К тому же она находит многочисленные подтверждения в документах Советского государства и ВКП(б) [11].

История создания первых организаций «левой» интеллигенции восходит не к «работе, координируемой из Москвы», как утверждает автор статьи, а к той революционной обстановке в мире, которую породила Первая мировая война. Духовная ситуация того времени в значительной степени определялась критическим отношением широких слоев общественности к основам буржуазного общества. Еще в годы мировой войны для значительной части интеллектуалов, чье сознание не было втянуто в текущую политическую борьбу, стало очевидным, что общество зашло в тупик и начались процессы его саморазрушения, включающие человеческие жертвы [2, с. 130]. Революцию считали единственным способом прекращения войны и предотвращения ее в будущем. В 1917 году во Франции по инициативе А. Барбюса возникает объединение интеллигенции «Кларте» (Ясность). Оно выступало за революционный выход из войны и за преобразование французского общества на социалистических началах [15, с. 259]. Вскоре близкие по духу общества возникли в скандинавских странах, на Британских островах аналогичную позицию занимали члены фабианского общества. В 1919 году «Кларте» стало международной организацией. В ее состав входили всемирно известные писатели, которые вряд ли могли организовать по инициативе Москвы. История создания МОРП хорошо известна и нет смысла ее пересказывать, но она никак не укладывается в концепцию искусственно созданной организации. К тому же сам процесс ее создания носил противоречивый характер, позиции организаторов сходились и расходились, состав организации часто менялся, наконец, и само отношение лидеров коммунистического движения к культуре претерпевало многочисленные трансформации [5].

Е. С. Островская цитирует один из писем видного немецкого публициста Б. Ясенского и советского издателя С. Динамова к британским инициаторам создания секции: «Мы подчеркиваем, что основной задачей революционного писателя является творческая работа в области революционной литературы. Ваша группа должна не только вырабатывать уставы и т. п., но и стремиться к тому, чтобы ее члены писали, и организовывать коллективную критику их творчества» [9]. Цитируемое автором статьи письмо не дает повода по-иному трактовать смысл деятельности руководителей МОРП — они ставили перед собой цели создания новой литературы, литературы пролетарской, а не привлечения крупных состоявшихся деятелей британской культуры к деятельности Коминтерна в качестве «агентов влияния». Это выглядело бы очень глупо, так как любой крупный писатель или ученый — это человек самостоятельный и самобытный, которым нельзя манипулировать. Во всяком случае, так было в те годы.

Остается только гадать, зачем автору потребовалось превращать неудачную попытку создания британской секции МОРП в авантюрную историю. Заключительный вывод автора статьи объясняет ситуацию: «В действительности же задача заключалась в том, чтобы захватить основное поле мировой, транснациональной литературы и добиться успехов на нем, подчинив впоследствии этот успех уже чисто политическим целям. Одним из инструментов достижения подобных целей и должна была стать сеть международных писательских организаций МОРП» [9]. Заметим, что такой вывод не находит подтверждения в тексте статьи, поэтому автору приходится ссылаться на авторитет своего американского вдохновителя, по которому «культурная дипломатия» выступает в качестве прикрытия и «манипуляции культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [13].

В исследовании Е. Д. Гальцовой содержится интереснейший материал о переписке советских издателей с бельгийским писателем и поэтом Францем Эленсом [3].

«Эта переписка является интересным историческим и литературным источником, — пишет Е. Д. Гальцова, — как минимум в двух смыслах. С одной стороны, в ней отражаются литературные интересы и вкусы как советского журнала, так и иностранных корреспондентов (в нашем случае Франца Эленса), и, несмотря на идеологический прессинг, они не всегда строго соответствуют «линии партии». С другой стороны, эти письма — классический

пример идеологической вербовки иностранных писателей, причем этот материал в конце 1930-х годов не был чем-то абсолютно секретным. Наоборот, в журнале «Интернациональная литература» периодически возникали рубрики, посвященные непосредственному общению между редакцией и иностранными писателями: здесь печатались ответы на различные опросные листы, а также просто фрагменты из переписки, разумеется, хорошо отобранные и отцензурированные». Вот как в представлении автора статьи это выглядит: «Если переписка Рокотова и Элленса может быть отнесена к жанру деловой, с примесью даже некоторой дружеской симпатии, то письма к Элленсу Аплетина представляют собой образчик идеологической «обработки», о чем свидетельствуют материалы Иностранной комиссии Союза писателей СССР⁹. В феврале Аплетин оправляет Элленсу тезисы из отчета В. М. Молотова о третьем пятилетнем плане 1938–1942 года и настойчиво просит бельгийского писателя высказать по этому поводу свое мнение; в марте — отчеты о XVIII съезде ВКПб, в том числе, доклады Сталина и Молотова; затем в конце марта следует Краткий курс истории ВКПб, а также книга Бронтмана и Хвата «Героический перелет самолета «Родина». По мнению уважаемого автора, пересылка документов, отражающих политическую жизнь в СССР, или книги о рекордном перелете женского экипажа на Дальний Восток — это образец идеологической «обработки» иностранного писателя М. Я. Аплетиным, а не удовлетворение простого интереса писателя к тому, что происходит в СССР? Подобные комментарии автора выглядят странными, если не знать, что дискуссия в писательской среде об отношении к СССР, о свободе творчества в нашей стране, об обвинениях Л. Д. Троцкого и его сторонников, которых тоже было много среди деятелей культуры, велась публично на Первом съезде советских писателей и на международных дискуссиях писателей, а их стенограммы публиковались в журналах и открытой печати.

Приведем высказывание бельгийского писателя об СССР: «Если меня спросили, какое самое знаменательное событие в мире из всех, какие мне довелось видеть, с тех пор, как я могу наблюдать и иметь свои суждения, я ответил бы: это событие — русская революция, возникновение и развитие СССР. Великое счастье в моей жизни то, что я был свидетелем осуществления самой высокой и новой социальной идеи, какую только знает история...», — автор, тем не менее, делает странный вывод: «по всей вероятности, Элленс “не оправдал” надежд советских деятелей от литературы и искусства». Что же еще нужно было этим «привередливым» деятелям?

В статье Л. И. Ждановой, посвященной издательской политике СССР в отношении романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева», утверждается, что в ходе рассмотрения архивных материалов и отечественной периодики становится очевидной идеологическая заданность советской рецепции романа в качестве образца пролетарской антикапиталистической литературы Америки [4].

Отмечая успех романа Стэйнбека в СССР, автор указывает на его социальную направленность и некоторую сюжетную перекличку с повестью М. Горького «Мать». Она признает: «...просматривается единая линия советской интерпретации “Гроздь гнева” как произведения антикапиталистического и прореволюционного. Стоит отметить, что в случае этого романа однозначность его трактовки не была навязана извне, но проистекала из его прочтения совершенно естественно и органично. В этом же кроется основная причина успеха “Гроздь гнева” в СССР: читая этот роман, советские люди на примере своей собственной истории могли без труда достроить открытый финал произведения и могли, во-первых, оценить правильность и успешность своего выбора, а во-вторых, в лице семейства Джоудов посочувствовать всем простым американским труженикам — “младшим братьям”, которые только начинают приходить к тем выводам, которые советский народ давно сделал и в которых преуспел». В чем же тогда заданность издательской политики в СССР, по мнению автора статьи? Объяснения автор нашла в рассказе Е. В. Евтушенко о событии 1963 года во время приезда Стэйнбека в СССР. В гостях у Евтушенко Стейнбек встретился с дядей советского поэта из Сибири, который работал шофером, и узнал, что тот читал его роман. Сам факт того, что в СССР простой шофер из глубинки читал роман Нобелевского

лауреата из США, на автора статьи не произвел впечатления, в отличие от американского писателя, но позволил аспирантке филологического факультета МГУ сделать глубокомысленный вывод: «Однако была бы эта книга столь же важна и интересна советскому читателю, если бы он понимал настоящий смысл, заложенный в нее автором — этот вопрос останется за кулисами истории». Оказывается, что вся «заданность» издательской политики в СССР заключалась в надежде издателей на неспособность «тупого» населения страны понять истинный смысл произведений выдающихся американцев!

В публикации М. А. Ариас-Вихиль о критериях оценки иностранных писателей в Советской России сообщаются известные факты о разногласиях М. Горького и большевиков по поводу революционного террора и введения цензуры в Советской России как антидемократической меры. Эта политика большевиков вызывает гнев просвещенного автора. Однако она забывает о том, что и буржуазная демократия использовала аналогичные методы борьбы с феодальной контрреволюцией [1].

О цензуре Наполеона — кумира просвещенной Европы, кстати, знал Р. Роллан, поэтому с пониманием относился к революционному насилию как необходимому «недостатку» решительного переустройства общества. Да, как мы сегодня наглядно видим, фактическая цензура свойственна и так называемым демократическим странам, когда они вступают в стадию острой борьбы. Например, информационной войны.

Сославшись на авторитет М. Горького, автор с возмущением пишет о «начавшейся чистке массовых библиотек от «контрреволюционной литературы» (в 1923, 1926 и 1929 годах). Действительно, удаление из массовых читален классиков мировой литературы, философской мысли, которых действительно трудно представить противниками Советской власти, так как их творчество относится к временам далеким от Октябрьской революции в России, выглядит абсолютной дикостью.

Автор статьи забывает, что в 20-е годы XX века Россия была страной, где грамотное население составляло считанные проценты, где власти отчаянно боролись с неграмотностью, где никто не мог предположить, какую реакцию вызовет у малограмотного человека сложный для его понимания текст. Достаточно вспомнить эпизод из «Собачьего сердца» М. А. Булгакова с реакцией профессора Преображенского на суждения Шарикова, прочитавшего переписку Ф. Энгельса и К. Каутского. Думаю, что и в советских органах цензуры в своем большинстве сидели бывшие учительницы начальных классов (других вряд ли смогли найти в безграмотной России), которые заботились по привычке о формировании круга чтения своих учеников в школе. Только школой у них стала теперь вся страна. Напомню, что цензурой были запрещены даже русские народные сказки до 1935 года, так как, по мнению цензуров, они воспитывали в детях лень и веру в чудеса. Что уж говорить об Обломове — персонаже запрещенного романа И. А. Гончарова. Нельзя забывать и то, что это были вчерашние барышни, пережившие ужас революционных потрясений, ярость толпы, — все то, о чем предупреждал российскую интеллигенцию Н. А. Бердяев и его соавторы в знаменитом сборнике «Вехи» 1909 года. К тому же перечисленные запрещенные авторы не могли быть каким-либо образом причислены к контрреволюции, поскольку умерли до установления Советской власти, а, следовательно, этот сюжет о цензуре никак не подтверждает основной вывод автора. Советская цензура, как и любая другая, ограничивает права человека, но нельзя при ее оценке выходить за рамки исторического контекста, чем страдают литературоведы, создавшие этот сборник.

Статья затрагивает и широко известную дискуссию в литературной среде 30-х годов об отношении к СССР, которая выразилась в противоположности позиций Р. Роллана и А. Жида. Упрек в адрес Роллана в отношении того, что он отложил публикацию своего Московского дневника на пятьдесят лет, не состоятелен, так как свою позицию относительно СССР он никогда не скрывал, видя в нем и достижения, и темные стороны действительности. Он считал, что советский народ — это народ, который переживает свой звездный час, совершивший свой скачок в будущее и являющийся той реальной, живой силой, которая сможет победить фашизм в отличие от неспособной к сопротивлению западной демократии.

А. Жид, критиковавший СССР за бюрократизм и массовые репрессии, не был яростным защитником демократии, так как был сторонником Льва Троцкого и критиковал репрессии, которые обрушились на головы троцкистов. Как нам представляется, никто не сомневается, что степень репрессий была значительно выше чем, если бы у власти оказался Лев Давыдович. Достаточно вспомнить его деятельность в период Гражданской войны. Поэтому Андре Жида никак нельзя считать светочем демократии.

Вывод автора справедлив лишь отчасти: «Критерием оценки личности и творчества иностранного писателя оставалась его лояльность политическому режиму Советской России, а затем СССР». Но, кроме того, «советский режим» требовал все-таки и наличия незаурядного таланта, что в сравнении с современностью уже хорошо.

Интересная статья опубликована Н. Ю. Харитоновой об испанском писателе Рамоне Сандере [12]. Но и она, выражаясь языком авторов сборника, страдает политической заданностью, совершенно не связанной с характером творчества писателя.

Издательская судьба произведений этого испанского писателя, по мнению автора статьи, в советском литературном пространстве во многом соответствует общим тенденциям, определившим вектор развития культуры в СССР в 30-е годы. После впечатляющего успеха 30-х — вполне заслуженного, заметим, десятков изданий и переизданий романов, повестей, театральных пьес, статей с их внушительными тиражами, Сендер, получивший в 1935 году Национальную литературную премию Испании, оказывается предан в Советском Союзе практически полному забвению, которое продлится многие и многие годы, до периода перестройки.

При этом автор как бы забывает, что в период Гражданской войны фалангисты убили его семью, что нанесло писателю глубокую душевную травму, что эмигрировав в США, Р. Сандерс оказался жертвой «охоты на ведьм» в период маккартизма. Судьба оказалась безжалостна к этому выдающемуся испанскому писателю и поэту. Стоило ли в этих условиях привлекать его к сотрудничеству с советскими издательствами, ведь для этого на Западе надо было проявить твердость и волю? Думается, это не значит, что советские писатели забыли о Сандерсе, возможно, они проявили человеколюбие к сломленному старику? Ведь подозрения в «троцкизме» в послевоенный период не имели прежнего значения. Однозначного вывода на основе представленных материалов сделать нельзя.

Попытка обобщить издательскую политику в СССР предпринята С. И. Пановым и О. Ю. Пановой в статье, посвященной Теодору Драйзеру [10]. «Советская культура выстроила свой особый пантеон иностранных писателей. Многие иностранные авторы были очень популярны и близки советским людям. Это была иная близость, чем в дореволюционной России, когда в определенные эпохи иностранная, например, французская, литература являлась «своей», в том числе и в плане языка, для узкого слоя образованных читателей. В советской стране мы имеем принципиально иной тип присвоения иностранной литературы и зарубежных авторов — это не органичное нахождение внутри европейской культуры, а выстраивание системы сближения во многом искусственными средствами, процесс управляемый и методично осуществлявшийся. Этот проект был весьма успешным — к 1940-м годам он, в целом, состоялся: миллионы советских читателей как «свою» литературу воспринимали романы Л. Фейхтвангера, Дж. Голсуорси, Т. Драйзера, Р. Роллана. Шла целенаправленная работа по созданию образов «друзей нашей страны», прогрессивных писателей, близких СССР, антифашистов, борцов за мир, антиимпериалистов. Были разработаны изоциренные механизмы отбора, селекции через критику, школьные и студенческие программы, журнальную и книжную издательскую политику. Из большой массы выделялась группа имен, которых можно назвать «зарубежными советскими писателями». Вызывает некоторую оторопь оценка в общем-то обычной деятельности, которую в США называют “promotion of goods on the market” (продвижение товара на рынке). Успех сочинений Т. Драйзера в СССР автор объясняет тенденциозной издательской деятельностью и изоцирен-

ной манипуляцией читательским вниманием к автору. Как-то обидно становится за прекрасного американского писателя Т. Драйзера: неужели он был так бесталантлив, что не мог увлечь читателя своим творчеством?

Далее авторы выражают сомнение в искренности выражения Т. Драйзером своих политических взглядов: «...хотя Драйзер и придерживается левых взглядов, он вовсе не является сознательным пропагандистом советского социализма и марксистско-ленинско-сталинских идей; если взгляды американского писателя и можно назвать «социалистическими», то социализм этот не «советский», а «социал-буржуазный». Эта абракадабра из «измов» и политических ярлыков противоречит той общественной деятельности, которой занимался писатель. Т. Драйзер был президентом «Лиги американских писателей» — секции МОПТ, а в 1943 году вступил в компартию США. Конечно, он не был, да и не мог быть советским коммунистом. Претензии на этот счет авторов статьи выглядят просто дикими.

Столь же странная конструкция выстраивается нашими литературоведами, когда они сравнивают объемы и структуры академического издания произведений Драйзера в СССР с популярными изданиями. Естественно, что в последних неизбежны были изъяты ряда сочинений нехудожественного содержания, так как они преследовали иные цели по сравнению с академическим изданием. Думаю, что все это прекрасно известно авторам, но признать это он не может, ибо тогда рухнет конструкция его идеологии.

Выводы

В целом публикация материалов научной конференции, проведенной 8 июля 2014 года в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН, убедительно свидетельствуют о том, какими методами ведется информационная война за умы людей, как опасно для науки вырывать конкретные события из контекста исторического процесса и использовать идеологические схемы госдепартамента США (а Ф. Ч. Баргхурн был его сотрудником, когда писал свою работу) в истории отечественной литературы и, тем более, культурной дипломатии государства.

Список использованных источников и литературы

1. *Ариас-Вихиль М. А.* Критерии оценки иностранных писателей в Советской России: советский индекс (по материалам переписки А.М. Горького и Р. Роллана) // Новые российские гуманитарные исследования. — 2014. — Т. 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/274/> (дата обращения: 12.04.2022).
2. *Вернадский В. И.* Очерки и речи. Вып. 1. — Пг., 1922.
3. *Гальцова Е. Д.* Вокруг публикаций рассказов Франца Элленса в 1930-е годы в СССР. Материалы к исследованию // Новые российские гуманитарные исследования. 2014. Т. 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/271/> (дата обращения: 12.04.2022).
4. *Жданова Л. И.* Издательская политика СССР в отношении романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» // Новые российские гуманитарные исследования. — 2014. — Т. 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/299/> (дата обращения: 12.04.2022).
5. Из истории Международного объединения революционных писателей (МОПИ) / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1969 (Лит. наследство; Т. 81) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2081/vol81.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).
6. *Караваев И. Н.* Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль. — 2022. — № 3. — С. 35–42 [Электронный ресурс]. — URL: <https://pochitaem.su/voennaja-mysl-3-mart-2022/> (дата обращения: 12.04.2022).
7. «Мягкая сила» внешней политики СССР // Институт стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов (№4, май 2013 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://isip.su/ru/articles/38> (дата обращения: 12.04.2022).

8. Издательская политика СССР и иностранные писатели в 1920-1960е годы. Европа, Америка // Новые российские гуманитарные исследования. 2014. Т. 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles> (дата обращения: 12.04.2022).
9. *Островская Е. С.* Первая попытка создания британской секции МОРПа в контексте истории МОРПа и журнала «Интернациональная литература» // Новые российские гуманитарные исследования. — 2014. — Т. 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/290/> (дата обращения: 12.04.2022).
10. *Панов С. И.* Теодор Драйзер в СССР: заметки к теме / С. И. Панов, О. Ю. Панова // Новые российские гуманитарные исследования. — 2014. — Т. 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/272/> (дата обращения: 12.04.2022).
11. *Фокин В. И.* Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 200 с.
12. *Харитонова Н. Ю.* Издательская судьба произведений Рамон Сендера в СССР: от успеха к забвению // Новые российские гуманитарные исследования. — 2014. — Т. 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/298/> (дата обращения: 12.04.2022).
13. *Barghoorn F. C.* The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. — New York, 1960.
14. *Brzezinski Z.* Toward a global Realignment // The American Interest. — 2016. — April 17 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (дата обращения: 12.04.2022).
15. *Dommaget M.* Histoire du Premier mai. — Paris, 1953.
16. *Margulies S. R.* The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of foreignness 1924–1937. — Madison, Milwaukee and London. The University of Wisconsin Press, 1968.

Эльц Елена Эдуардовна

Санкт-Петербургский государственный университет
elenaelts@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

EUROPEAN EDUCATION AREA AND EUROPEAN INTEGRATION IN HIGHER EDUCATION

Аннотация. Параллельное существование двух региональных интеграционных процессов в сфере высшего образования — Болонского процесса и процесса формирования Европейского образовательного пространства, инициированного Европейской комиссией в 2017 г. — свидетельствует о возникновении «составного регионализма» в европейской образовательной интеграции. В статье анализируются особенности, направления и механизмы нового этапа интеграции в сфере высшего образования, а также проблемы синергии двух процессов.

Ключевые слова: Европейское образовательное пространство, Болонский процесс, высшее образование, европейская интеграция, «составной регионализм».

Abstract. The creation of parallel regional integration processes in higher education, Bologna Process (since 1999) and European Educational Area launched by European Commission in 2017 signalled the emergence of «nested regionalism» in European education integration. In article the features, priorities and mechanisms of European Education Area has been analyzed. The issue of its synergies with Bologna Process is considered.

Key words: European Education Area, Bologna Process, higher education. European integration, “nested regionalism”.

Социальный саммит ЕС в 2017 г. в Гётеборге, провозгласивший задачу создания Европейского образовательного пространства, может считаться поворотным моментом в развитии европейских интеграционных процессов в сфере образования. Проект создания Европейского образовательного пространства (ЕОП), охватывающего все уровни образования, был ориентирован, прежде всего, на страны Евросоюза и должен был придать новый импульс прежним европейским интеграционным процессам в этой сфере, в том числе Болонскому процессу, участниками которого к 2022 г. являлись 49 стран.

В 1999 г Болонский процесс провозгласил цель сформировать Европейское пространство высшего образования (ЕПВО), которая осуществлялась в соответствии с коммюнике министров, ответственных за высшее образование. В рабочую группу, которая курирует Болонский процесс между министерскими встречами, помимо представителей стран-участниц входят Европейская Комиссия, наблюдатели от Совета Европы, ЮНЕСКО, Европейской ассоциации университетов (EUA), Европейской ассоциации высших учебных заведений (EURASHE), Европейского союза студентов (ESU), Европейской ассоциации гарантии качества высших учебных заведений (ENQA) и др. [6].

Часть этих организаций (EUA, ESU, EURASHE, Совет Европы, ЮНЕСКО) наряду с представителями стран Евросоюза, странами-кандидатами на вступление в ЕС (Албания, Черногория, Северная Македония, Сербия, Турция) и странами Европейской ассоциации свободной торговли (Исландия, Норвегия, Лихтенштейн) представлены в созданной в 2021 г. Рабочей группе по высшему образованию для Европейского образовательного пространства [9].

В результате с 2017 г. в сфере высшего образования реализуются два параллельно существующих процесса с частично совпадающими задачами и участниками: инициирован-

ный в 1999 г. как межправительственный, Болонский процесс, ныне теряющий свое влияние, и набирающий силу и ориентированный на 27 стран ЕС новый процесс по созданию ЕОП с координирующей ролью Еврокомиссии. Этот новый проект Европейского образовательного пространства, направленный на углубление и ускорение интеграции, свидетельствует о возникновении «составного регионализма», организованного в виде концентрических кругов. Внутреннее ядро из стран ЕС участвует в двух процессах, а ближайший внешний круг представлен всеми остальными участниками Болонского процесса, которым отводится роль адептов норм, разработанных в Евросоюзе [1, с. 158].

Инициатива Европейского образовательного пространства мало изучена даже в зарубежной литературе. Однако анализ документов Европейской комиссии и Совета ЕС, представляющих контуры создаваемого ЕОП, позволил сделать вывод о том, что создание Европейского образовательного пространства рассматривалось как инструмент преодоления текущего кризиса европейской интеграции путем дальнейшего структурирования и углубления сотрудничества между странами-членами [8, с. 11]. Европейское образовательное пространство продвигает общую европейскую идентичность, углубление экономической интеграции посредством адаптации образования к требованиям европейского рынка труда, общество социальной справедливости, ценности прогресса. Новый процесс по созданию ЕОП стал продолжением предыдущих европейских инициатив по сближению систем образования, сделал европейскую образовательную политику неотъемлемой составляющей европейской интеграции, был призван повысить конкурентоспособность Евросоюза и сблизить образование с целями устойчивого развития.

Важнейшим стимулом для укрепления европейской образовательной политики с 1990-х гг. была экономическая роль образования. Функционирование в рамках Европейского Союза единого рынка рабочей силы и услуг ставило на повестку дня необходимость признания полученных за рубежом квалификаций и периодов обучения.

Возможность автоматического взаимного признания дипломов и периодов обучения за рубежом в рамках создаваемого ЕОП стало одной из четырех флагманских инициатив Европейской комиссии в 2017 г. Тремя другими важнейшими задачами объявлялись: улучшение языковых навыков (в том числе внимание к преподаванию языков в рамках обязательного образования); создание европейских транснациональных университетских альянсов (инициатива «Европейские университеты»); пилотный проект по созданию «Европейской студенческой карты» (направленный на развитие индивидуальных и институциональных стимулов к мобильности посредством упрощения управления процессом мобильности и необходимых процедур).

В сообщении Европейской комиссии 2017 г. создаваемое к 2025 г. Европейское образовательное пространство определялось так: «Континент, где проведение времени в другом государстве-члене с целью обучения, изучения или работы станет стандартом; где знание двух языков, помимо родного языка, станет нормой. Континент, в котором люди имеют сильное чувство своей идентичности, сильное чувство культурного наследия и его разнообразия» [5, с. 11].

Первым этапом формирования Европейского образовательного пространства считаются 2017–2018 годы. В 2018 году новый пакет инициатив по формированию ЕОП включал: сообщение «Построение более сильной Европы: роль молодежи, политики в области образования и культуры», Молодежную стратегию ЕС на 2019–2027 гг., «Новую повестку дня в области культуры», предложения для рекомендаций Совета ЕС по высокому качеству дошкольного образования и системе ухода за детьми, по автоматическому признанию дипломов и периодов обучения за рубежом, а также в области преподавания и изучения языков [2].

Европейская ассоциация университетов и Европейский союз студентов одобрили инициативу Европейской комиссии по созданию ЕОП как своевременный ответ на вызовы меняющегося рынка труда и цифровизации. Европейская ассоциация университетов отметила общность задач Европейского образовательного пространства и Болонского процесса, при

этом подчеркивала необходимость увязки инициатив Еврокомиссии с Болонским процессом, охватывающим более широкие географические рамки. Представлялось важным избежать появления параллельных процессов [3].

Тем не менее, скоро ЕОП стало восприниматься как параллельный созданию ЕПВО процесс. Актуализировался вопрос синергии аспектов Европейского образовательного пространства, связанных с высшим образованием с Болонским процессом [7]. Европейская ассоциация университетов и Европейский союз студентов стали критиковать инструментарий Европейского образовательного пространства за отсутствие возможности применить его к Болонскому процессу. Например, создаваемые механизмы для автоматического признания дипломов, такие как «Европейская степень», получаемая в транснациональных университетских альянсах (Европейские университеты), или проект «Эразмус без бумаги», который требует от участвующих в нем университетов быть членом Европейской хартии «Эразмус», фактически не могут быть применены в целом ряде стран-участниц Болонского процесса, не входящих в ЕС.

В сообщении Европейской комиссии, опубликованном в сентябре 2020 г., и ознаменовавшим второй этап формирования ЕОП, Европейское образовательное пространство было представлено как «движущая сила Болонского процесса, воодушевляющая и поддерживающая не входящие в ЕС страны-члены в их следовании в том же направлении» [4]. В документе была предложена серия инициатив, связанных с шестью ключевыми направлениями: качество в образовании и обучении (акцент на формирование базовых знаний, трансверсальных навыков, укрепление мобильности, мультилингвизма); инклюзия и гендерное равенство; «зеленая» и цифровая трансформация; учителя и педагоги; высшее образование (университет представлялся как «квадрат знаний», опорам которого служили образование, исследования, инновации и служение обществу; ставились задачи автоматического признания квалификаций и периодов обучения, в том числе по коротким программам); геополитическое измерение (сотрудничество в сфере образования определялось как инструмент внешней политики ЕС, ставящей целью продвижение европейских интересов и ценностей).

На втором этапе формирования ЕОП приобрел остроту вопрос управления данным процессом образовательной интеграции. Среди большого числа акторов, участвующих в создании Европейского образовательного пространства, Европейская комиссия, использующая с 2000 г. «открытый метод координации», и Европейский совет играют особую роль. Европейская комиссия стремится осуществлять инициативы, заложенные в своих сообщениях, через государства-члены, институты ЕС, европейские ассоциации и союзы в области образования. Прогресс в формировании ЕОП достигается в том числе и посредством создания различных сетевых партнерств на уровне ЕС, вовлеченных в развитие отдельных направлений образовательной интеграции. Флагманская инициатива Европейской комиссии — ежегодный Европейский саммит по вопросам образования — направлена на вовлечение новых участников.

В 2021 г. управление Европейским образовательным пространством вышло на новый уровень. Были созданы рабочие группы экспертов по различным уровням образования, для координации усилий по формированию ЕОП применяются механизмы Европейского семестра. Достижения странами целей Европейского образовательного пространства также отслеживаются с использованием механизма монитора по вопросам образования и профессионального обучения.

На фоне этих процессов заметно ослабление роли университетов в европейской образовательной интеграции в сфере высшего образования. Также наблюдаются тенденции снижения роли Европейского студенческого союза — зонтичной организации 45 национальных союзов студентов из 40 стран. Рупором студентов в Европейском союзе признана в настоящее время не эта автономная, демократичная, представительная организация, а так называемое «Европейское сообщество университетов», состоящее только из тех студентов, которые учатся в транснациональных европейских университетских альянсах (транснациональные советы студентов) и выступают под руководством сотрудников этих университетов.

Инициатива Европейской комиссии по созданию Европейского образовательного пространства, как и перечень предложенных ею инструментов и задач, сузили географические рамки осуществляемой ранее европейской образовательной интеграции в сфере высшего образования. В этом новом пространстве, в котором географический охват еще четко не определен, управление образовательной интеграцией стало более централизованным, и роль в нем Европейской комиссии заметно и динамично усиливается. При этом снижается роль организаций, участвующих в управлении Болонским процессом за счет вовлечения в развитие отдельных направлений образовательной политики новых создаваемых различных сетевых партнерств на уровне ЕС. Усиливается дифференциация в интеграционных процессах. Страны, не являющиеся членами ЕС или кандидатами, а также членами Европейской ассоциации свободной торговли, вытесняются на периферию европейской образовательной интеграции, теряют способность участвовать в выработке образовательной политики. Исходящая мобильность все больше ограничивается странами ЕС. Европейская образовательная интеграция превращается во внешнеполитический инструмент Евросоюза, в том числе нацеленный на привлечение студентов из развивающихся стран

Список использованных источников и литературы

1. *Лескина Н.* Европейский регионализм в сфере образования: от Болонского процесса к Сорбонскому // Современная Европа. — 2021. — № 2. — С. 158–166.
2. Building a stronger Europe: new initiatives to further boost role of youth, education and culture policies. Press-release. 22 May 2018. [Электронный ресурс]. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_3704 (дата обращения: 07.03.2022).
3. EUA welcomes Commission initiative putting education at the heart of a more social Europe. 20 November 2017. [Электронный ресурс]. — URL: <https://eua.eu/resources/publications/411:eua-welcomes-commission-initiative-putting-education-at-the-heart-of-a-more-social-europe.html> (дата обращения: 20.02.2022).
4. European Commission (2020) Communication on achieving the European Education Area by 2025. Brussels, 30.9.2020 COM(2020) 625 final. [Электронный ресурс]. — URL: <https://education.ec.europa.eu/sites/default/files/document-library-docs/communication-european-education-area.pdf> (дата обращения: 21.02.2022).
5. European Commission (2017b) Strengthening European Identity through Education and Culture. Strasbourg, 14.11.2017 COM(2017) 673 final. P. 11. [Электронный ресурс]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017DC0673&from=EN> (дата обращения: 20.02.2022).
6. European Higher Education Area and Bologna Process. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ehea.info/> (дата обращения: 24.03.2022).
7. *Heriard P., Prutsch M. J. & Thoenes S.* Making the European Education Area a reality: state of affairs, challenges and prospects. European Union, 2021. [Электронный ресурс]. — URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652237/IPOL_STU\(2021\)652237_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652237/IPOL_STU(2021)652237_EN.pdf) (дата обращения: 11.01.2022).
8. *Kushnir I.* The Role of the European Education Area in European Union Integration in Times of Crises // European Review. — 2021. March. P. 1–21. doi:10.1017/S1062798721000016.
9. Working Group on Higher Education. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ec.europa.eu/transparency/expert-groups-register/screen/expert-groups/consult?lang=en&groupID=3799> (дата обращения: 25.03.2022).

Раздел II. Культура и искусство Арктики в межкультурном и социолингвистическом пространстве

Ермолина Марина Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет

ermolinama@gmail.com

ОБЗОР ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ АРКТИКИ

REVIEW OF THE LEGAL REGULATION OF THE CULTURAL AND NATURAL HERITAGE OF THE ARCTIC

Аннотация. В статье приведен комплексный анализ международных и национальных актов в сфере культурного и природного наследия Арктической зоны Российской Федерации. Автор обозначает основные направления и специфику правового регулирования по указанной проблематике.

Ключевые слова: Арктика, международная защита окружающей среды, устойчивое развитие, традиционное природопользование, коренные малочисленные народы, культурное наследие.

Abstract. The article provides complex analysis of international and national acts in the field of cultural and natural heritage of the Arctic zone of the Russian Federation. The author indicates the main directions and specifics of legal regulation on this issue.

Key words: Arctic, international protect of environment, sustainable development, traditional nature management, indigenous peoples, cultural heritage.

В настоящее время роль Арктического региона рассматривается с геополитической и военно-стратегической точек зрения, а также с позиций экономической и экологической безопасности [4]. Как отмечают известные российские ученые-правоведы, Россия уделяет серьезное внимание вопросам цивилизованного освоения и использования ресурсов Арктической зоны [3]; обеспечение его устойчивого развития является одной из важных стратегических целей, закрепленных в различных правовых актах, принимаемых на внутригосударственном уровне.

В исследовании «Экспертного механизма по правам коренных народов» (EMRIP) подчеркивается, что культурное и природное наследие в понимании коренных народов взаимосвязаны, поэтому для коренных малочисленных народов разделение наследия на «материальное», «нематериальное» и «природное» малопродуктивно [5]. Понятие «природное наследие» в единстве с понятием «культурное наследие» означает взаимообусловленность культуры и природы, а также их равную значимость для сохранения природной среды Арктики [1].

В Нуукской декларации об окружающей среде и развитии в Арктике 1993 года договаривающиеся стороны признали, что «окружающая среда Арктики состоит из экосистем с уникальными особенностями и ресурсами, которые весьма медленно поддаются восстановлению после воздействия на них человека, и поэтому нуждается в особых защитных мерах», а также что «коренные народности, которые постоянно проживают в Арктике на протяжении тысячелетий, подвергаются риску в результате ухудшения окружающей среды». Стороны данной Декларации подтвердили принцип 2 Рио-де-Жанейрской Декларации об окружающей среде и развитии 1992 года, согласно которому государства на основании положений Устава ООН и

принципов международного права обладают суверенным правом осваивать собственные ресурсы в соответствии со своей политикой в области окружающей среды и развития и обязаны обеспечивать, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерб окружающей среде других государств или районов за пределами национальной юрисдикции, а также принцип 22 Декларации Рио, в котором говорится, что «...коренные народности и их общины... играют жизненно важную роль в рациональном использовании и развитии окружающей среды ввиду их знаний и традиционной практики. Государства должны признавать и должным образом поддерживать их самобытность, культуру и интересы и дать им возможность эффективно участвовать в достижении устойчивого развития».

Вопросы защиты культурного наследия коренных народов регулируются с помощью различных международных правовых актов, в том числе Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г., согласно которой государства должны проявлять уважение, сохранение и поддержание знаний, нововведений и практики коренных и местных общин, отражающих традиционный образ жизни, укреплять защиту их природного и культурного наследия путем сохранения биологического разнообразия, а также справедливого распределения выгод, связанных с использованием генетических ресурсов. На взаимосвязь генетических ресурсов и традиционных знаний коренных народов, неотделимый характер, который они несут, значение традиционных знаний для сохранения биологического разнообразия и использования его компонентов для устойчивой жизнедеятельности данных народов указывается и в Нагойском протоколе регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии 2010 г. В нем, в частности, подчеркивается, что доступ к традиционным знаниям, связанным с генетическими ресурсами, носителями которых являются коренные народы, должен осуществляться с их предварительного и обоснованного согласия или одобрения.

Международные стандарты, направленные на защиту культурного наследия коренных народов, закреплены во многих международных актах, принятых под эгидой ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), среди которых следует особо отметить Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., согласно которой под культурным наследием понимаются: памятники (произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов), которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли (группы изолированных или объединенных строений, архитектура), единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места (произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места), представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии. Если сравнить данное определение с соответствующим определением Рамочной конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества 2005 г. (Россия не является участницей данной Конвенции), то можно увидеть, что в нем практически нет акцента на нематериальное наследие. Так, согласно данному документу, культурное наследие — это «совокупность ресурсов, унаследованных от прошлого, которую люди считают, независимо от своей принадлежности, отражением и выражением своих постоянно меняющихся ценностей, верований, знаний и традиций. Оно включает все аспекты окружающей среды, которые возникли в результате взаимодействия между людьми и пространством в ходе исторического развития» (ст. 2).

Важно принимать во внимание также международные акты, участником которых на данный момент не является Россия, как например, Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (заключена в г. Женеве 27.06.1989). Призыв о ее ратификации прозвучал в Итоговом документе пленарного заседания высокого уровня Генеральной Ассамблеи под

названием «Всемирная конференция по коренным народам» (Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 22 сентября 2014 года. A/RES/69/2). В числе важнейших международных актов, пока не подписанных Россией, следует назвать заключенную под эгидой ЮНЕСКО «Конвенцию об охране нематериального культурного наследия» 2003 г., а также Конвенцию об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г.

Следует отметить также значимость модельных актов на уровне Содружества Независимых Государств, принятых по вопросам защиты культурного наследия. Речь идет о Модельном законе об охране нематериального культурного наследия 2013 г., в котором определяются: понятие «объект нематериального культурного наследия», виды таких объектов; закрепляется понятие «носитель нематериального культурного наследия», под которым понимается «физическое лицо (группа физических лиц), обладающее уникальными знаниями, верованиями, умениями и навыками в области традиционной народной культуры: языка, фольклора, обрядов, обычаев, художественных промыслов и ремесел, исполнительского и декоративно-прикладного искусства».

С точки зрения сохранения самобытности коренных народов Арктики существенную роль играют также рекомендации ЮНЕСКО, в числе которых следует назвать Рекомендацию о сохранении фольклора 1989 г. Кроме того, необходимо учитывать, что помимо ЮНЕСКО вопросами защиты культурного наследия коренных народов занимаются и другие международные организации, такие как Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО) и Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), деятельность которых призвана обеспечить природное и культурное наследие в интересах будущих поколений.

Самобытность коренных народов выражается также в языковых правах (Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г., Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995 г., Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств 1992 г.).

Особенности объектов культурного наследия коренных малочисленных народов требуют дополнительных мер по обеспечению их охраны. В связи с этим в «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2009 г. в качестве одной из задач закреплено создание информационной базы объектов культурного наследия малочисленных народов Севера. Однако не уточняется, должна ли данная информационная база иметь самостоятельный характер либо она должна стать частью единого государственного реестра объектов культурного наследия народов России. До настоящего времени не определены такие важные моменты, как механизм создания соответствующей информационной базы, ее статус, правовой режим хранящейся в ней информации, органы государственной власти, которые будут участвовать в создании и ведении такого реестра, а также являться держателями информационного банка данных и др.

Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» закрепил за соответствующими территориями статус особо охраняемых территорий без уточнения назначения режима правовой охраны. В силу ст. 10 указанного Закона частью этих территорий могут являться поселения, объекты культурного наследия, оленьи пастбища, охотничьи и иные угодья, водные участки и пр. Но все эти объекты, согласно общим положениям Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ), должны располагаться на землях различных категорий: землях населенных пунктов, землях водного фонда, сельскохозяйственного назначения и других со всеми вытекающими правовыми последствиями. ЗК РФ относит места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и представителей других этнических общностей к категории «земель природоохранного назначения» (п. 5 ст. 97), но также не закрепляет особенности их правового режима, отсылая к специальному законодательству о коренных малочисленных народах, которым данный вопрос также не урегулирован.

В плане мероприятий по реализации в 2016–2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в число приоритетных задач государства входит подготовка предложений по совершенствованию механизма образования, охраны, использования и упразднения территорий коренных малочисленных народов, а также создание модельных территорий. В связи с этим представляется необходимым отметить как преимущества, так и недостатки федерального законодательства в области охраны окружающей среды и устойчивого развития. Так, многие российские ученые отмечают, что у российского законодателя пока еще отсутствует должное отношение к понятию «устойчивое развитие», исходя из его официально признанной формулировки на международном уровне. В литературе было высказано мнение, что Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию 1996 г. «составила единственное исключение из общего массива российских официальных документов, где фактически не используется понятие устойчивого развития в контексте официальных документов ООН, ОЭСР, Европейского союза» [2]. Некорректный контекст понятия «устойчивое развитие» с акцентом на «развитие» используется и в стратегических актах по освоению природных ресурсов Арктической зоны РФ [3].

В настоящее время стратегия охраны окружающей среды на территории Арктической зоны должна учитывать итоговый документ Саммита ООН по принятию повестки дня в области развития на период после 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», делегатами которого стали около 160 стран, включая Российскую Федерацию. Он призывает государства активизировать усилия по защите и сохранению всемирного культурного и природного наследия, расширению прав и возможностей людей, находящихся в уязвимой ситуации, к которым непосредственно относятся коренные народы, поощрять их право на образование в течение всей жизни. В связи с этим признано необходимым «проводить регулярные и всеобъемлющие обзоры прогресса на национальном и субнациональном уровнях так, чтобы руководителями и инициаторами этих обзоров были сами страны. Такие обзоры должны проводиться с учетом мнений коренных народов, гражданского общества, частного сектора и других заинтересованных сторон в соответствии с национальными условиями, стратегиями и приоритетами». Подчеркивается, что «национальные парламенты, а также другие учреждения тоже могут поддержать эти процессы».

Список использованных источников и литературы

1. Андриченко Л. В. Проблемы правового обеспечения сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов: международный и национальный аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 4. — С. 17–32.
2. Бобылев С. Н. Экологическая политика: в поисках устойчивости // Экологическая политика: Материалы I и II круглых столов «Экологическая политика: новые подходы и технологии решения экологических проблем» (10 октября 2014 г. и 19 октября 2015 г.) и XXI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экологического, земельного права и законодательства. Правовые проблемы формирования и реализации экологической политики» («Софрино-21») (16–17 мая 2016 г.) / Под ред. проф. А. К. Голиченкова, проф. В. В. Лунина, проф. А. Ю. Шутова. — М., 2016. — С. 33.
3. Игнатьева И. А. Правовые основы развития Арктической зоны Российской Федерации и концепция устойчивого развития // Экологическое право. — 2021. — № 6. — С. 11–16.
4. Редникова Т. В., Куделькин Н. С., Ма С. Государственная политика России и Китайской Народной Республики в сфере охраны окружающей среды Арктики: перспективы международного и двустороннего сотрудничества // Международное право и международные организации. — 2018. — № 2. — С. 17–31.
5. Экспертный механизм по делам коренных народов [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ohchr.org/ru/hrc-subsiaries/expert-mechanism-on-indigenous-peoples> (дата обращения: 07.03.2022).

Ло Ин (Китай)

*Южно-Китайский коммерческий институт при Гуандунском университете
иностранных языков и международной торговли
Luoying777@vip. 163.com*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ И ЭТНИЧЕСКИМИ МЕНЬШИНСТВАМИ НА СЕВЕРЕ КИТАЯ

ECONOMIC AND CULTURAL COOPERATION BETWEEN THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN ARCTIC AND ETHNIC MINORITIES IN NORTHERN CHINA

Аннотация. В статье анализируются особенности коренных народов российской Арктики и национальных меньшинств Северного Китая, обсуждаются основы сотрудничества между двумя северными этническими меньшинствами в расовом, языковом, религиозном и бытовом отношении, а также возможности экономического и культурного сотрудничества. Автор формирует конкретное предложение о сотрудничестве.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, культурное сотрудничество, северные коренные народы, устойчивое развитие.

Abstract. The article analyzes the characteristics of the indigenous peoples of the Russian Arctic and the national minorities of Northern China, discusses the basis for cooperation between the two northern ethnic minorities in racial, linguistic, religious and domestic terms, as well as the possibilities of economic and cultural cooperation, and offers a specific proposal for cooperation.

Key words: economic cooperation, cultural cooperation, northern indigenous peoples, sustainable development.

Как ветвь человечества, арктические коренные народы прошли долгий путь в Арктику. Значительная часть арктических коренных народов ведет кочевой образ жизни, и их ареал кочевья очень широк, охватывая Арктику и Приарктику. Некоторые из северных малочисленных народов Китая имеют общие обычаи с коренными народами российской Арктики, а некоторые принадлежат к той же этнической группе. Есть много сходств между двумя северными этническими меньшинствами в расовом, языковом, религиозном и бытовом отношении. Сходство открывает возможности и формирует прочную основу для сотрудничества.

Археологическое открытие реки Яна свидетельствует о том, что около 28 000 лет назад здесь поселились первые люди [6, с. 52]. Сейчас в российской Арктике насчитывается около 19 коренных малочисленных народов: долганы, керекы, кеты, манси, нганасаны, ненцы, саами, селькупы, ханты, чувашы, чукчи, чулымцы, эвенки, эвены, энцы, эскимосы, юкагиры, якуты, коми [3].

Этнические меньшинства Северного Китая имеют многовековую историю, тысячелетиями кочевали на обширной территории от Северного Китая до Северного Ледовитого океана, некоторые этнические меньшинства принадлежат к той же этнической группе, что и российские арктические аборигены, например, эвенки и оролены относятся к тунгусскому семейству языков, а китайские эвенки и русские эвенки — это один и тот же этнос, просто их названия переводится по-разному. В Китае проживает 9 этнических меньшинств, связанных с арктическими коренными народами: монголы, эвенки, оролены, дауры, маньчжуры, сибэ, хэчжэ, киргизы и татары [8].

Особенностью культуры арктических коренных народов России является то, что она основана на одних и тех же культурных символах: культура льда и снега, культура рыболовства и охоты, культура кочевников. Культура этнических меньшинств Северного Китая

также имеет три характеристики культуры коренных народов российской Арктики, но ее культурные особенности более разнообразны. Поскольку эти этнические меньшинства Китая много раз основывали могущественные династии в Китае, они пережили культурное слияние и испытали глубокое влияние ханьской культуры [5].

Коренные народы Арктики жили в суровых природных условиях. У коренных народов российской Арктики четыре разновидности основных занятий, лежащих в основе их образа жизни: оленеводство, охота, собирательство и рыболовство. Коренные народы Арктики прошли долгий путь, чтобы адаптироваться к окружающей среде, поэтому местные жители стремятся минимизировать воздействие на природу за счет экономии ресурсов. Основными целями людей, проживающих в Арктике, являются поддержание уровня продуктивности земель и мониторинг биоразнообразия. Благодаря внимательности и чуткости к окружающему миру арктические аборигены смогли приспособиться к суровым условиям жизни, а их обычаи, праздники и обряды передавались из поколения в поколение.

Традиционные знания помогают обеспечить связь между поколениями. К ним относятся, например, охотничьи календари. Рыбаки и охотники определяют лучшие места и время для охоты. Действуют правила ловли рыбы и охоты на животных. По мере роста северных популяций они создают нагрузку на определенные популяции животных. Породы животных и места их разведения на охраняемой территории, а также чистые пастбища и места разведения животных — эти знания также передаются народами из поколения в поколение. И старейшины, и шаманы владеют традиционными знаниями о целительстве и способах передачи психической энергии, воздействующей на человека. Кроме того, арктические аборигены с детства осваивают приемы практики и обучения, и уже к десяти годам дети могут выполнять сразу несколько производственных процессов.

Данные научных исследований показывают, что поколения местных жителей неоднократно переживали то более теплый, то более прохладный климат, но они смогли приспособиться к этому естественному переходу. Коренные народы уже много лет разрабатывают экологические стратегии и методы адаптации. К ним относятся, во-первых, бескорыстная помощь нуждающимся, помощь соседних этносов друг другу в трудных ситуациях; во-вторых, мобильность, под которой имеют в виду, что при необходимости коренные народы Арктики могут быстро переехать в другое место. Это считается основным способом адаптации местного населения к климату; в-третьих, исследование новых способов использования природных ресурсов.

В основе сотрудничества лежат многие аспекты, такие как раса, язык, религия и образ жизни.

По расовому признаку аборигены Севера России сходны с этническими меньшинствами Северного Китая. Большинство аборигенов Севера России имеют черные волосы и желтую кожу, они невысокого роста.

Маньчжуро-тунгусская языковая семья — древняя языковая семья, возникшая у озера Байкал. Сегодня в эту языковую семью входят маньчжуры, сибэ, хэчжэ, орокены, эвенки, орочи и нанайцы в Китае. К ней также относятся народы хэчжэ (ветвь чжурчжэней), тунгусские народы (удэгэ, ульчи, орокены), негидальцы (ветвь эвенки), эвены [4, с. 124]. В основном они распространены в северо-восточной Азии, начиная от 40⁰ северной широты на юге, достигая Северного Ледовитого океана на севере, реки Енисей на западе и Тихого океана на востоке [9].

В религиозном отношении коренные народы российской Арктики в основном верили в шаманизм. Так было до того, как Россия открыла Сибирь, являющуюся носителем анимизма. Сейчас многие коренные народы в Русской Арктике выбрали православную церковь, но они по-прежнему верят в анимизм, возник феномен интеграции православия и шаманизма. Поскольку в Китае много религий, а сильной родной религии нет, шаманизм этнических меньшинств в Северном Китае сохранился, и нет никаких признаков интеграции с другими религиями [10].

Способы производства коренных народов российской Арктики и национальных меньшинств Северного Китая в основном заключаются в кочевом скотоводстве, рыболовстве и охоте, поэтому многие российские арктические этносы делятся на лесные и оленеводческие. Этнические меньшинства в северном Китае также занимаются кочевым скотоводством на пастбищах, в то время как они в основном занимаются рыболовством и охотой в лесных и речных районах [11].

Содержание культуры северных коренных народов двух стран включает такие аспекты как: религия, архитектура, поэзия, одежда, еда, искусство и т. д. Основными участниками культурного сотрудничества китайско-российских северных меньшинств являются: ассоциации меньшинств, научно-исследовательские учреждения и туристические компании.

Стремительное экономическое развитие Китая в последние годы в основном связано с совершенной транспортной инфраструктурой и развитой системой логистики: доставка товаров из самых отдаленных горных деревень в большие города занимает всего 1–4 дня. Основным условием экономического развития является развитие инфраструктуры, такой как транспорт и связь [1, с. 16].

Сотрудничество двух стран в строительстве высокоскоростной железной дороги через Сибирь и Арктику является перспективным проектом. Образуются совместные логистические компании для создания арктической системы экспресс-доставки, чтобы можно было быстро обменивать продукты коренных народов Арктики, на продукты этнических меньшинств на севере Китая, и таким образом интегрироваться в экономический цикл мира. Географически смежные отношения обуславливают снижение логистических издержек и обеспечивают комфортное сотрудничество в процессе строительства транспортной инфраструктуры. Это преимущество, которого нет в других странах.

Арктический регион России обладает богатыми туристическими ресурсами. Жители Южного Китая любят путешествовать на север. Если у северных этнических меньшинств двух стран есть каналы туристического сотрудничества, то китайские туристы могут планировать путешествия на побережье Северного Ледовитого океана. Далее для развития туризма в арктическом регионе аборигенов необходима туристическая инфраструктура, такая как отели, клиники, рестораны, объединяющие несколько кухонь.

Важным направлением является китайско-российское сотрудничество в области использования биологических ресурсов северных малочисленных народов. Большую ценность представляют знания коренных малочисленных народов Арктики об эффективном применении продуктов фауны и флоры для поддержания здоровья в условиях холодного климата, сохранения тепла в организме, о заготовке продуктов питания из ценных пород северных рыб. Отдельной темой обсуждения являются заготовки оленины, лиофилизированных продуктов из ягод [2].

Китайские медицинские знания передавались тысячами лет. Они позволяют исследовать огромный скрытый потенциал арктических организмов. Эти исследования могут способствовать развитию многих медицинских товаров и товаров для здоровья при хронических заболеваниях, при ухудшении здоровья и старении. По сравнению с другими типами ресурсов, биологические ресурсы возобновляемы и должны иметь приоритет в устойчивом освоении Арктики. Россия — самая большая страна в мире, а Китай является страной с самой большой численностью населения в мире. Сотрудничество между Китаем и Россией в освоении биоресурсов Арктики способствует содействию модернизации традиционных знаний и привнести новые возможности в освоение Арктики [7].

В целях активизации сотрудничества северных малочисленных народов необходимы устойчивые контакты между Китаем и Россией. Эффективным инструментом для объединения северных малочисленных народов двух стран могут быть регулярно проводимые товарные выставки. Например, в 2013 году в Китае прошел пятый Всемирный конгресс оленеводов Китая. Его организаторы выразили готовность продолжить проведение подобных мероприятий. Соответствующие проекты вносят вклад в развитие коренных народов. Китай

будет создавать фонды для поддержки наращивания потенциала групп коренных народов Арктики [13].

В условиях глобализации неправительственные организации (НПО) коренных народов Арктики участвуют в управлении Арктикой. Они играли активную роль в защите прав аборигенного населения. В процессе разработки Декларации ООН о правах коренных народов Арктики НПО коренных народов активно участвовали в разработке и пересмотре проекта и решительно защищали права коренных народов [14].

В процессе участия в освоении Арктики национальные меньшинства северного Китая сотрудничают с сообществами коренных малочисленных народов Арктики России. Средства к существованию коренных народов, окружающая среда и защита традиционной культуры в поисках устойчивого развития — важнейшие векторы российско-китайского сотрудничества. Здесь китайские компании могут попытаться наладить отношения с аборигенами Арктики.

Механизмы совместного управления ресурсами в китайско-российском совместном предприятии разнообразны. Коренные народы имеют право участвовать в проектах, осуществляемых на их традиционных территориях, особенно в тех, которые связаны с добычей природных ресурсов, право на полученный доход. Международные правила не предлагают каких-либо гарантий участия коренных народов в распределении благ. Такое распределение должно быть «справедливым и равным». Китайские ученые указали на необходимость активизации исследований аборигенов Арктического региона, включая изучение общества, экономики, культуры коренных народов. [14].

Экономическое и культурное сотрудничество северных малочисленных народов между Китаем и Россией выгодно обеим странам. Из-за суровых климатических условий сокращается население не только северных малочисленных районов России, но и северных районов Китая год за годом. Только экономическое развитие может поддерживать стабильность и рост населения в северном регионе, а также способствовать устойчивому развитию Арктического региона.

Одним словом, экономическое и культурное сотрудничество между Китаем и северными малочисленными народами России имеют хорошую основу и перспективы устойчивого развития. Общее языковое происхождение, схожие обычаи и религиозные убеждения делают сотрудничество между северными меньшинствами двух стран более легким и продолжительным.

Список использованных источников и литературы

1. *Ло Ин*. Инвестиции китайских компаний в российскую арктическую зону: возможности и проблемы // Московский экономический журнал. — 2019. — № 3. — С. 16.
2. *Ло Ин, Дан Шэе*. Коренные народы Арктики в эпоху глобализации: взгляд из Китая. Языки и культуры: междисциплинарные исследования // Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования: Сб. ст. / Под ред. С. Ю. Рубцовой (отв. ред.), Е. К. Рохлиной. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2021. — 710 с.
3. Указ Президента Российской Федерации о Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/news/64274> (дата обращения: 14.11.2021).
4. *Ушницкий В. В.* Тунгусские роды Якутии XVII в.: вопросы происхождения и этнической принадлежности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — № 9. — С. 124–129.
5. *Luo Y, Lobanov A A, Hui F M, et al.* Traditional Arctic native fish storage methods and their role in the sustainable development of the Arctic. *Advances in Polar Science*. — 2021. — № 32 (2). — P. 161–171.
6. *Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Girya E. Yu., Basilyan A. E., Tumskoy V. E., Koulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Yu., Anisimov M. A.* The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glacial Maximum // *Science*. — 2004. — Vol. 303. — P. 52–6.

7. *Ying Luo, Li Yang, Lobanov A. A., Andronov S. V., Lobanova L. P.* Sino-Russian cooperation on the sustainable utilization of Arctic biological resources: modernizing traditional knowledge // *Advances in Polar Science*. — 2020. — Vol. 31. — № 3. — P. 224–235.
8. **崔明德**中国古代北方少数民族迁徙方向及特点[J].*中国边疆史地研究*2017, 27(03): 40–49+180 (*Цуй Минде*. Направление миграции и особенности этнических меньшинств в северном Китае в древние времена [J]. Исследования по истории и географии приграничных регионов Китая).
9. **于秀娟**鄂温克族鄂伦春族同源传说研究[J].*黑龙江民族丛刊*,2020(02):139–142.DOI:10.16415/j.cnki. 23–1021/c. 2020.02.023 (*Ю Сюэюань*. Исследование гомологичных легенд племени орокен, племени эвенки [J]. Этнический ряд Хэйлунцзяна).
10. **王宗昱**中国宗教的二元论或多元论[J].*中国本土宗教研究*, 2020,(00):10–19 *Ван Цзунъюй*. Дуализм или плюрализм в китайской религии [J]. Китайские Местные Религиоведческие исследования).
11. **王又一**国之北疆,车之要轮——论北方民族在中国历史中的影响力[J].*赤峰学院学报(汉文哲学社会科学版)*,2015,36(07):17–18.DOI:10.13398/j.cnki.issn1673–2596.2015.07.006 (*Ван Юйи*. Северный Синьцзян страны, ключевое колесо автомобиля — О влиянии северных народов на китайскую историю [J]. Журнал колледжа Чифэн (Издание по китайской философии и социальным наукам).
12. **阮建平,瞿琼**北极原住民:中国深度参与北极治理的路径选择[J].*河北学刊*,2019,39(06):201–206 (*Жуань Цзяньпин, Цюй Цюн*. Арктические аборигены: выбор Китаем пути для всестороннего участия в управлении Арктикой [J].Хэбэйский журнал).
13. **潘家祥** 北极治理中原住民非政府组织的地位和作用[D].*上海国际问题研究院*,2013 (*Пань Цзясян*. Статус и роль неправительственных организаций-резидентов в управлении Арктикой [D]. Шанхайский институт международных исследований).
14. **彭秋虹,陆俊元**.原住民权利与中国北极地缘经济参与[J].*世界地理研究*,2013,22(01):32–38 (*Пэн Цюхун и Лу Цзюньюань*. Права коренных народов и геоэкономическое участие Китая в Арктике [J]. Исследование мировой географии).

Михальченкова Наталья Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
n.mikhalchenkova@spbu.ru

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АРКТИКИ

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL PARTNERSHIP AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE ARCTIC

Аннотация. В статье проводится анализ современных вызовов и приоритетов государственной арктической политики, в которой автор обозначает основные направления научно-образовательного партнерства в решении задач выявления, сохранения и развития историко-культурного наследия Арктики.

Ключевые слова: арктическая политика, приоритеты, научное сотрудничество, кадровые проекты, консорциум «Мировое историко-культурное наследие Арктики», проекты партнерства в развитии историко-культурного наследия Арктики.

Abstract. The article analyzes the current challenges and priorities of the state Arctic policy in which the author identifies the main directions of scientific and educational partnership in solving the problems of identifying, preserving and developing the historical and cultural heritage of the Arctic.

Key words: arctic policy, priorities, scientific cooperation, personnel projects, consortium "World Historical and Cultural Heritage of the Arctic", partnership projects in the development of the historical and cultural heritage of the Arctic.

В настоящее время требуется серьезное осмысление потенциала научно-образовательного сотрудничества и партнерств, в которых участвует Российская Федерация в направлениях гуманитарного сотрудничества по направлениям научно-образовательного, социокультурного и общественно-профессионального сотрудничества в Арктике с учетом обозначенных Россией арктических приоритетов. Отдельным направлением данного осмысления и аудита позиций является актуализация задач по формированию и развитию культурно-исторического наследия Арктики в границах Арктической зоны РФ, а также в вопросах мирового историко-культурного наследия Арктики. Задача изучения, выявления, обоснования и определения статуса культурных объектов, включения существующих организационных, муниципальных и региональных объектов в национальное историко-культурное наследие Арктики является самостоятельным научным направлением и объектом кадрового обеспечения и планирования.

Богатое наследие Арктики (материальное и нематериальное) не имеет в настоящий момент официального статуса и не входит в перечень официально выявленных культурных исторических объектов РФ, и как мировое историко-культурное наследие находится в стадии формирования. Кооперация научных, образовательных, культурных, административных и финансовых ресурсов требуется как в отношении историко-культурного наследия АЗРФ (Арктической зоны РФ), так и в отношении российских активов в мировом историко-культурном наследии Арктики.

В последние годы сформированы международные и национальные органы, содействующие сетевой интеграции и объединению ресурсов и коллективов, стимулирующие научную кооперацию. В настоящее время задача аккумуляции данных и работа с ними в целях научного и кадрового планирования является приоритетной. В отношении культурно-исторического наследия Арктики данное направление на сегодняшний день актуализируется задачами цифровизации, инфраструктуры, вопросами правового статуса и учета объектов

ИКНА (историко-культурного наследия Арктики), объединения ресурсов университетов, научных организаций, предприятий, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав Арктической зоны, федеральных органов государственной власти, в том числе Министерства культуры Российской Федерации, Минобрнауки РФ, Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики РФ, общественных организаций и профессиональных структур, имеющих собственные и делегируемые полномочия в работе.

Возникает вопрос о комплексной постановке задач и координации проектной деятельности с учетом такой субъектности участников и кооперации в вопросах планирования и организации научно-образовательной деятельности.

В настоящем исследовании приводятся некоторые примеры и возможные перспективы научно-образовательного партнерства в отношении задач формирования мирового и национального историко-культурного наследия Арктики с учетом национальной и международной кооперации.

С начала 2000-х годов Арктика стала регионом все большего размера и значения в глобальном масштабе из-за распространения нарративов об изменении климата, недавно открытых нефтегазовых ресурсах и более коротких судоходных путях. Подобно любой пространственной единице, которая становится значимым регионом для остального мира, Арктика достигла этого пространственного обозначения благодаря «множеству практик, дискурсов, отношений и связей, которые могут иметь более широкое происхождение в пространстве и времени, но собраны и связаны исторически случайным образом в культурном, экономическом и политическом контексте и борьбе».

Институциональная форма Арктического региона за последние годы превратилась из более воображаемой в более реальную благодаря растущим полномочиям Арктического совета и более смелым внутрорегиональным нарративам. В то время как другие организации, такие как Организация Объединенных Наций и Международная морская организация по-прежнему влияют на институциональную форму Арктики, регулируя такие вопросы, как протяженность континентального шельфа и полярное судоходство, Арктический совет становится все более важным как официально оформленный межгосударственный орган. В 2012 году, например, под эгидой органа был подписан первый договор — Соглашение о поисково-спасательных операциях.

Тем не менее, среди арктических государств сохраняется опасение, что организация уязвима для конкурирующих региональных дискурсов, которые могут быть формализованы в виде региональных институтов. Когда внерегиональные нарративы определяют такой регион, как Арктика, как глобальное достояние, это подрывает важность классического территориального разделения государства. Следовательно, внутрорегиональные государства подозревают угрозы своему суверенитету и своему контролю над доминирующим большим региональным нарративом.

К примеру, Китай получил статус наблюдателя в Арктическом совете, что свидетельствует о его растущей легитимности в качестве регионального игрока с точки зрения восьми стран, территория которых находится к северу от Полярного круга. Тем не менее, поскольку Китай остается внерегиональным государством без территории в Арктике, китайские официальные лица продолжают укреплять легитимность своего государства как заинтересованной стороны в Арктике с помощью двух пространственно-несовместимых, но взаимодополняющих крупных региональных нарративов. С одной стороны, китайские официальные лица признают значимость территории и присутствия в Арктике, подчеркивая «околоарктическое» расположение своей страны и полярные научные экспедиции.

Отметим важный момент для отношений между арктическими и неарктическими государствами. В мае 2013 года Арктический совет одобрил заявки Китая, Южной Кореи, Японии, Сингапура, Индии и Италии на получение статуса наблюдателя [2] путем фактических полномочий, в основном позволяющих присутствовать на заседаниях и предлагать проекты. Принятие арктическими государствами пяти азиатских стран в свой территориально-ограниченный клуб демонстрирует растущую открытость Совета для участия неарктических

государств в его составе [3]. Тем не менее, значительные различия между странами, более заикленными на важности обладания территорией в Арктике, а именно, Россией и Канадой, а также странами, более восприимчивыми к внешнему вмешательству (странами Северной Европы и в меньшей степени Соединенными Штатами), сохраняются в отношении направления движения Арктического совета.

Китай выстраивает два пространственно-несовместимых, но в конечном итоге взаимодополняющих нарратива, чтобы завоевать легитимность в качестве региональной заинтересованной стороны в отношениях с государствами как внутри, так и за пределами Арктики. В более территориальном нарративе страны китайские официальные лица признают сохраняющуюся значимость территории на циркумполярном Севере и обращают внимание на относительно северные широты страны, близость к природным ресурсам Арктики и уязвимость к изменению климата, которые ученые Китая исследуют с помощью финансируемых государством экспедиций. В более глобалистском повествовании китайские официальные лица представили видение Арктики как морского, глобального достояния, где изменение климата имеет экологические последствия для всей планеты. Китай также поощряет создание глобальной полярной культуры, чтобы оправдать свое участие в Арктике, признавая ее для международного сообщества, членом которого является Китай [1]. В совокупности эти нарративы служат укреплению внутренней полярной идентичности страны и ее глобальной идентичности как ответственного, экологически сознательного и готового к сотрудничеству государства.

Выстраивание партнерств в развитии научных знаний по вопросу сохранения и развития историко-культурного наследия Арктики особенно актуально для разработки политики в условиях неопределенности. Эти неопределенности, возникающие на границе между человеком и природой, дополнительно усугубляются геополитическими и конъюнктурными представлениями великих держав. Поскольку Арктика страдает от растущей неопределенности, было высказано предположение, что научное сотрудничество и производство знаний могут играть важную стабилизирующую роль.

Комплексное решение проблем Арктики и задач формирования и развития историко-культурного наследия требует кластеризации сетевых партнерств, объединения ресурсов научных, образовательных, общественных организаций, учреждений культуры и государственных структур, разных отраслевых органов регионального, федерального и международного уровней в единый центр компетенций и координации по управлению многоуровневой интеграцией, аудита потенциалов внутри вузов, регионов (межвузовскую, межрегиональную, межстрановую). Представляется необходимым условием формирования партнерств в вопросах историко-культурного наследия Арктики решение конкретных задач по направлениям исследований о выполненных и выполняемых исследованиях в области историко-культурного наследия Арктики и ключевых изданиях с учетом изменений системы оценки эффективности научной деятельности в новых геополитических обстоятельствах, учета и анализа данных разного уровня в области историко-культурного наследия Арктики, исполняемых общественных инициатив, в том числе результатов культурного волонтерства, рассмотрения вопроса об историко-культурном наследии Арктики как объекте образования, науки, культуры, экономики и туризма и аспектов правового статуса.

Список использованных источников и литературы

1. *Conley H. A.* China's Arctic Dream. Center for Strategic & International Studies// A Report of the CSIS Europe Program, 2018 [online]. Available from: <https://www.csis.org/analysis/chinas-arctic-dream> (accessed 12.04.2022)
2. *Grove K. J.* 'Insuring "Our Common Future?" Dangerous Climate Change and the Biopolitics of Environmental Security' // *Geopolitics*. — 2010. — No. 15/3. — P. 536–563.
3. *Steinberg P. E., Dodds K.* The Arctic Council after Kiruna // *Polar Record*. — 2015. — No. 51/1. — P. 108–110.

Харлампьева Надежда Климовна

Санкт-Петербургский государственный университет

n.kharlampieva@spbu.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АРКТИКИ

INTERCULTURAL AND SOCIOLINGUISTIC COMMUNICATION AS THE OBJECT OF CRITICAL ARCTIC STUDY

Аннотация. В статье представлен обзор последних достижений представителей общественных и гуманитарных наук, касающихся межкультурного и социолингвистического пространства Арктики. С помощью применения мирополитического подхода (местной практики, регионального положения и основ глобальной политики) представлена местная практика межвузовского сотрудничества СПбГУ и АГИКИ, результаты регионального взаимодействия исследователей Университета Лапландии (Финляндия). В результате обзора автор предлагает: а) обратить внимание на философские и теоретические основы изучения опыта на примере северян; б) обогатить концепцию повседневной жизни примерами социокультурных инноваций городов Арктики; в) местные интернациональные практики рассмотреть в качестве конструирования знаний об Арктике.

Ключевые слова: межкультурное и социолингвистическое пространство Арктики, опыт северян; знание, критические исследования Арктики.

Abstract. The article provides an overview of the latest achievements of representatives of social sciences and humanities relating to the intercultural and sociolinguistic space of the Arctic experience of northerners; space of knowledge, art and cultures of the Arctic; critical Arctic studies; intercultural and socio-linguistic interactions. Through the application of the world-political approach (local practice, regional situation and global policy framework), the local practice of inter-university cooperation between St Petersburg University and AGIKI, the results of regional cooperation between researchers of the University of Lapland (Finland) are presented.

As a result of the review, the author proposes: a) to pay attention to the philosophical and theoretical foundations of the study of experience on the example of northerners; b) enrich the concept of everyday life with examples of socio-cultural innovations of Arctic cities; c) consider local international practices as a construct of knowledge about the Arctic.

Key words: intercultural and sociolinguistic space of the Arctic, the experience of northerners; knowledge, critical studies of the Arctic.

Научно-исследовательское пространство Арктики межкультурной и социокультурной коммуникации предлагается рассматривать с помощью применения мирополитического подхода [7]. Данный подход помогает выявить местную практику и региональное положение состояния изученности темы в глобальной среде знания. Международное пространство знаний об Арктике в пределах общепризнанных границ Программы оценки окружающей среды (АМАП, 1989), схемы языковых групп — границы языка и культуры, а также водно-ресурсной границы Российской Арктики — Арктической зоны Российской Федерации [2] принимается как территория, где производится знание о Севере и Арктике для внешнего мира. Карты-схемы в прикладных науках стоит принимать условно в связи с их постоянным уточнением.

С конца 80-х годов XX столетия современная среда международной Арктики формировалась на основе многосторонних и двусторонних договоров и соглашений. Кроме межгосударственных отношений сложилось сотрудничество между общественными объединениями. Приграничные взаимодействия способствовали росту интереса к желанию узнать истоки родственных языков и культур среди молодежи.

Согласно схеме языковых групп социокультурная среда представителей девяти языковых семей Арктики: на-дене (атабаски, ейак, тлингит, хайда), пенутан, макро-алголкиан (алгонкиан, вакаша, салис), макро-сиокс (сиокс, игориос), инлоевропейские (немецкое семейство), эскимоско-алеутские (инуит, юпик, алеут), уральско-юкагирское (финно-угорское, самодийское, юкагирское), алтайские (тюркское, монгольское, тунгусо-маньчжурское), чукотско-камчатское (кеты, нивхи, айны) — объединена деятельностью Секретариата коренных народов государств-членов Арктического Совета. Общественная значимость социокультурной коммуникации интересна не только для изучения международно-управленческой практики собственно самих коренных народов, но представляется необходимым условием для ведения экономической деятельности на территориях, богатых природными ресурсами и биологическим разнообразием. Экономическое поведение коренных народов Арктики диктуется культурой ведения хозяйственной деятельности (охота, оленеводство, рыболовство, кочевой образ жизни). Это означает, что межкультурная коммуникация тесно связана с культурой ведения традиционного образа жизни в условиях Крайнего Севера.

В этой статье представлен обзор: а) местной инициативы по популяризации культуры и искусства Арктики; б) международной региональной практики по поиску нового жанра искусства и роли языка; в) теоретических основ арктической тематики в общественных науках.

Межкультурная коммуникация как новая тема популяризации культуры и искусств Арктики

Популяризация темы культуры и искусств народов Арктики началась вокруг идеи издания научно-популярного журнала «Культура и искусство Арктики» на русском и английском языках [3, 4]. Инициатива федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Арктический институт культуры и искусств» (АГИКИ) объединила преподавателей кафедры мировой политики, международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, которые обозначили актуальность межкультурной коммуникации в Арктике [1, 6]. Материалы, представляемые авторами, созвучны названиям восьми кафедр Арктического государственного института культур и искусств — искусствоведение, музыкальное искусство, театральное искусство, социально-культурная деятельность и менеджмент культуры, живопись и графика, библиотечно-информационная деятельность и гуманитарные дисциплины, дизайн и декоративно-прикладное искусство народов Арктики, информационные технологии. Встреча авторов журнала с участниками секции «Нематериальное наследие» V Санкт-Петербургского Международного культурного форума показала востребованность темы и возможность распространения опыта межвузовской практики по арктической тематике в целом и по межкультурной коммуникации в частности. В ходе подготовки номеров выяснилась заинтересованность представителей коренных народов Арктики, сотрудников музеев и библиотек, национальных культурных центров, научно-исследовательских институтов. Их больше привлекал международный характер темы, современный способ подачи материалов и создание новых условий для узнаваемости результатов их краеведческо-исследовательской деятельности. Благодаря включенности преподавателей и студентов тема «Межкультурная коммуникация» имеет возможность закрепить северный/арктический опыт и практики в образовательных программах по специальностям «Международные отношения», «Культурология» и «Природопользование и экология».

Социолингвистическое пространство Арктики

Особенность переводческой работы с языка коренных народов и русского языка на английский язык во время работы над подготовкой журнала «Культура и искусство Арк-

тики» вызвала интерес филологов и лингвистов СПбГУ [13]. Вопросы современного социолингвистического пространства Арктики стали обсуждаться на площадке факультета иностранных языков СПбГУ в связи с заинтересованностью Секретариата коренных народов Арктического совета и Международного объединения губернаторов «Северный Форум». На секции «Социолингвистическое пространство народов Арктики» впервые были представлены результаты российско-японского сотрудничества, межвузовских инициатив, национальных центров средств массовой информации Арктики, практики Секретариата народов стран Арктического совета и др. Были поддержаны предложения о расширении присутствия в работе секции филологов и лингвистов для обсуждения таких вопросов, как изучение методов социолингвистики, языковой политики, языковых контактов, проблем двуязычия и многоязычия в условиях современной действительности, проблем исчезающих языков, сохранения вымирающих языков коренных народов, а также разработки методики описания «языковой биографии» народов.

Социолингвистические интерпретации, посвященные языкам народов Арктики, были также инициированы молодыми учеными. Так, на семинаре «Артикуляция культуры коренных народов» прозвучали мнения о противоречивом положении языка айнов в Японии, об улучшении национальных медиаресурсов с целью сохранения языков коренных народов, населяющих арктические территории Якутии и др. [8]. Вопросы влияния английского языка на формирование терминологий по арктической тематике, роли государственных и родных языков в научно-исследовательской деятельности были подняты на семинаре «Language Hegemony in Arctic Research (Языковая гегемония в арктических исследованиях)». Эти факты подтвердили не только становление нового поколения исследователей, но и необходимость изменения содержания образовательных и научно-исследовательских программ.

Теоретические основы опыта северян в общественных науках

В условиях разделения людей на представителей материального (потребительского) и духовного (интеллектуального) мира намечается интерес к индивидуальному и коллективному самопознанию.

На международном региональном уровне исследователей Арктики культура и язык рассматривается через парадигму нового материализма и критических исследований Арктики, в том числе М. Хухмарниemi и Т. Йокела предлагают открыть дискуссию о концепции поиска нового жанра искусства Арктики [10]. Изучение отдельных направлений развития арктической культуры в Норвегии, Финляндии, Канаде и России позволяет авторам отметить еще раз важность ландшафта Севера и Арктики. Северные города и северяне составляют среду поиска нового жанра культуры, интегрированную в общую концепцию экокультуры. В рамках концепции «Новый жанр искусства Арктики» обсуждается искусство, дизайн и работа народных мастеров (в российской литературе известно как народно-прикладное искусство). Интересен тот факт, что авторы предлагают ручные работы мастеров ввести в список материальной культуры [11], рассматривая их как вклад северян в становление нового материализма. Кроме того, искусство Арктики предлагается разделить на искусство коренного и некоренного населения [12]. Тем самым уточняется узнаваемость Севера и Арктики для внешнего мира от его жителей. Возможно, в этом контексте арктический туризм [5] как популярная отрасль северной экономики и экологического туризма обогатит концепцию экокультуры.

В Объединении представителей общественных наук «Критические исследования Арктики» считают, что критическое суждение как неотъемлемая и необходимая часть научной и образовательной деятельности любого университета всегда существовала и требует современного осмысления. Поиск и согласование концептуальных и теоретических идей обсуждаются в рамках социологического конструктивизма с учетом интересов северного сообщества и привлекательных результатов практики и опыта. Это означает, что внимание будет обращено на особенности меняющихся ценностей человека, отношения к природной

среде, нормам поведения в естественной среде обитания, обсуждению основ символической власти [9], нацеленных на самоорганизацию и самосохранение в современных условиях многоаспектного процесса принятия решений, в том числе с помощью цифровых технологий. О первом заседании группы и молодых исследователей упомянуто в части, касающейся социолингвистического пространства Арктики — семинаре «Языковая гегемония в арктических исследованиях» = Language Hegemony in Arctic Research.

Таким образом, результаты обзора с помощью применения мирополитического подхода (местной практики, регионального положения, глобальной среды знаний об Арктике) показывают становление направлений межкультурная и социолингвистическая коммуникация Арктики по состоянию на 2022 год в гуманитарных и общественных дисциплинах. Для научно-методической разработки образовательных программ предлагается включиться в обсуждение: а) философских и теоретических основ опыта северян на основе размышлений Фуко и его современной интерпретации [14]; б) обоснования теории критических исследований Арктики за счет взаимообогащающейся региональной практики повседневной жизни [15]; в) местных межкультурных и социолингвистических практик, формирующих пространство знания об Арктике.

Стоит констатировать тот факт, что Арктика стала не только территорией производства знаний по многим направлениям наук, но и местом, куда тянутся молодые люди для получения качественного образования, многие из них выбирают ее местом комфортного проживания в интернациональной среде. Потому назрела необходимость в объединении усилий преподавателей и исследователей в выработке совместных научно-методических разработок для уточнения общих компетенций по арктической тематике.

Список использованных источников и литературы

1. Боголюбова Н. М. Фестивальная палитра Арктики // Международное научное сотрудничество в Арктике. Под ред. Н. К. Харлампьевой. — СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2017. — С. 67–71.
2. Иванов В. В. Проблемы восстановления и развития системы гидрометеорологических наблюдений в устьевых областях рек Арктической зоны как основы государственного мониторинга этих поверхностных водных объектов | В. В. Иванов, М. В. Третьяков // Общество. Среда. Развитие. — 2015. — № 4. — С. 151–160.
3. Игнатьева С. С. Роль и место журнала «Культура и искусство Арктики /Arctic Art&Culture» в стратегии устойчивого развития Арктики / С. С. Игнатьева, Н. К. Харлампьева // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: Сб. матер. Культурного форума регионов России (Якутск — Москва, 25 сентября 2015 года); под ред. О. Н. Астафьевой, О. В. Коротеевой. — М.: ИП Лядов К. В, 2015. — С. 483–487.
4. Игнатьева С., Боголюбова Н., Кузнецова А. [и др.]. Санкт-Петербургский государственный университет и Арктический государственный институт культуры и искусств: опыт и перспективы сотрудничества по межкультурной коммуникации и туризму в Арктике / С. Игнатьева, Н. Боголюбова, А. Кузнецова, А. Матвеевская, Ю. Николаева, Н. Харлампьева, Е. Осадчая // Вестн. АГИКИ. — 2020. — № 11(1). — С. 35–38.
5. Матвеевская А. С. Особенности организации экологического туризма в Арктике / А. С. Матвеевская, В. Л. Погодина // Международное научное сотрудничество в Арктике; под ред. Н. К. Харлампьевой. — СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2017. — С. 200–206.
6. Николаева Ю. В. Арктические зимние игры и их роль в региональном культурном сотрудничестве // Международное научное сотрудничество в Арктике; под ред. Н. К. Харлампьевой. — СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2017. — С. 62–66.
7. Харлампьева Н. Методология исследования основ международного экономического сотрудничества в Арктике // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. — Сер. 6. Политология. Международные отношения. — 2016. — № 2. С. 97–109. doi: 10.21638/11701/spbu06.2016.209.
8. Allaiarov R., Kharlampieva N. International seminar ‘Articulations of indigenous culture 2021’ within the Russian-Japanese program ‘Sustainable development: environment, resource development, intercultural education’ //The Polar Journal 24 Mar 2021 [Электронный ресурс]. —URL:

<https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/2154896X.2021.1898768?journalCode=rpol20> (дата обращения: 14.04.2022).

9. *Bourdieu P.* Escape social et pouvoir symbolique // P. Bourdieu. Les Choises dites. — Paris: Editions de Minuit, 1987.
10. *Huhmarniemi M., Jokela T.* Arctic art and material culture: Northern knowledge and cultural resilience in the northernmost Europe // Arctic Yearbook, 2020. — P. 242–259.
11. *Huhmarniemi M., Jokela T.* 2020b. Arctic Arts with Pride: Discourses on Arctic Arts, Culture and Sustainability // *Sustainability* (Switzerland). — 2020. — № 12(2). — P. 1–21 [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.3390/su1202060> (дата обращения: 14.04.2022).
12. *Jokela T., Huhmarniemi M., Beer R., Soloviova A.* Mapping New Genre Arctic Art, 2021 [Электронный ресурс]. — URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2021/Scholarly-Papers/29_AY2021_Jokela.pdf (дата обращения: 14.04.2022).
13. *Kuznetsova A, Zhuravskaya K, Grigoriev I.* The bilingual scientific journal Arctic Art and Culture: proofreading, translation, and vocabulary // 2nd International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2020). — Bangkok, Thailand: DEStech Publications, Inc., 2020. — P. 279–286. ISBN: 978-1-60595-663-3. doi 10.12783/dtssehs/icpcs2020/33882.
14. *Lemke T.* 2011. Critique and Experience in Foucault // *Theory Culture&Society*. — SAGE, Los Angeles, London, New Delhi, and Singapore, 2021. — Vol. 28 (4). — P. 26–48.
15. *Tennberg M., Vuojala-Magga T., Vola J.* Social resilience in practice: insights from Finnish Lapland // *Acta Borealia*. — 2020. — Vol. 37. — Iss. 1–2. — P. 94–109.

Раздел III. Межкультурный диалог в оценках молодых исследователей

Абрамова Анастасия Станиславовна (Казахстан)

Санкт-Петербургский государственный университет
st065656@student.spbu.ru

РОЛЬ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

THE ROLE OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE EURASIAN INTEGRATION DEVELOPMENT

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в контексте влияния на евразийскую интеграцию. Автор выявляет факторы, оказывающие существенное влияние на процессы, способствующие и препятствующие кооперации в вопросах образования на евразийском пространстве, оценивает эффективность существующей на данный момент правовой базы.

Ключевые слова: российско-казахстанское сотрудничество, образовательная интеграция, культурное сотрудничество, Евразийский экономический союз, развитие евразийской идеи.

Abstract. The article discusses the issues of cooperation between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the context of the impact on Eurasian integration. The author identifies the factors that have a significant impact on the processes that promote and hinder cooperation in education in the Eurasian space, assesses the effectiveness of the currently existing legal framework.

Key words: Russian-Kazakh cooperation, educational integration, cultural cooperation, Eurasian Economic Union, development of the Eurasian idea.

Россия и Казахстан имеют не только общие границы, но и общее историческое прошлое, а также налаженные связи во многих сферах общественной жизни еще со времен присоединения территории современного Казахстана к Российской империи. О политических связях двух стран можно сказать, что с распадом СССР их пришлось заново устанавливать уже в новом формате, учитывая обретенную независимость бывшей постсоветской республики.

Полученный суверенитет стал двигателем разного рода социальных, политических и экономических реформ, но правительствам всех бывших республик СССР было понятно, что сотрудничество — это главный инструмент в поддержании стабильности в регионе.

Образование стало одним из приоритетных векторов совместной деятельности Российской Федерации и Республики Казахстан (РК). Таким образом, уже в 1994 году было подписано соглашение между РФ и РК, регламентирующее отношения двух стран в области науки, культуры и образования [10]. Позднее Россия и Казахстан подписали еще около десятка двухсторонних договоров в области сотрудничества по вопросам образования и культуры на разных уровнях взаимодействия. В первую очередь это указывает на то, что связи Казахстана и России в области образования с самого начала способствовали решению насущных проблем в научной сфере как в России, так и в Казахстане, а сама Российская

Федерация ставила своей целью содействие бывшим республикам СССР и, в частности, Республике Казахстан в области образования. Во-вторых, принятые документы говорят об изначально выбранной обеими странами стратегии основательного партнерства и продвижения интеграционных процессов, которые сначала реализовывались на пространстве СНГ, а затем в более узком, но и в более эффективном кругу стран-участниц ЕАЭС.

В 1996 году был подписан документ, направленный на поддержание именно интеграционных процессов в области высшего образования на территории СНГ [11, 13]. Все это послужило неким стартом, ознаменовавшим то, что Казахстан и Россия, будучи раньше одной страной, сейчас остаются союзниками и партнерами во всех сферах, особенно в области образовательной кооперации.

Позднее Российская Федерация и Республика Казахстан стали участницами Болонского процесса, в 2003 и в 2010 годах соответственно, что позволило достичь большей интеграции в сфере высшего образования, обоим странам пришлось стандартизировать свои образовательные программы, а следовательно, приблизить их друг к другу. Здесь стоит обратить внимание на то, что критики подвергают сомнению признание Россией и Казахстаном Болонской системы, так как в настоящем возможна потеря большого количества студентов, уезжающих из этих двух стран в Европу [8].

Но все это и по сей день не мешает созданию общих программ и инициатив. Так, Университет ШОС [14], созданный в 2008 году, и Сетевой университет стран СНГ [9], созданный в 2009 году, стали одними из успешных региональных инициатив, реализованных при участии России и Казахстана. Сетевой университет СНГ работает в формате консорциума и был создан для реализации программ по улучшению качества высшего образования на пространстве СНГ [1].

Еще одним значимым событием стало создание по инициативе первого Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева еще в 2001 году Казахстанского филиала МГУ им. М. В. Ломоносова [4]. Филиал работает уже 21 год, представляя собой полноценную часть МГУ им. М. В. Ломоносова, но по договоренности сторон обучение там происходит за счет средств Республики Казахстан. Это предполагает сразу две особенности: невозможность студентов перевестись в центральное подразделение и обязательное трудоустройство в случае обучения за средства РК на определенный срок равный сроку отработки после окончания любого университета Казахстана (в зависимости от специализации и формата обучения).

Данные нюансы зачастую выглядят не всегда привлекательными для желающих получить российское образование. Но следует признать, что конкурс на обучение и уровень реализации 5 программ подготовки (математика, экономика, филология, география и вычислительная кибернетика) в филиале достаточно высок, а значит, доступность качественного высшего образования восполняет нехватку квалифицированных кадров в республике.

Стоит отметить и реализацию соглашения, подписанного в 2009 году государствами-членами еще Евразийского экономического сообщества [12], в рамках которого документы об образовании признаются теперь на многосторонней основе всеми странами-участницами соглашения, что в значительной степени способствует интеграции в области образования. Несмотря на то, что интеграция, совместные проекты и популяризация высшего образования — важная задача всех стран СНГ, сейчас в Казахстане остро стоит вопрос оттока абитуриентов за границу (как в РФ, так и в другие страны), что приводит к обеспокоенности властей республики и уже на уровне межгосударственных отношений — к препятствованию реализации интеграционных процессов в сфере высшего образования.

Таким примером выступает принятие концепции полиязычного образования, при которой преподавание дисциплин, начиная уже со школы, планируется сразу на трех языках (русском, казахском и английском). Начинание на первый взгляд выглядит довольно успешным, но данная программа подразумевает изучение дисциплин естественно-научного цикла в старшей школе и университете только на английском языке, что, по мнению авторов проекта, упростит переход казахского языка на латинский алфавит [2] и будет помогать решать

глобализационные проблемы, а фактически может привести к проблемам более серьезным, таким как, например, неувоение нового материала из-за разного уровня владения языками, неспособность восполнить пробелы в обучении на казахском языке. Дальнейшая же судьба русского языка в Казахстане на фоне следующего за этим уменьшения часов преподавания становится довольно бесперспективной, также сокращается использование русского языка в государственных органах и таким образом происходит постепенное вытеснение его из всех сфер жизни [6].

Следует отметить еще один момент, который может указывать на то, что власти Казахстана не до конца полагаются на российскую сторону в вопросах продвижения интеграционных процессов в сфере образования: так, в 2016 году Казахстан отказался подписывать Меморандум стран ЕАЭС о сотрудничестве в научно-технологической и образовательной сферах, тем самым показывая свою независимость даже в рамках общности целей [15].

Действительно, можно утверждать, что несмотря на вышесказанное, процесс слияния сил в вопросах образования на евразийском пространстве идет преимущественно успешно, что подтверждает работа, как уже упоминалось, и Сетевого университета СНГ, и Университета ШОС, который используется в качестве инструмента по созданию единого образовательного пространства странами-участницами ШОС, а также на основании договоренностей между отдельными вузами обеих стран.

Так или иначе это не отменяет того факта, что в Республике Казахстан большая часть молодежи предпочитает выбирать именно российские вузы в качестве площадки для продолжения образования, а значит вызывает противоречивую реакцию Правительства Республики Казахстан. В общей сложности на территории Российской Федерации на 2021 год числилось около 74 000 казахстанцев [7]. Этому способствуют внутренние проблемы Казахстана в сфере образования, например, в России магистратура считается продолжением высшего образования, в то время как в Казахстане — это программа послевузовской подготовки. Российская же сторона использует разные методы по привлечению иностранных абитуриентов. Такими вопросами занимается Россотрудничество при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и сами вузы России.

Углубляясь в проблематику вопроса, нужно отметить, что на практике существует некий незаконченный переход от незаинтересованности в укреплении интеграционных связей странами-участницами Содружества Независимых Государств по всем аспектам взаимодействия (на фоне проживания собственного нацистроительства после распада СССР) к отказу о включении образовательных вопросов в Договор о ЕАЭС [3]. Первое уже сегодня привело к несостоятельности работы международной организации, когда эффективно продолжают работать только отдельные программы, а второе — к отсутствию системного подхода в вопросах уменьшения кадровой нехватки на территории ЕАЭС.

Последнее устраняется лишь с помощью Евразийской ассоциации университетов (ЕАУ), которая работает еще с 1989 года, где в рамках Совета ЕАУ в 2016 году был подписан Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета [5]. Ведь интеграционная деятельность на евразийском пространстве подразумевает под собой не только экономическое сотрудничество, но и консолидацию в вопросах подготовки квалифицированных работников, делая акцент на повышении ценности человеческих ресурсов.

Таким образом, рассмотрев данные факторы, мы приходим к выводу, что главными задачами сегодня для устранения препятствий в укреплении евразийской интеграции можно считать работу над преодолением непонимания казахстанскими властями причин привлечения молодежи РК в ВУЗы РФ, транспарентные действия по разъяснению важности интеграционных образовательных объединений в евразийском поле и исключение только нормотворческих действий, не переходящих к практическому решению вопроса. Так, хорошей перспективой для мобилизации сил в деятельности институтов интеграции было бы придание Евразийскому сетевому университету межгосударственного статуса.

Безусловная открытость и институциональная деятельность со стороны России должны привести к разрешению своего рода конфликта интересов с казахстанской стороной, а значит способствовать вовлечению всех государств-членов ЕАЭС в равной степени в развитие взаимовыгодного сотрудничества в регионе.

Проанализировав правовую базу сотрудничества РК и РФ в сфере образования, можно заключить, что она способствует сотрудничеству двух стран и позволяет успешно реализовать множество проектов на уровне университетов и других вузов.

Список использованных источников и литературы

1. Боголюбова Н. М. Образовательные связи на постсоветском пространстве: от интеграции в рамках СНГ к евразийской образовательной интеграции / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева // Международный научно-аналитический журнал Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. — 2018. — № 3. — С. 65–87.
2. Государственная программа развития образования и науки Республики Казахстан на 2020–2025 годы. Раздел 1. Паспорт Программы // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Договор о Евразийском экономическом союзе 3 октября 2014 г. Астана // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/420205962> (дата обращения: 01.04.2022).
4. Казахстанский филиал МГУ. Официальный сайт Казахстанского филиала МГУ [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.msu.kz/> (дата обращения: 21.03.2022).
5. Нарышкин: создание сетевого университета ЕАЭС может оказать содействие решению ряда задач 12.04.2016 // Официальный сайт информационного агентства ТАСС [Электронный ресурс]. — URL: <https://inlnk.ru/Qw53YB> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Новосёлов Д. А. Переход Казахстана на латиницу как опасность для «мягкой силы» России / Д. А. Новосёлов, А. В. Кротов // Псковский регионологический журнал. — 2018. — № 1. — С. 3–9.
7. Посольство Республики Казахстан о студентах, находящихся в России // Официальный сайт Посольства Республики Казахстан в РФ. (2021). [Электронный ресурс]. — URL: <https://kazembassy.ru/rus/studenty/vuzy/> (дата обращения: 09.04.2022).
8. Савичев Ю. Н. Россия и Казахстан: сотрудничество в сфере высшего образования // Современная наука. — 2015. — № 2. — С. 26–29.
9. Сетевой университет СНГ // Официальный сайт СНГ [Электронный ресурс]. — URL: <https://e-cis.info/cooperation/3063/78389/> (дата обращения: 30.03.2022).
10. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве в области культуры, науки и образования от 28 марта 1994 г. Москва // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901730135> (дата обращения: 01.04.2022).
11. Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств от 17.01.1997 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902057> (дата обращения: 02.04.2022).
12. Соглашение о сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического сообщества в области образования от 11 декабря 2009 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. — URL: docs.cntd.ru/document/902312974 (дата обращения: 01.04.2022).
13. О поддержке Российской Федерацией интеграционных процессов в области образования в Содружестве Независимых Государств: Указ Президента РФ № 902 от 13.06.1996 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/9018768> (дата обращения: 01.04.2022).
14. Университет Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Университета ШОС [Электронный ресурс]. — URL: <http://uni-sco.ru/> (дата обращения: 30.03.2022).
15. Юн С. М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. — 2017. — № 50. — С. 89–92.

Бирюков Никита Валерьевич

Санкт-Петербургский государственный университет
st097245@student.spbu.ru

ЯПОНСКАЯ МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

JAPANESE MASS CULTURE AS A TOOL OF CULTURAL DIPLOMACY AND PECULIARITIES OF ITS PERCEPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В данной статье анализируются основные аспекты японской культурной дипломатии через призму массовой культуры. Автор выявляет ключевые способы улучшения имиджа Японии, а также анализирует реакцию, которую японская культура вызывает в России.

Ключевые слова: Япония, Россия, культурная дипломатия, восприятие.

Abstract. This article analyzes the main aspects of Japanese cultural diplomacy in Japan through the prism of mass culture. The author identifies the key ways to enhance the image of the Japanese state, and also analyzes the reaction that Japanese culture causes in Russia.

Key words: Japan, Russia, cultural diplomacy, perception.

Несмотря на то, что определение «культурная дипломатия» возникло в первой половине XX столетия, на самом деле этот вид деятельности человека уходит своими корнями в глубокое прошлое. Путешественники-исследователи, послы, а также торговцы и вообще любой человек, который взаимодействует с различными культурами (в настоящее время или в прошлом), способствовал культурному обмену в различных областях жизни, будь то культура, искусство, спорт, литература, музыка, наука, бизнес и экономика [12].

В настоящее время культурная дипломатия относится к сфере «мягкой силы», понятия, введенного Джозефом Наем в 1990 году. По его мнению, политика должна опираться не только на военную силу, но и использовать «симпатии» для достижения различных целей во внешней политике.

Япония входит в число тех стран, которые в настоящий момент все больше внимания уделяют культурной дипломатии как инструменту для формирования надлежащего образа своего государства на внешнеполитической арене. В Японии под культурной дипломатией подразумевается вид особой работы информационно-разъяснительного характера, которую должно проводить Министерство иностранных дел [11].

Сама культурная дипломатия должна быть направлена на развитие положительного отношения и доверия как у официальных представителей других государств, так и у обычных граждан. Важность культурной дипломатии неоднократно подчеркивается Министерством иностранных дел Японии, поскольку для этой страны необходимо создать целый пласт «прояпонски настроенных групп людей в будущем». Для этого используется обширный перечень различных средств. Всевозможные «культурные проекты дипломатических миссий за рубежом» знакомят всех желающих с широким спектром японской культуры [5].

Министерство иностранных дел также реализует «Программу японского бренда» для продвижения различных аспектов, связанных с Японией. Например, различные мероприятия, направленные на слияние традиций с современностью, а также новейшие технологии, которые демонстрируют различные специалисты, командированные из Японии [1].

Однако постепенно фокус смещается, и одним из самых ярких аспектов культурной дипломатии Японии является массовая культура в дополнение к традиционным видам искусства, таким как театр кабуки, икебана и различные чайные церемонии [10]. По заявлениям экспертов, именно массовая культура является наиболее коротким путем к возникновению интереса в японской истории и культуры традиционной.

В японском обществе уже давно господствует мысль о том, что вершины культурного лидерства стоит достигать не через пропаганду своей элитарной традиционной культуры, которая достаточно сложна для полного восприятия, а через развитие массовой. Это объясняется как тем, что общество по большей части склонно к потреблению, так и бурным развитием всевозможных технологий [3]. Помимо этого, японские эксперты стоят на позиции того, что реальные культурные обмены требуют включения в процесс всех категорий граждан из иностранных государств, поэтому не стоит ограничиваться исключительно театром кабуки и лекциями для неапонской аудитории.

Для реализации всего потенциала массовой культуры Японии используется обширное количество специальных проектов, наиболее яркий из которых носит название Cool Japan. Он в первую очередь направлен на молодое население зарубежных стран, поскольку именно молодежь считается наименее консервативной и одновременно самой динамичной частью общества [9]. База для данного проекта состоит из целого ряда организаций и платформ. Наиболее важной из них является Японский фонд (Japan Foundation), который имеет 25 зарубежных отделений в 24 странах мира. Его деятельность обеспечивается значительными денежными средствами, которые выделяются для данной программы. Также отмечается возможность привлекать значительные силы для реализации данной стратегии, например, актеров и других представителей творческих профессий, причем не только из молодежной среды, но и профессиональных деятелей искусства, которые обладают богатым опытом [7].

Из наиболее масштабных проектов, связанных с японской поп-культурой, можно выделить проект «Посол аниме», начатый в 2008 году с целью повышения интереса к Японии людей за рубежом с помощью мультипликации. В бюджете за этот же год прописано, что на популяризацию аниме и манги планируется потратить около 150 млн йен, в частности, на инвестиции в компании по лицензированию мультфильмов и сериалов.

Косплей (костюмированное перевоплощение в персонажа) используется Министерством иностранных дел для популяризации Японии в мире. На «Всемирном саммите косплея», крупнейшем ежегодном косплей-мероприятии в Японии, начиная с 2007 года представителями МИДа присуждается специальный приз.

Успехи культурной дипломатии заметны в том числе и на территории Российской Федерации. Так, в нашей стране Япония достаточно популярна в молодежной среде, многие знают героев из различных аниме и выпусков манги, а полнометражные японские мультфильмы в кинотеатрах собирают огромное количество зрителей. При этом основные методы реализации культурной дипломатии в отношении России мало отличаются от аналогичных в других странах. Среди основных направлений сотрудничества можно выделить молодежные (студенческие) обмены, персональные обмены, обмены в сфере художественной и концертно-гастрольной деятельности.

Несмотря на то, что первые контакты России и Японии были зафиксированы еще в XVII веке, полноценное знакомство граждан нашей страны с Японской массовой культурой случилось только в период перестройки (1985–1991), когда Россия переживала так называемый видеобум. Однако более обширный приток произведений массовой культуры Японии пришелся на середину 1990-х годов, когда манга и аниме стали поступать в Россию через Интернет.

Достаточно ярким сигналом о том, что японская культура заняла свое место в сознании многих россиян, стало появление осенью 1996 года полноценного клуба поклонников аниме и манги под названием РАНМА. Клуб поставил своей целью внедрить их элементы японской массовой культуры в сферу интересов россиян и сделать их повседневным развлечением, а не малопонятной экзотикой.

Стоит отметить, что тогда увлечение японской мультипликацией и комиксами носило скорее элитарный характер. Это объясняется тем, что, во-первых, Интернет был доступен сравнительно малому количеству людей. Поступающий материал был на английском или японском языках, что требовало знания этих языков. Более того, несмотря на то, что в самой Японии данные сферы носили характер поп-культуры, в России это стало совершенно новым видом искусства, позволяя творческим молодым людям пробовать себя в абсолютно новой сфере [4]. Японская популярная культура, представленная в первую очередь аниме и мангой, стала для российской молодежи одним из способов «найти себя» в то время, когда осуществлялся постепенный переход от культуры СССР к культуре нового формата, когда молодые люди пытались изучать современный культурный дискурс.

Постепенно аниме и манга перестали быть узконаправленной субкультурой и приобрели огромное количество поклонников в России. Если в самом начале своего становления так называемые «отаку» (так называют фанатов японской мультипликации и манги) могли стать объектами преследования за свои увлечения, то сейчас демонстрация интереса к японской поп-культуре не вызывает вопросов. Безусловно, остаются люди, которые негативно относятся к «японской экзотике». В качестве основных аргументов ими приводится нереалистичная рисовка, обильное количество так называемого «фансервиса» нередко эротического характера или наоборот, чрезмерное насилие на экране или странице манги.

Однако все эти суждения на практике оказываются довольно поверхностными. Безусловно, вышеописанные моменты действительно присутствуют, но подавляющее большинство японских произведений построены абсолютно на другом. Фанаты японской анимации заявляют, что в первую очередь их привлекает неоднозначность происходящего и демонстрация различных точек зрения на любую проблему. Это в корне отличается от западной мультипликации, которая ассоциируется в умах большинства зрителей как шаблонное произведение, где все делится на черное и белое [8]. Более того, значительная масса произведений имеет не фантастический и далекий от реальности сюжет, а вполне повседневные проблемы, с которыми разбираются главные герои.

Если же чуть подробнее углубиться в поиск причин популярности японской массовой культуры в России, то сразу можно выявить факт «возвышенного» представления наших граждан об этой стране. Далеко не все фанаты аниме и манги знают о таких проблемах, как быстрое старение нации, радикальная смена ценностей у молодых людей и большое количество самоубийств из-за отсутствия жизни вне работы.

Утопичное представление о стране, сформированное массовой культурой, во многом может проистекать из-за желания ориентироваться на страну с высоким уровнем социального консерватизма и при этом высоким уровнем жизни. Япония, в отличие от Соединенных Штатов, представляется в этом случае более удачным ориентиром, поскольку с этой страной у России не было долгого и ярко выраженного противостояния. Несмотря на неразрешенный «курильский вопрос», Страна восходящего солнца не ассоциируется у большинства людей с однозначной угрозой для безопасности России. К тому же, Россию и Японию в конце XX столетия роднил тот факт, что эти две страны были одними из немногих акторов на мировой арене, которые «догоняли» набирающую обороты модернизацию [6].

Также Япония для России может показаться более близкой в том плане, что структура японского общества во многом является достаточно жесткой, близкой к тоталитарной. В этих двух странах никогда не было традиций демократического индивидуализма. При этом, несмотря на то что их общество долгое время было построено на манер слаженного механизма, где каждый занимал определенное место и не мог покинуть его. Япония во многих сферах добилась впечатляющего успеха несмотря на разгромное поражение во Второй мировой войне [2]. В частности, многие россияне, пережившие проблемный период 1990-х годов, не могут не обращать внимания на высокий уровень развития японских технологий: популярные автомобили и бытовая техника окружают жителей России в повседневной жизни. Несомненно, этот аспект исторического развития Японии крайне важен при конструировании образа «идеальной» по их мнению страны.

При этом стоит обратить внимание на то, что несмотря на высокий уровень развития технологий, Япония сумела сохранить свою традиционную культуру практически в перво-зданном виде, что также является важным показателем для русского человека, поскольку преданность традициям является важной частью русского менталитета.

Таким образом, японская массовая культура постепенно становится главенствующим инструментом в культурной дипломатии, проводимой соответствующими структурами. Принимая во внимание значимость молодежи как актора культурных взаимоотношений, правительство Японии грамотно воздействует на молодое сознание, лишенное консерватизма и страха перед новой информацией.

Что касается культурного обмена с Россией, то восприятие японской массовой культуры в данной стране можно охарактеризовать следующим образом. Успешная политика японского правительства по распространению положительного имиджа своей страны смешалась с неподдельным интересом к совершенно новым и экзотическим вещам. В свою очередь, этот интерес связан с попытками обрести своеобразный ориентир, который будет сочетать в себе уникальную культуру, высокий уровень жизни и пронесенные через века традиции.

Однако все вышперечисленное нередко является плодом ошибочных стереотипов о стране, которую многие фанаты японской культуры знают исключительно по соответствующим произведениям культуры. Япония представляется им не в реалистичном свете, а в виде некоего сконструированного ими самими образа. При этом сами японцы не считают нужным скрывать собственные проблемы. Скорее, можно говорить о неготовности многих «отаку» разочаровываться в той стране, которая создает столь горячо любимые ими произведения.

Список использованных источников и литературы

1. Дубровина О. В. Основные направления культурной дипломатии современной Японии / О. В. Дубровина, О. Ю. Дубинина // Власть. — 2019. — № 4. — С. 234–242.
2. Жиренко Е. С. Причины популярности японской культуры в России [Электронный ресурс]. — URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/302/University_Reading/2009/XII/uch_2009_XII_00018.pdf (дата обращения: 03.04.2022).
3. Катасонова Е. Л. Япония: поп-дипломатия и поп-культура // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 2. — С. 56–63.
4. Катасонова Е. Л. Изучение современной японской культуры в России // Азия и Африка сегодня. — 2016. — № 2(703). — С. 66–72.
5. Куланов А. Е. Культурная дипломатия Японии // Япония: ежегодник. — 2007. — № 36. — С. 116–130.
6. Михайлова Ю. Д., Торчинов Е. А. Образы зашли в тупик: Аниме и манга в современной России // Виртуальная Япония. — 2012. — № 10 [Электронный ресурс]. — URL: <http://miuki.info/2012/10/anime-i-manga-v-rossii/> (дата обращения: 29.03.2022).
7. Япония — модель будущего для многих стран мира [Электронный ресурс]. — URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=868&Itemid=59 (дата обращения: 04.04.2022).
8. Японские комиксы манга в России: введение в проблематику чтения [Электронный ресурс]. — URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21799/ (дата обращения: 06.04.2022).
9. Cultural Diplomacy [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter3/c030402.html> (дата обращения: 25.10.2022).
10. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Pop-Culture Diplomacy [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/exchange/pop/index.html> (дата обращения: 23.03.2022).
11. Overview of Foreign Policy [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5664/contents.do (дата обращения: 30.10.2021).
12. What is Cultural Diplomacy? What is Soft Power? [Электронный ресурс]. — URL: https://www.culturaldiplomacy.org/index.php?en_culturaldiplomacy (дата обращения: 03.04.2022).

Бояршинова Полина Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет

polina729@gmail.com

НАРАЩИВАНИЕ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ В АРКТИКЕ КАК УГРОЗА КУЛЬТУРНОМУ И ПРИРОДНОМУ НАСЛЕДИЮ РЕГИОНА

MILITARY BUILDUP IN THE ARCTIC AS A THREAT TO THE CULTURAL AND NATURAL HERITAGE OF THE REGION

Аннотация. В статье проводится анализ базы существующих документов, в которых сформулированы цели и приоритеты арктических держав, а также предложен анализ программ военных учений в Арктическом регионе в период с 2019 по 2022 год. Автор обозначает угрозу наращивания военного присутствия в Арктике как противоречащую культурному и природному развитию региона.

Ключевые слова: Арктика, арктические державы, военное присутствие, культурное наследие, природное наследие, нормативно-правовая база

Abstract. The article analyzes the database of existing documents on the goals and priorities of the Arctic powers, as well as the analysis of military exercises programs in the Arctic region in the period from 2019 to 2022. The author identifies the threat of increasing military presence in the Arctic as contrary to the cultural and natural development of the region.

Key words: Arctic, Arctic powers, military buildup, cultural heritage, natural heritage, legal framework

Арктика — это регион Земли, включающий в себя Северный полюс и Северный Ледовитый океан, а также регион, примыкающий к Евразии и Северной Америке. UNCLOS (The United Nations Convention on the Law of the Sea) и его определение наличия суверенных прав государством впредь до границ экономической зоны указывает на то, что арктическими территориями обладают восемь государств [18]. Таким образом, Арктические государства — это РФ, США, Канада, Дания, Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия. Также важно отметить, что большая часть Арктических держав присутствует в крупных мировых военно-политических блоках, а именно в НАТО (США, Канада, Норвегия, Дания, Исландия) и AUKUS — Australia/UK/US (США).

Арктика является стратегическим регионом благодаря запасам полезных ископаемых. По подсчетам, там находится не менее 30 % мирового запаса алмазов и природного газа, 20 % никеля, 50 % апатита, 35 % ниобия, необходимого для производства ядерного топлива или же ускорителей в большой адронный коллайдер, до 15 % меди, 10 % нефти и кобальта (без учета месторождений в шельфе) и прочие полезные ископаемые [4].

Другой вопрос, вызывающий напряженность — это статус принадлежности хребта Ломоносова и хребта Менделеева. В работе «О палеогеновых отложениях хребта Ломоносова» [1] вышеуказанный хребет описывается как субмеридиональная горстовая структура, разделяющая Евразийский и Амеразийский суббассейны Северного Ледовитого океана, состоящий из палеогеновых отложений. Данный геологический состав говорит о научной практической важности хребта для Арктических держав. Именно поэтому принадлежность хребта оспаривают РФ, Дания, Канада [17].

Пересечение интересов крупных геополитических игроков в регионе, наполненность полезными ископаемыми, а также оспариваемая принадлежность нескольких отрезков суши делают Арктическую зону важнейшим регионом Земли, роль которого в международных отношениях постоянно растет.

Переходя к анализу нормативно-правовых баз Арктических держав, следует начать с РФ. В стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. выделена основная цель — это обеспечение реализации национальных интересов РФ [6].

В пункте 25 стратегии национальной безопасности РФ [7] указано несколько основных целей, а именно: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны; охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата; поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений. Несомненно, вопросы безопасности являются первостепенными в сравнении с вопросами охраны окружающей среды и сохранения природных ресурсов.

Важно отметить роль Арктики в Концепции внешней политики РФ от 2016 года, где в разделе IV, пункте 76 сказано, что «Россия будет твердо противодействовать любым попыткам привнести в Арктику элементы политики конфронтации и военного противостояния, политизировать международное взаимодействие в регионе в целом», потому что «Россия проводит линию, направленную на сохранение мира, стабильности и конструктивного международного сотрудничества в Арктике» [3].

Таким образом, внешнюю политику РФ в Арктике можно описать как сдерживающую, а проводимые в Арктике учения, например, учения Северного флота в январе 2022 года — превентивными [5].

Канадская арктическая политика изложена в «Основах арктической и северной политики» от 2019 года и включает в себя гуманитарные меры по поддержке коренных народов, а также планомерное экономическое развитие региона [8]. Если говорить о внешней политике Канады в Арктическом регионе, то следует обратить внимание на документ-заявление от 2017 года [16], где прописана стратегия обороны “Canada First”, в рамках которой «канадские вооруженные силы получают инструменты, необходимые для обеспечения расширенного присутствия в Арктике», а также «инвестирует в новые патрульные корабли, которые будут способны к длительной эксплуатации во льдах первого года, чтобы гарантировать, что мы сможем внимательно следить за нашими водами по мере их постепенного открытия и увеличения морской активности» [11]. Отдельно в стратегиях прописана готовность реакции на непредвиденные военные события для канадской стороны.

Также в стратегии “Canada First” [11] предусмотрено постепенное увеличение годового бюджета на военные нужды. Так, в отчетный период с 2007–2008 год бюджет составлял 18 млрд долларов, а к отчетному периоду с 2027–2028 года бюджет должен достичь 30 млрд долларов. Если продолжать разговор об увеличении военного бюджета Канады, то 10 апреля 2022 года либеральное правительство Канады представило проект нового бюджета страны [12], в котором идет речь о повышении трат на военные нужды, а также финансирование NORAD (North American Aerospace Defense Command) – канадско-американской воздушно-космической обороны Северной Америки. Данные изменения были форсированы возрастающим напряжением на мировой арене в свете текущего геополитического кризиса.

Продолжая риторику геополитического кризиса в Европе, Канада и США объявили о совместных военных учениях в Арктике [10]. В заявлении было сказано, что учения пройдут на территории Канадской Арктики, а также будут направлены на отработку маневров по отработке противодействия как ударов с воздуха, так и ударов с моря. Таким образом, можно предположить, что хоть заявлены как превентивные и оборонительные, в реальности дополнительно накаляют военно-политическую обстановку на Земле.

В Стратегии обороны США в Арктике от 2019 г. в основном фокусе находятся Россия и Китай, а также связанные с ними геополитические риски для США. Так, в Стратегии в пункте 3 раздела об интересах США указано, что «Арктика является потенциальным путем

для расширения конкуренции великих держав и агрессии, охватывающей два ключевых региона продолжающейся конкуренции», и что США ставит своей целью «ограничение способности Китая и России использовать регион в качестве коридора для конкуренции, которая продвигает их стратегические цели путем злонамеренного или принудительного поведения» [13].

Наличие статуса Арктической державы у РФ дает объяснение позиции США, а также их опасений, но какова роль КНР в Арктическом регионе, какова роль государства, не имеющего Арктический статус? КНР является приарктической державой, у которой есть геополитические интересы в регионе, начиная с инвестиций в российские энергетические проекты, к примеру «Ямал — СПГ», заканчивая наличием ледоколов Xuelong и Xuelong 2 [14, с. 47].

Примечательно, что последняя изданная национальная арктическая стратегия США от января 2021 г. называется “Regaining Arctic Dominance” [9], что переводится как «Восстанавливая господство в Арктике». Данная стратегия рассматривает американскую Арктику не только как регион со стратегическим запасом природных ресурсов, но и как уязвимое, место, которое может быть подвержено атаке.

Стоит отметить, что Арктическая стратегия США от 2021 г. отличается от стратегии 2019 г.: США меняют риторику, уходя от высказываний опасений о РФ и Китае в Арктике в сторону указания и даже определения вышеуказанных стран как склонных к проявлению агрессии в регионе. Риторика о возрождении доминирующего господства в Арктике США подчеркивает стремление к лидерству любой ценой.

Таким образом, на опасения военной угрозы в Арктике державы отвечают военными учениями. Учения стран альянса НАТО “Cold Response” [15], подкрепляют теорию парадокса безопасности. Складывающаяся геополитическая ситуация в Арктике не может не вызывать опасения, так как наращивание военного потенциала идет во всех арктических державах, а также и в странах, заинтересованных в участии в арктической политике, например КНР.

Военные учения в Арктическом регионе в ближайшие десятилетия, скорее Всего, будут менять форму и характер. Данное предположение рождается из динамики повышения температур в Арктическом регионе, например, в докладе Росгидромета об особенностях климата от 2021 г. [2, с. 43]. В Арктике лето 2020 г. зафиксировано как самое жаркое с начала периода наблюдений, а именно с 1951 г. Таким образом, повышение температур способствует постепенному уменьшению ледяного покрова в Северном Ледовитом океане, что с течением времени позволит менее оборудованным судам проходить по Арктической зоне. Увеличение транспортной пропускной способности повлияет на избыточный выброс CO₂, что негативно повлияет на окружающую среду региона, а также упростит потенциальную переброску войск.

На текущий момент угрозу природному наследию Арктике представляют атомные подводные лодки, а также атомные ледоколы. Несмотря на безопасность используемых технологий, происшествия и несчастные случаи могут стать фатальными для природы и человека Арктики, потому что многие растения и животные Арктического региона — эндемики и могут существовать только там, также под угрозу могут попасть и запасы питьевой воды, содержащиеся в арктических ледниках.

Текущая и последующая милитаризация Арктического региона может повлечь за собой развитие военного конфликта, подкрепленное территориальными претензиями, полезными ресурсами, торговыми путями, а также борьбой за коренное население. Гипотетический военный конфликт будет опасен для коренных народов, потому что они могут оказаться в зоне боевых действий, а также конфликт будет разрушителен для уникальной природной среды Арктической зоны.

Если выходить из парадигмы будущего, то на данный момент наращивание военного потенциала, многочисленные учения уже наносят вред экосистеме Арктики, а также не спо-

способствуют развитию охраны природного наследия, а порой использование современного вооружения на учениях даже ускоряет климатические изменения, приближая к глобальной катастрофе.

Решение проблемы чрезмерной милитаризации Арктического региона лежит в плоскости изменения правового статуса Арктики по типу Антарктического, т. е. земли, не принадлежащей никому. Объективно данное изменение правового статуса Арктики будет невыгодно суверенным арктическим державам в связи с важной геополитической, ресурсной и оборонной ролью данного региона.

Список использованных источников и литературы

1. Гусев Е. А., Бугрова Э. М., Каминский М. А. [и др.]. Палеогеновые отложения хребта Ломоносова / Е. А. Гусева, Э. М. Бугрова, М. А. Каминский, З. И. Глезер, А. А. Крылов // Геолого-геофизические характеристики литосферы Арктического региона. — СПб.: ВНИИОкеангеология, 2006. — №. 6. — С. 162–168 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.evgen-gusev.narod.ru/texto/kryl.html> (дата обращения: 09.04.2022).
2. Доклад об особенностях климата на территории РФ за 2020 г. Росгидромет, 2021 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.meteorf.ru/upload/pdf_download/doklad_klimat2020.pdf (дата обращения: 10.04.2022).
3. Концепция внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 09.04.2022).
4. Природные ресурсы Арктики. Справка // РИА Новости. Россия сегодня [Электронный ресурс]. — URL: https://ria.ru/arctic_spravka/20100415/220120223.html (дата обращения: 08.02.2022).
5. Северный флот России начал крупные учения в Арктике. Интерфакс. — 2022. — 26 января [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/818368> (дата обращения: 09.04.2022)
6. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., (2020) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_strategy/ (дата обращения: 09.04.2022).
7. О Стратегии национальной безопасности РФ: Указ Президента РФ № 400 от 2.07.2021 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9eef6d046da8060/ (дата обращения: 09.04.2022).
8. Arctic and Northern Policy Framework, апрель 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.eia.gov.nt.ca/sites/eia/files/arcticnorthernpolicyframework_-_final-web.pdf (дата обращения: 09.04.2022).
9. Arctic Strategy. Regaining Arctic Dominance, январь 2021 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.army.mil/e2/downloads/rv7/about/2021_army_arctic_strategy.pdf (дата обращения: 09.04.2022).
10. Canada and US announce Arctic military exercises amid Russia tensions // The Guardian/ — 2022. — 16 March [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/16/canada-us-arctic-military-exercises-russia> (дата обращения: 09.04.2022).
11. Canada First Defence Strategy. 2019 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.forces.gc.ca/assets/FORCES_Internet/docs/en/about/CFDS-SDCD-eng.pdf (дата обращения: 09.04.2022).
12. Canada looking closely at Arctic as part of defence spending increase: Trudeau// CTV News — 2022. — 5 April. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ctvnews.ca/politics/canada-looking-closely-at-arctic-as-part-of-defence-spending-increase-trudeau-1.5849229> (дата обращения: 09.04.2022).
13. DoD Arctic Strategy, 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 09.04.2022).
14. DoD Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China, 2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (дата обращения: 09.04.2022).

15. Exercise Cold Response 2022 — NATO and partner forces face the freeze in Norway, 7 March 2022 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm?selected-Locale=en (дата обращения: 09.04.2022).
16. Statement on Canada's Arctic Foreign Policy, 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://web.law.columbia.edu/sites/default/files/microsites/climate-change/files/Arctic-Resources/Arctic-Council/01_02_Canadas%20statement%20on%20arctic%20foreign%20policy%20%28booklet%29.pdf (дата обращения: 09.04.2022).
17. The rush to claim an undersea mountain range от 23 июля 2020 г. BBC [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.bbc.com/future/article/20200722-the-rush-to-claim-an-undersea-mountain-range> (дата обращения: 09.04.2022).
18. UNCLOS от 10 декабря 1982 г. Монтего Бэй [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (дата обращения: 08.04.2022).

Волкова Алина Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет

alina_gsm99@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN INTERNATIONAL COOPERATION OF THE FINNO-UGRIAN PEOPLES

Аннотация. В статье проводится анализ форм культурного сотрудничества, который существовал между Республикой Марий Эл, Финляндией, Венгрией и Эстонией. Автор прослеживает, как изменились дружба и сотрудничество между финно-угорскими народами за последние 2 года, учитывая пандемию коронавируса и политическое напряжение между странами.

Ключевые слова: финно-угорский мир, формы сотрудничества, культурный обмен, Республика Марий Эл, Финляндия, Венгрия.

Abstract. The article analyzes the forms of cultural cooperation that existed between the Republic of Mari El, Finland, Hungary and Estonia. The author examines how the friendship between the Finno-Ugric peoples has changed over the past 2 years, given the coronavirus pandemic and political tension between countries.

Key words: Finno-Ugric world, forms of cooperation, cultural exchange, Republic of Mari El, Finland, Hungary.

В конце XVIII века было научно доказано родство финно-угорских народов. Наиболее тесное взаимодействие между финно-угорскими народами, проживающими в СССР, началось в годы нэпа. Оно проходило, главным образом, в рамках культуры и науки.

В сталинскую эпоху был нанесен серьезный удар по развитию и укреплению духовного единства родственных народов, наложен запрет даже на само упоминание о родстве восточных финно-угров с венграми, эстонцами, финнами. И потребовалось еще довольно много времени, чтобы предпринять в СССР реальные шаги в области финно-угроведения, осуществить широкую пропаганду финно-угорского родства.

Процесс широкого сотрудничества финно-угорских народов начался в конце XX — начале XXI в. и продолжался до сегодняшнего дня. Незадолго до пандемии и политических событий, происходящих в это время в мире, «финно-угорский мир» с полной уверенностью можно было интерпретировать как реальный фактор, консолидирующий финно-угорские народы в области культуры, образования, науки и информационного пространства [2]. Республика Марий Эл также активно вовлечена во взаимодействие финно-угорских народов. Для региона сотрудничество с Венгрией, Финляндией и Эстонией является важнейшим культурным фактором.

Однако два года назад связи между регионами Российской Федерации, населенными финно-угорскими народами и странами Венгрии, Финляндии и Эстонии, начали постепенно терять свою значимость. Ослабление международного сотрудничества в период пандемии, с приостановкой текущих проектов и ограничением зарубежных поездок было усилено официальным отказом Ассоциации финно-угорских народов России (АФУН) от участия во Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Эстонии в 2021 г. из-за его политизированности. Серьезным вызовом для взаимодействия финно-угорских народов стали антироссийские санкции Евросоюза, вводимые в ответ на специальную военную операцию РФ на Украине.

Таким образом, актуальность выбранной темы обусловлена следующими причинами. Во-первых, необходимостью изучить основные направления и формы культурного сотрудничества Республики Марий Эл со странами финно-угорского сообщества до пандемии коронавируса. Во-вторых, возможностью выявить изменения, произошедшие на фоне эпидемиологических и политических ситуаций.

В 2019 году деревня Шорунжа Республики Марий Эл получила статус «культурной столицы финно-угорского мира». В 2020 году центром стала деревня Мишкино в Республике Башкортостан, в которой 70 % населения составляют марийцы [3]. Программа «Культурная столица финно-угорского мира» — это совместная инициатива Молодежной ассоциации финно-угорских народов и НКО «Центр развития коренных народов URALIC». Она направлена на укрепление финно-угорской идентичности и стимулирование развития регионов финно-угорского мира, а также на повышение узнаваемости финно-угорских народов и языков.

Этот факт свидетельствует о том, что принадлежность марийцев к финно-угорскому сообществу используется в формировании и продвижении бренда Республики Марий Эл. Значимость роли, которые страны Финно-Угрии играли в политике идентичности, а также международных связях региона можно оценить и по разнообразным формам культурного сотрудничества, которые были реальностью в допандемийное время.

Марийцы — участники XXII Российско-Финляндского культурного форума, на котором учреждения культуры Марий Эл искали финских партнеров для своих проектов. Форум — это площадка для переговоров о проведении совместных выставок и концертов, обмена студентами и преподавателями, библиотечном сотрудничестве, посещении театров, детских лагерей, туристических маршрутов [5]. Проекты, разработанные представителями Марий Эл, были отобраны на XXII Российско-Финляндском культурном форуме финскими партнерами. Это идея о создании видеотура «Под крылом священной птицы» [4]. В результате грантовая заявка на создание видеотура была поддержана Российским фондом культуры. Сумма проекта составила 430 тыс. рублей. Презентация видеотура состоялась 3 декабря на Международном форуме «Новое в культуре».

Еще один важный проект, в котором Марий Эл также принимает активное участие, это Молодежная ассоциация финно-угорских народов. Цель — сближение молодежи финно-угорских народов и создание условий для роста национального самосознания [7].

Помимо форумов и ассоциаций, международный обмен происходит и с участием фондов и музеев. Еще в 1975 году Национальный музей им. Т. Евсеева Республики Марий Эл принял участие в международной выставке «Марийское народное искусство» в г. Тарту (Эстония) и в г. Сомбатхее (Венгрия).

В 2021 году Национальным музеем им. Т. Евсеева была подана заявка в Общество М. А. Кастрена (Финляндия) «Интерактивное музейное пространство «Природа. Человек. Традиции» в Общество Кастрена [4].

Также музей участвует в дипломатическом процессе. В 2021 году музей Т. Евсеева посетила госпожа Мерья Лахтинен, Советник Посольства Финляндии и Илона Вихонен, второй секретарь Посольства.

С Венгрией у Республики Марий Эл также сложились довольно близкие отношения. Еще в 1971 году между РМЭ и Венгрией были установлены побратимские отношения. Один из районов Йошкар-Олы назвали Сомбатхей, а в городе Сомбатхей есть микрорайон Yoshkarola.

19 мая 1971 года было создано Марийское отделение Общества советско-венгерской дружбы (ОСВД), где два региона обменивались докладами, книгами, кино, проводились творческие встречи с писателями и поэтами. Проводились обмены творческими коллективами и спортивными командами, существовали кружки по изучению венгерского языка, обмены делегациями школьников — все это укрепляло и расширяло побратимские связи Марийской республики и области Ваш. Обмен делегациями между республиками был традиционным. По инициативе этого Общества в Йошкар-Оле появилась улица Вашская, торгово-

бытовой центр «Савария». Общество «Марий Эл — Венгрия» во второй половине XX столетия провело десятки мероприятий, которые способствовали ознакомлению марийской общности с жизнью и деятельностью Венгерской Республики.

Популярным направлением сотрудничества между Республикой Марий Эл и странами финно-угорского сообщества были студенческие обмены между вузами. На сегодняшний день в Марийском государственном университете подписано соглашение о сотрудничестве с Мюнстерским университетом прикладных наук в г. Тарту [1]. Также в Поволжском государственном технологическом университете подписан договор о сотрудничестве с Университетом прикладных наук Юго-Восточной Финляндии, который действует до 2024 года, и с Университетом Западной Венгрии (г. Шопрон), который действует бессрочно.

Связь Республики Марий Эл и европейских стран финно-угорских народов достаточно тесная. Однако последние два года существуют проблемы очного участия стран в конференциях, выставках и других формах культурного обмена на фоне эпидемиологической ситуации в мире. Ситуацию усугубил политический кризис в отношениях России со странами Евросоюза, начавшийся в конце февраля 2022 года. В течение короткого периода были нарушены многие связи, которые налаживались веками между регионами и странами.

Так, НКО «Учреждение Фенно-Угрия» отказывается сотрудничать с финно-угорскими народами России, поддерживающими действия руководства своей страны [7], тем самым политизируя сотрудничество и игнорируя вопросы, касающиеся развития этих народов.

Ассоциация финно-угорских народов РФ поддержала В. В. Путина, что немало удивило советника Фенно-Угрии Яака Прозеса, так как Российская Федерация бойкотировала проведение VIII Всемирного конгресса финно-угорских народов в Тарту.

В результате были расторгнуты договоры о дружбе с Россией Правительства Финляндии и Эстонии, прерваны некоторые побратимские связи и сотрудничество между городами. Антироссийская риторика сопровождает официальные заявления о разрыве связей.

Что касается программы Erasmus+, Еврокомиссия прекратит участие во всех действующих грантовых соглашениях с российскими государственными органами или связанными с ними организациями и приостановит все соответствующие платежи в рамках Horizon 2020 и Horizon Europe, Euratom и Erasmus+ [6]. В рамках этих программ не будут заключаться новые контракты или соглашения с российскими государственными органами или связанными с ними организациями. Однако это не затрагивает соглашения с университетами в России, что говорит о продолжении сотрудничества.

Но не следует забывать и про Венгрию, где после очередных выборов у власти остался «друг» России — Виктор Орбан. Страна балансирует между ЕС и Россией, что сказывается и на культурном взаимодействии стран. Пока Венгрия не объявляла о прекращении сотрудничества с регионами Российской Федерации.

Культурное сотрудничество между РМЭ и европейскими странами финно-угорского мира являлось частью политики идентичности региона, его международных связей, а также осуществления брендинга Марийской Республики. В результате сравнения формы сотрудничества «до» и «после» становится очевидно, что дружба, которая выстраивалась веками, сходит на нет. Однако есть надежда, что родство финно-угорских народов, прочные связи, установившиеся между ними, смогут преодолеть вызовы пандемии и политического кризиса и будут способствовать продолжению сотрудничества между нашими странами.

Список использованных источников и литературы

1. Договор о сотрудничестве [Электронный ресурс]. — URL: <https://marsu.ru/sveden/inter/files/%D0%A2%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%83,%20%D0%AD%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 08.04.2022).
2. Мясникова А. Б. Этапы становления и развития финно-угорского мира // Вестн. Чуваш. ун-та. — 2012. № 1. — С. 52–58.

3. Марийский вариант: финно-угры против глобализации и за вкусный сыр [Электронный ресурс]. — URL: <http://rk.karelia.ru/social/marijskij-variant-finno-ugry-protiv-globalizatsii-i-za-importozameshhenie/> (дата обращения: 07.04.2022).
4. Справка об итогах деятельности Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева и его структурных подразделений за 2021 год [Электронный ресурс]. — URL: http://api.fumus.ru/wp-content/uploads/2018/05/Spravka_ob_itogakh_raboty_Natsmuzeya_za_2021_g.pdf (дата обращения: 08.04.2022).
5. Учреждения культуры Марий Эл могут найти финских партнеров для своих проектов [Электронный ресурс]. — URL: <http://old.mari-el.gov.ru/mincult/Pages/news/2021/20210127-2.aspx> (дата обращения: 07.04.2022).
6. EU stands with Ukraine [Электронный ресурс]. — URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/news/eu-stands-with-ukraine> (дата обращения: 09.04.2022).
7. Soome ja Eesti omavalitsused lõpetavad Venemaaga sõpruslepinguid [Электронный ресурс]. — URL: <https://fennougria.ee/soome-ja-estli-lopetavad-venemaaga-sopruslepinguid/> (дата обращения: 09.04.2022).

Воронков Вячеслав Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет
igrokslava@mail.ru

ИМИДЖЕВАЯ КАМПАНИЯ THE LÄND КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЗЕМЛИ БАДЕН- ВЮРТЕМБЕРГ

THE LÄND MARKETING CAMPAIGN AS AN INSTRUMENT OF BADEN-WÜRTTEMBERG'S FOREIGN POLICY

Аннотация. В статье проводится анализ использования брендинговых технологий немецкой федеральной землей Баден-Вюртемберг в контексте имиджевой кампании The Länd. Автор обозначает основные цели и задачи кампании, направления ее использования с внешнеполитическим акцентом и дает оценку эффективности на текущий момент.

Ключевые слова: имиджевая кампания, маркетинг территорий, брендинг, Баден-Вюртемберг, Германия.

Abstract. The article analyzes the use of branding technologies by the German Federal state of Baden-Württemberg in the context of the image campaign The Länd. The author identifies the main goals and objectives of the campaign, the direction of its use with a foreign policy emphasis and assesses the effectiveness of the current moment.

Key words: image campaign, place marketing, branding, Baden-Württemberg, Germany.

На сегодняшний день европейские регионы ввиду своего многообразия и высокой конкуренции активно продвигаются в выстраивании собственного видения межрегиональных международных отношений.

Одним из сильных регионов можно считать немецкую федеральную землю Баден-Вюртемберг. За последнюю четверть века он стал использовать брендинговые технологии для реализации своих внутренних и внешних политических интересов.

Преыдущая кампания по продвижению Баден-Вюртемберга “Wir können alles. Außer Hochdeutsch” («Мы можем все. Кроме литературного немецкого») считалась самой продвинутой в немецкоязычном пространстве. Согласно исследованиям Университета Хоэнхайм, лозунг южной земли был самым популярным из всех федеральных земель (известен более чем 70 % респондентов). Так, 54,4 % респондентов считали его лучшим среди слоганов других регионов [5].

Можно предположить, что при подготовке новой кампании учитывались исследования предыдущей: тогда правительство земли привлекло консалтинговую фирму Hagstotz, чтобы измерить потенциал первой кампании и получить представление о существующем имидже Баден-Вюртемберга. Исследования показывали, что Баден-Вюртемберг выглядел внешне довольно провинциальным, не смотря на свои экономические факторы. Впоследствии это стало фирменной чертой двадцатилетней кампании [7].

По словам Аннет Кеттерер, представителя государственного министерства земли Баден-Вюртемберг, со временем “Wir können alles...” стала нацелена на немецкоязычную целевую аудиторию стран группы DACH¹. В последнее время организаторы проводили исключительно мероприятия, которые распространялись на веб-сайт www.bw-jetzt.de и каналы в социальных сетях [1]. Это объяснило необходимость подготовки новой кампании, которая бы заново заявила о регионе.

¹ Три крупнейших немецкоязычных государства: Германия, Австрия, Швейцария (*Deutschland, Austria, Confoederatio Helvetica*).

Агентство Jung von Matt Neckar вместе с агентством Milla und Partner вошли в пятерку финалистов общеевропейского конкурса и были признаны победителями. Прежде всего, кампания должна быть принята жителями Баден-Вюртемберга, после чего «она выйдет в мир», — пояснил Петер Вайбель, директор Jung von Matt [3].

Итоговым продуктом стала новая имиджевая кампания “The Länd”. В ней разработчики постарались совместить самоиронию предыдущей кампании с отсылками к местному диалекту — слову “Ländle”, а также международной составляющей в качестве использования английского артикля.

На осенней презентации кампании министр экономики, труда и туризма Баден-Вюртемберга Николь Хоффмейстер-Краут выделяла одним из преимуществ нового слогана его простоту: людям, не владеющим немецким языком, гораздо легче запомнить и воспроизвести, чем “Baden-Württemberg”.

Председатель правления Daimler AG Ола Келлениус отметила, что «новый бренд поддерживает работодателей в позитивном представлении региона и его преимуществ с точки зрения экономической мощи и качества жизни во всем мире» [3]. Тем самым была подтверждена заинтересованность крупных коммерческих концернов в развитии имиджевой политики земли.

Это также связано с тем, что Daimler входил в состав жюри по отбору кампании вместе с международными компаниями Stihl и Trumpf, а также с представителями Министерства экономики и науки, государственного агентства BW-International, Академии искусств и специалистами по рекламе.

На кампанию выделено более 21 млн евро, которые планируется израсходовать в ближайшие несколько лет. Премьер-министр Винфрид Кречманн отметил, что эти деньги помогут «казаться более уверенными в себе и более четкими» [4].

Согласно презентации, цели кампании можно разделить на две категории:

1) экономические — прежде всего, это привлечение новых инвесторов, бизнесменов, поддержка пострадавшего бизнеса во время пандемии COVID-19. Кампания должна вновь вызвать интерес у иностранцев и жителей других федеральных земель посетить Баден-Вюртемберг. Помимо этого, положительный имидж земли должен помочь сократить эмиграцию и увеличить иммиграцию квалифицированных рабочих;

2) внешнеэкономические – позиционирование региона как территории, где созданы условия для создания семьи и семейной жизни, для получения качественного образования, где создана особая культура. Эти цели должны быть достигнуты на территории всей земли. Проводимые для достижения этой цели мероприятия должны раскрыть творческий потенциал жителей Баден-Вюртемберга и способствовать росту симпатий к территории и ее населению».

В первую очередь, стояла задача заново интернационализировать кампанию и, таким образом, предложить поддержку для коммерческих и некоммерческих организаций региона. Для этого кампания предложила организациям использовать символ из нового слогана — буквы-умлауты из расширенных латинских алфавитов. За полгода функционирования в этой акции приняли участие как частные локальные и региональные кампании, так и некоммерческие организации.

Другая визитная карточка кампании — наклейки «Здесь хорошо. Но были ли вы когда-нибудь в Баден-Вюртемберге?» — была адаптирована в новом дизайне [10]. По задумке организаторов, их можно заказать бесплатно из официального сувенирного магазина региона и наклеивать в общественных местах. На практике «послы региона» — жители — стали их вирусно распространять и через Интернет, где иностранные пользователи могут их увидеть сразу.

Поскольку задачей кампании является также поддержка регионального бизнеса на экспорт, ее использование целесообразно и в зарубежных представительствах региона. Баден-

Вюртемберг, как и другие федеральные земли, располагает собственными зарубежными офисами, которые представляют интересы власти и бизнеса.

Статья 50 Конституции Баден-Вюртемберга предполагает, что премьер-министр земли представляет регион за рубежом [15]. После старта кампании премьер-министр Винфрид Кречманн принял участие в открытии в Лондоне офиса BW-UK, который будет взаимодействовать с шотландским агентством по развитию бизнеса, Британской торговой палатой и Лондонскими консалтинговыми агентствами. Согласно информации из немецких и британских СМИ, новый контактный центр будет способствовать развитию двусторонних экономических, инновационных и научных отношений между землей Баден-Вюртемберг и Соединенным Королевством. В рамках открытия была подготовлена вариация слогана “ENG X LÄND”, наружная реклама на лондонском такси, а также новый фирменный стиль для офиса. Тем самым кампания поддерживает работу офиса с британскими партнерами [9].

Один из вариантов использования имиджевых кампаний — интеграция в мегасобытия. Важным шагом для международного освещения стало применение The Länd на ЭКСПО-2020 в ОАЭ. Появление кампании в Дубае характеризует Баден-Вюртемберг не только как отдельный субъект страны, но и показывает равенство региональных интересов с целыми государствами, которые также представили свои выставочные павильоны. Однако, как отмечают сами организаторы, элементы кампании не были установлены вовремя. По техническим причинам не удалось начать акцию к открытию ЭКСПО [6].

Маркетинговые кампании часто применяются для решения ситуационных и конкретных политических задач. После начала спецоперации России на Украине премьер-министр Винфрид Кречманн осудил нападение России на Украину, публично поддержав «все дальнейшие шаги федерального правительства». После публикации официальной позиции главы региона медиаресурсы кампании были включены и поддержку официальной позиции руководства земли. The Länd запустили серию постов с предложением подписчикам указать в комментариях организации и места для приема пожертвований украинским беженцам [12].

Следовательно, сегодня имиджевые кампании могут применяться не только для своего прямого назначения — маркетинга, но и пассивного донесения позиции власти.

Разнообразный отклик масс-медиа показывает, что кампания выполняет свою функцию в части распространения бренда в других федеральных землях Германии. В то же время, согласно показаниям Google Trends, популярность заметна также у пользователей стран группы DACH [13]. При этом ряд экспертов негативно оценивают международную эффективность кампании.

Йорг Тропп, эксперт по маркетингу Университета Пфорцхайм в газете *Badische Latest News* высказывался по вопросу понятности слогана. По его мнению, ассоциация слова “Länd” с “Ländle” затруднительна для иностранцев, что повлечет отсутствие этой связи при восприятии. Реальный успех этой идеи можно будет определить только практически в ходе конкретной реализации слогана в международном поле. Й. Тропп также поднял вопрос о том, не нужно ли сначала вкладывать средства в развитие цифровой инфраструктуры, чтобы превратить Баден-Вюртемберг в ведущее технологическое место, заявив: «Потому что, если есть разрыв между фактическими обстоятельствами и месседжем, вас легко могут обвинить в недостоверности» [8].

Политическая оппозиция в федеральной земле также подвергла резкой критике расходы правительства. Собранная сумма (21 млн евро) уже составляет половину той, которая необходима для отмены платы за обучение для иностранных студентов, как заявил лидер парламентской группы Социал-демократической партии Германии Андреас Стох [2]. СДПГ также обвинила правительство в неправильной расстановке приоритетов: на их взгляд, кампания должна была идти в русле борьбы с антисемитизмом продвижения специальностей в сфере образования. В то же время парламентская оппозиция не была согласна с тратами на внутреннюю рекламу, если организаторы хотят привлечь квалифицированных рабочих из-за рубежа [11].

Премьер-министр Винфрид Кречманн, в свою очередь оценивает критику как вызов в предстоящей работе. По его мнению, «существует жесткая конкуренция за квалифицированных работников, независимо от того, идет ли речь о медицинском персонале из Восточной Европы или IT-специалистах из Азии... Мы воспринимаем критику конструктивно и, конечно же, надеемся, что сможем убедить гораздо больше местных жителей в целях кампании» [14].

Подводя итог, можно констатировать, что имиджевая кампания The Länd стала воплощением идеи продолжения особого позиционирования региона с добавлением нового акцента современности. Кампания используется в качестве дополнительного инструмента при проведении внешней политики земли: использование унифицированного стиля в сети региональных информационных ресурсов, зарубежные представительства, мегасобытия и прочие атрибуты кампании могут способствовать ее дальнейшему использованию правительством региона.

The Länd взаимодействует с локальными и региональными компаниями для их продвижения. Организации, в свою очередь, поддерживают новый бренд, используя его атрибуты. В то же время, ограниченное предложение по использованию марки земли за рубежом дает меньший эффект рекламы для иностранных специалистов. Не стоит забывать и о том, что маркетинговые кампании являются лишь вспомогательным инструментом и все задачи решить не могут.

Список использованных источников и литературы

1. Воронков В. В. Интервью с представителем государственного министерства Баден-Вюртемберга. Использование брендинговых технологий в формировании внешней политики федеральных земель Германии. — СПб.: СПбГУ, 2021.
2. Baden-Württemberg: Geldverschwendung? Heftige Kritik an Imagekampagne «The Länd» — Südwest — RNZ [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rnz.de/politik/suedwest_artikel,-baden-wuerttemberg-geldverschwendung-heftige-kritik-an-imagekampagne-the-laend-update-_arid,769030.html (дата обращения: 10.04.2022).
3. Baden-Württemberg: ist «The Länd» — YouTube [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oZtkbq3vwoE&t=3564s> (дата обращения: 10.04.2022).
4. Baden-Württemberg zeigt ein neues Gesicht — Stuttgarter Zeitung [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.kampagne-the-laend-baden-wuerttemberg-zeigt-ein-neues-gesicht.bbc0b681-49d6-44a6-9756-2c9167a16d7f.html> (дата обращения: 10.04.2022).
5. Ergebnisauswertungen zu «Die Slogans der Bundesländer» Empirische Erhebung der Universität Hohenheim [Электронный ресурс]. — URL: https://www.uni-hohenheim.de/uploads/media/Die_Slogans_der_Bundeslaender_-_Auswertungsergebnisse.pdf (дата обращения: 10.04.2022).
6. EXPO 2020 Germany [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.expo2020germany.de/der-deutsche-pavillon#partner> (дата обращения: 10.04.2022).
7. Hagstotz W., Schmitt-Hagstotz K. Marktforschung zur Imagekampagne Baden-Württemberg. Basis-messung zur Erfassung des Status Quo vor Kampagnenbeginn auf Grundlage computergestützter Telefoninterviews. Königsbach-Stein, 1999.
8. Marketing-Experte sieht Werbung für The Länd kritisch — STIMME.de // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.stimme.de/ueberregional/baden-wuerttemberg/wirtschaft/wi/marketing-experte-sieht-werbung-fuer-the-laend-kritisch-art-4564249> (дата обращения: 10.04.2022).
9. Ministerpräsident Kretschmann eröffnet BW-Büro in London- SWR Aktuell // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.swr.de/swraktuell/baden-wuerttemberg/london-buero-fuer-zusammenarbeit-von-winfried-kretschmann-eroeffnet-100.html> (дата обращения: 10.04.2022).
10. So schafft es der “Nett hier“. Aufkleber zu weltweiter Berühmtheit. Rhein-Neckar-Zeitung [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rnz.de/politik/suedwest_artikel,-landes-werbung-so-schafft-es-der-nett-hier-aufkleber-zu-weltweiter-beruehmtheit-_arid,452632.html (дата обращения: 11.03.2022).

11. SPD zur LändKampagne — Die SPD im Landtag von Baden-Württemberg [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.spd-landtag-bw.de/willkommen-in-the-20-million-nabelschau-spd-zur-laend-kampagne/> (дата обращения: 10.04.2022).
12. Stimmen zum Angriff auf die Ukraine: Baden [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.baden-wuerttemberg.de/de/service/presse/pressemitteilung/pid/stimmen-zum-angriff-auf-die-ukraine/> (дата обращения: 10.04.2022).
13. The Laend. Google Trends [Электронный ресурс]. — URL: <https://trends.google.com/trends/explore?q=The%20Länd> (дата обращения: 10.04.2022).
14. The Länd Kampagne: es gab regelrechte Hasstiraden. Peter Waibel // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.absatzwirtschaft.de/the-laend-kampagne-es-gab-regelrechte-hasstiraden-229320/> (дата обращения: 10.04.2022).
15. Verfassung des Landes Baden-Württemberg [Электронный ресурс]. — URL: https://www.landtag-bw.de/files/live/sites/LTBW/files/dokumente/rechtliche_grundlagen/Landesverfassung.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

Дун Тяньсян (Китай)

Санкт-Петербургский государственный университет

547434997@qq.com

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2022 ГОДА

RUSSIAN-CHINESE CULTURAL TIES IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL CRISIS OF 2022

Аннотация. В данной статье анализируются культурные отношения между Китаем и Россией в условиях меняющегося мирового политического ландшафта в 2022 году, особенно политического кризиса. Автор рассматривает политический кризис, вызванный локальным военным конфликтом между Россией и Украиной, а также культурные обмены и развитие между Китаем и Россией в условиях этого политического кризиса.

Ключевые слова: политический кризис 2022 г., Россия, Китай, военный конфликт, культурный обмен.

Abstract. This article analyzes the cultural relations between China and Russia in the context of the changing global political landscape in 2022, especially the political crisis. The author describes the political crisis caused by the local military conflict between Russia and Ukraine, as well as cultural exchanges and development between China and Russia in the face of this political crisis.

Key words: political crisis of 2022, Russia, China, military conflict, cultural exchange.

21 февраля 2022 года президент России Владимир Путин подписал указ о признании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики независимыми государствами и начал специальную военную операцию в Донбассе Украины [1]. Полагаем, что в этом политическом кризисе есть причина, а не в преувеличенном некоторыми западными СМИ российском вторжении в Украину. В условиях агрессии украинского правительства в отношении Донбасса и его категорического отказа от выполнения Минских соглашений [2] объективно необходимым стало решение российской стороны о признании независимости двух регионов, контролируемых восточно-украинскими гражданскими вооруженными силами.

Когда мы рассматриваем этот политический кризис, мы должны, прежде всего, обратить внимание на политические и географические отношения. НАТО не соблюдает соглашение с Россией 1990-х годов, но расширяется на Восток, что напрямую угрожает внутренней безопасности России. Чтобы сохранить свое гегемонистское положение, Соединенные Штаты решительно выступают за восточное направление расширения НАТО. Что касается Соединенных Штатов, то на протяжении более 40 лет они всегда считали себя лидером Запада, и именно они сформировали и контролировали Североатлантический блок. Во-вторых, в последние годы украинские правительственные силы нападают на мирных жителей Донбасса. По данным следствия, в составе украинских правительственных сил было большое количество нацистов и этнических радикалов, отличавшихся особой жестокостью и радикальностью взглядов. Эти украинские нацисты также являются одними из создателей беспорядков в Гонконге (Китай) в 2019 году [3]. Автор считает, что после этого политического кризиса Китай не встал в ряды санкций против России, а продолжил развивать хорошую международную торговлю с Россией. Люди всего мира должны объединиться для борьбы с фашизмом и нацизмом.

Этот военный конфликт действительно может быть разрешен дипломатическим путем. Украине необходимо очистить правительство от нацистов и национал-радикалов, но Украина предпочла сблизиться с США и НАТО, что, несомненно, усугубило этот политический кризис.

С началом этого политического кризиса, вместо того чтобы вводить жесткие экономические, культурные и спортивные санкции против России, как это сделали страны Запада, Китай укрепил сотрудничество с Россией. Например, Китай разрешил импорт пшеницы со всей России и укрепил сотрудничество в торговле природным газом. Это, несомненно, заложило основу дружественных культурных обменов между Россией и Китаем в сложных политических условиях текущего момента.

Для Китая и России история культурных обменов имеет долгую историю, особенно после установления стратегического партнерства сотрудничества, культурные обмены между двумя странами стали более частыми, что не только укрепляет взаимное доверие между двумя странами, но и делает отношения между двумя странами более стабильными. Это имеет большое значение для развития Китая и России.

Культура является важной силой для выживания и развития нации. И Китай, и Россия имеют давние культурные традиции, и народы обеих стран очень гордятся обширной и глубокой культурой своих народов. С 1617 года культурные обмены между Китаем и Россией постепенно усиливались [4, с. 1]. Особенно сейчас, перед лицом сложных политических кризисов и постоянных провокаций со стороны НАТО во главе с Соединенными Штатами, отношения между двумя странами были беспрецедентно высокими, что привело к росту культурных обменов между двумя странами. Они также становятся все более и более частыми, затрагивая многие области: экономика, торговля, наука и техника. Укрепление культурных обменов между Китаем и Россией имеет большое значение для развития двух стран.

В настоящее время санкции против России со стороны стран НАТО во главе с США затрагивают культурно-образовательный аспект с политической точки зрения. Россия и Китай должны продолжать совместную работу по созданию новой ситуации в сфере образования и культуры, укреплять межшкольное сотрудничество. Например, некоторые колледжи и университеты двух стран регулярно проводят отбор студентов, осуществляют обучение по обмену и поддерживают устойчивые отношения сотрудничества между школами. Россия и Китай должны приложить усилия для этого. Нужно направлять ученых для обмена и обучения, а также способствовать постоянному расширению образовательных и культурных областей двух стран.

Что касается научно-технического сотрудничества, то, несомненно, в условиях этого политического кризиса Китай и Россия должны работать рука об руку. С углублением культурных обменов будет углубляться и научно-техническое сотрудничество между двумя странами. Научно-технические исследовательские возможности России в вооруженных силах сильнее, чем у Китая, и Китай все еще далеко позади. Теперь, поскольку обе стороны стали стратегическими партнерами, научно-техническое сотрудничество, особенно военно-промышленное научно-техническое сотрудничество, постоянно расширяется, что имеет большое значение для повышения военного потенциала двух стран.

С точки зрения литературы и искусства Китай и Россия являются культурными державами. Несмотря на большие различия, искусство не имеет границ. Автор статьи придерживается мнения, что Китай не будет учиться у стран НАТО во главе с США, а только захочет экспортировать культуру в другие страны. Культурные различия придают проявлениям китайской и русской культур свои особенности и вместо этого усиливают взаимное притяжение между ними. В условиях нынешнего политического кризиса Китай и Россия должны продолжать укреплять культурный обмен в области литературы и искусства и совместно строить красивую «глобальную деревню».

И Китай, и Россия имеют прекрасную историю и культуру, которая привлекает общественность обеих стран, что также способствует укреплению их сотрудничества в области туризма и культуры. В настоящее время новая коронавирусная эпидемия охватила весь мир, поэтому туристические обмены между Китаем и Россией значительно меньше, чем обычно. Но мы все же верим, что однажды эпидемия исчезнет, и две страны возобновят туристиче-

ский и культурный обмен! Чтобы способствовать развитию туризма, России и Китаю следует больше инвестировать в транспорт и воздушные маршруты, чтобы гарантировать дальнейшее развитие туризма.

В нынешней ситуации в мире развитие китайско-российского экономического и торгового сотрудничества является важным способом укрепления культурных обменов между двумя странами. Содействие китайско-российскому культурному обмену не только позволит двум странам получить более четкое представление о культурных различиях на этой основе, но также будет способствовать углубленному изучению культурного наследия друг друга и развитию культурного сотрудничества между двумя странами. В других областях китайско-российский культурный обмен неуклонно расширялся, и масштабы экономического и торгового сотрудничества между Россией и Китаем также способствовали ускоренному росту торговли между двумя странами. Как мы все знаем, экономические санкции, введенные странами НАТО во главе с США в отношении Китая и России, вызваны не только военным конфликтом между Россией и Украиной, но и долгосрочными планами Запада, поэтому России и Китаю следует укреплять экономическое сотрудничество и совместно преодолевать политический кризис.

С точки зрения Китая, укрепление культурных обменов с Россией не только усилит китайско-российское стратегическое партнерство, но и поможет поднять культурную мягкую силу Китая на новый уровень. Хотя культурная история Китая насчитывает 5000 лет, его влияние на мир недостаточно сильно. В процессе китайско-российского культурного обмена, с одной стороны, Китай может перенять опыт России и разработать путь культурного обмена, соответствующий национальным условиям Китая. В связи с этим можно предложить такие рекомендации: в Китае необходимо глубоко изучать традиционную культуру России, в России следует продвигать традиционную культуру Китая. Еще одна рекомендация – следует укреплять мягкую силу китайской культуры, что в перспективе должно привести к улучшению восприятия Китая в целом.

Осуществление китайско-российского культурного обмена может принести дополнительные выгоды и достичь цели экономического развития. Только понимая друг друга и укрепляя культурный обмен, мы можем добиться общего развития. Культурный обмен — это платформа, на которой выстраиваются обмены и в других областях, таких как экономика и политика. Хотя у России и Китая разные культуры, у них много общего. Россия имеет свою уникальную культуру и искусство. Высокого уровня развития достигли фундаментальная наука и передовые технологии России, иногда более высокоразвитые, чем в США. Поэтому полагаем, что политический конфликт и экономический кризис, который переживает Россия, для самой России станет точкой роста. Россия не боится санкций. Россия богата природными ресурсами. Экономике России и Китая во многом дополняют друг друга. Зная эти факты, китайский народ, естественно, понимает, что Россия является надежным партнером Китая. Россия и Китай должны сотрудничать в различных областях для взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов, не опасаясь экономических санкций НАТО. Считается, что после этого периода экономических санкций и политического кризиса с постепенным восстановлением российской экономики и непрерывным улучшением рыночной экономики, благодаря совместным усилиям России и Китая экономический, торговый и культурный обмен России и Китая достигнет новых высот.

В дополнение к некоторым аспектам, упомянутым выше, необходимо также отметить, что в обеих странах понимание российско-китайского культурного обмена должно быть полнее. Многие люди имеют одностороннее представление о культурных обменах, полагая, что театральные представления являются культурными обменами. В результате формируется низкий уровень китайско-российского культурного обмена. На самом деле культурные обмены многогранны и многопрофильны. Например, гастрономический обмен, популяризация традиционной культуры могут стать важной частью культурного обмена [5, с. 113]. Как сокровище культурного наследия китайской нации, традиционная китайская медицина также имеет определенный спрос в России, несмотря на недостаточную информированность

россиян. Таким образом, Китай и Россия могут различным образом сотрудничать в области традиционной китайской медицины, чтобы в полной мере использовать свои преимущества [6, с. 107].

Россия и Китай должны активно участвовать в культурных мероприятиях. Китайско-российский культурный обмен является делом не только государства и правительства, но и требует активного участия всех слоев общества. Для содействия китайско-российским культурным обменам необходима мобилизация всех сил, особенно активное участие различных социальных групп. Также необходимо усилить подготовку кадров и сформировать круг профессионалов в вопросах культурного сотрудничества. Следует особенно поощрять преподавателей культуры, искусства и языка к активному участию в зарубежных культурных обменах, чтобы заложить основу для развития китайско-российского культурного обмена.

В 2022 году на фоне непрекращающихся международных споров и беспокойной мировой ситуации Россия и Китай будут иметь платформу для позитивного развития только в том случае, если сохранят мирную и стабильную внутреннюю и внешнюю обстановку. Тема китайско-российского развития — мир и развитие. НАТО во главе с США провоцировало Россию и Китай и даже использовало общественное мнение для провоцирования российско-китайских отношений. Укрепление культурных обменов между Китаем и Россией способствует стабильному развитию двусторонних отношений, закладывая основу для создания мирной и стабильной внешней среды. Совместное содействие стабильному развитию двусторонних отношений способствует поддержанию мира во всем мире. Мы верим, что, идя в ногу со временем, новаторствуя и внедряя инновации, китайско-российский культурный обмен, несомненно, приведет к блестящим достижениям.

Список использованных источников и литературы

1. BBC NEWS (RU) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.bbc.com/russian/news-60466414> (дата обращения: 07.03.2022).
2. 明斯克协议 (Минские соглашения) [Электронный ресурс]. — URL: <https://baike.so.com/doc/24346218-25157010.html> (дата обращения: 07.03.2022).
3. 乌克兰新纳粹老兵现身香港 (Украинский ветеран-неонацист появился в Гонконге) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.163.com/news/article/EVGC433U0001899N.html> (дата обращения: 07.03.2022).
4. 韩冰霜 (Хан Биншуан). 中俄文化交流问题研究初探 (Предварительное исследование китайско-российского культурного обмена) [J]. *modern communication*, 2015(07).
5. 徐瑞红 (Сюй Жуйхун). 中俄饮食文化对比 (Сравнение китайской и русской культуры питания) [J]. *Universal Human Geography*, 2014(22): DOI: 10.3969/j.issn. 2095-0446.2014.22.071.
6. 施雪斐, 陈佳乐, 张建忠, 宋欣阳, 肇红 (Ши Сюэфэй, Чэнь Цзяле, Чжан Цзяньчжун, Сун Синьян, Чжао Хун). 俄罗斯中医药服务贸易发展现状 (Состояние развития российской торговли услугами традиционной китайской медицины) [J] // *International Journal of Traditional Chinese Medicine*. — 2019. — № 41(2). — С. 107–110. doi: 10.3760/cma.j.issn. 1673-4246.2019.02.001.

Завьялова Анастасия Витальевна

Санкт-Петербургский государственный университет
zavjalova-av@mail.ru

РОССИЙСКО-ИСПАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ТУРИЗМА КАК АСПЕКТ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С 2014 ПО 2019 ГГ.

RUSSIAN-SPANISH COOPERATION IN TOURISM AS AN ASPECT OF HUMANITARIAN COOPERATION IN 2014–2019

Аннотация. В статье на основе разнообразных документов с привлечением статистических данных рассматриваются туристические связи России и Испании с 2014 по 2019 год. В исследовании рассмотрены важные и наиболее интересные примеры туристических связей двух стран, показана динамика двусторонних связей, отмечены проблемы развития туристических контактов.

Ключевые слова: внешняя культурная политика, российско-испанское гуманитарное сотрудничество, Испания, Россия, туризм.

Abstract. The article examines the tourist relations between Russia and Spain from 2014 to 2019 on the basis of various documents with the involvement of statistical data. The study examines important events in tourism relations between the two countries, shows the dynamics of bilateral ties, and highlights the problems of developing tourist contacts.

Key words: foreign cultural policy, Russian-Spanish humanitarian cooperation, Spain, Russia, the formation of a favorable image of Russia abroad, tourism.

Российскую Федерацию и Королевство Испания связывают десятилетия продуктивных культурных связей. Двустороннее культурное сотрудничество осуществляется в таких сферах, как театр и киноискусство, музейная деятельность, музыка и театр, литературный обмен и др.

Важное значение для двусторонних отношений между Россией и Испанией имеет туризм, причем не только Испания является традиционно популярной для русских туристов, но и Россия стремится повысить свою привлекательность в глазах испанских туристов. В Испании развитый туристический рынок: страна занимает четвертое место в Европейском союзе по числу мест для размещения гостей после Франции, Италии и Великобритании [11]. Популярность испанских курортов обусловлена теплым климатом, живописными пляжами и изысканной гастрономией. Кроме того, Испания — третья страна в мире с наибольшим количеством объектов Всемирного Наследия ЮНЕСКО, а по числу биосферных заповедников страна занимает первое место в мире [9].

Испания заинтересована во въезде российских граждан, так как международный туризм — одна из основных статей бюджета страны, именно поэтому привлечение российских туристов было и является одним из приоритетных направлений сотрудничества по линии Россия — Испания.

Сотрудничество государств в сфере туризма регламентируется такими документами, как Соглашение между правительством Российской Федерации и Королевством Испания о сотрудничестве в сфере туризма [8], Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания [3]. Эти документы закрепляют намерение двух держав способствовать расширению дружественных связей между народами Российской Федерации и Королевства Испания, а также ознакомлению с историей и культурным наследием обоих государств и обмена опытом в сфере размещения и организации туристических программ.

Туризм рассматривается лидерами России и Испании как фактор развития дружбы и сотрудничества между двумя странами, диалог которых является важной составляющей общеевропейского и глобального взаимодействия. Системная поддержка развития туристического обмена оказывается внешнеполитическими ведомствами обоих государств, в том числе учреждениями МИД в Испании.

Туризм — одна из наиболее прибыльных статей российско-испанских экономических отношений, кроме того, выполняет и другую важную задачу, выстраивая мосты между двумя культурами. Однако 2014 год стал поворотным для российского туризма в Испании. Посмотрим на статистические данные.

В таблице приведены статистические данные Института туризма Испании, демонстрирующие динамику изменений туристских поездок в 2014-2019 годах» [12].

Год	Въездные показатели российских туристов в Испании (тыс. поездок)	Въездные показатели испанских туристов в России (тыс. поездок)
2014	1140	90
2015	693	103
2016	789	109
2017	929	110
2018	961	116
2019	1 107	132

В этот период вследствие политики антироссийских экономических санкций наблюдался спад российско-европейского туристического обмена. Согласно данным испанского агентства Frontur, в течение 2014 года поток туристов из России снизился на 9,7 % и составил 2,6 % от общего числа визитов в Испанию, а в 2015 году упал на 40 % [11]. Следствием этого процесса стало банкротство ряда туристических фирм, основным направлением деятельности которых была организация поездок в страны Европейского Союза, однако в целом российско-испанский туристический бизнес упорно стремился удержать свои позиции, сохраняя накопленный потенциал деловых связей, атмосферу дружбы и гостеприимства. Сохранение и развитие туристического обмена между Россией и Испанией обсуждалось на Российско-испанском международном форуме, проходившем 31 октября 2014 года в Малаге [10]. Количественный показатель русских туристов в Испании в 2014 году составил 1 140 тыс. человек, а количество испанских туристов в России в 2014 году — 91 тыс. человек [5].

Соглашение о сотрудничестве между испанским Государственным агентством по туризму Каталонии и российской компанией SBL International Events было подписано 2 декабря 2015 года. Участниками Международного туристского форума в Сочи 24–25 ноября 2016 года были подведены некоторые итоги по их выполнению, в том числе продвижение российского туристического бренда в мире через Национальный маркетинговый центр Visit Russia и открытие за рубежом национальных туристических офисов. В 2016 году начал работу российский офис Visit Russia в Мадриде. Совместный проект Министерства промышленности, энергетики и туризма Королевства Испания и Министерства культуры Российской Федерации «Перекрестный год туризма Испания — Россия, 2016–2017» был открыт концертом звезд русского балета на сцене Мадридской Королевской оперы 5 апреля 2016 года. Ведущими направлениями работы его организаторов стало развитие экспертной деятельности, поддержка журналистов, популяризирующих взаимный туризм, продвижение туристических продуктов в электронных СМИ, участие в международных туристских

выставках и форумах, фестивалях искусств, планирование совместных инвестиций в туристический бизнес и подготовка специалистов в области туристического сервиса. В мероприятия, запланированные в рамках российско-испанского года туризма, вошли также научные семинары и студенческие форумы в университетах Испании и России, в том числе в Российском университете дружбы народов (РУДН) в Москве. В Мадриде в рамках Перекрестного года туризма Россия — Испания была проведена презентация Discover Russia, организованная Федеральным агентством по туризму и компанией «Амадеус», новым стратегическим партнером проекта Visit Russia [6]. Если начало Года туризма Россия — Испания началось с гала-концерта звезд русского балета в Королевском театре «Реал» в Мадриде, то церемония закрытия прошла в Санкт-Петербурге с концертом «Страсть фламенко» одного из наиболее ярких испанских музыкантов Маноло Карраско и церемонией открытия фонтанов в ГМЗ «Петергоф», в рамках которой состоялось театрализованное представление «Путешествие в страну Дон-Кихота» [2].

Следует отметить, что по данным Министерства культуры РФ, число испанцев, посетивших Россию в 2016 году, возросло на 30 % по сравнению с 2014–2015 годом. Наблюдается также возрождение интереса российских туристов к посещению Испании. Данные тенденции получили положительную оценку на форуме «Россия и Испания: сотрудничество в сфере туризма», который состоялся на полях очередной Международной туристической выставки «FITUR» в Мадриде в январе 2017 года [13]. По отчетам организаторов, 37-ую Международную туристическую ярмарку «FITUR-2017» посетили 9 500 организаций, фирм и объединений из 165 стран мира, было зарегистрировано более 125 000 специалистов и 97 000 посетителей. В рамках выставки был презентован национальный туристский продукт Российской Федерации, в том числе маршруты по городам-организаторам Кубка Конфедераций 2017 года и Чемпионата мира по футболу 2018 года с участием представителей городов, принимающих КК 2017 и ЧМ 2018. Организатор презентации — Федеральное агентство по туризму [7].

В 2018 году Чемпионат мира по футболу стал одним из ключевых мероприятий, побуждивших испанцев приехать в Россию, узнать больше о русской культуре и жизни. Главным образом, испанские болельщики были очень довольны поездкой и отзывались о России и ЧМ так: «Мы уже третий раз приезжаем на мировое первенство. Хотелось бы отметить, что Россия прекрасно организовала турнир. Все настолько великолепно, что если была бы такая возможность, то мы бы с радостью здесь остались, однако в Испании нас ждут дела» [1]. Преуменьшать гуманитарное значение ЧМ по футболу было бы неправильно, президент РФ Владимир Путин прокомментировал значение события так: «Такие крупные, массовые международные форумы как чемпионат мира по футболу — это не только зрелище и азарт, это и отличная возможность для миллионов людей обрести новые знания о разных народах и их традициях, найти новых друзей. Понять, что в других странах, так же, как и в своей собственной, живут такие же добрые, увлеченные, открытые люди, и все они хотят жить в мире, общаться, ездить друг к другу в гости, вместе смотреть и вместе играть в футбол» [4].

Задача стратегии Испанского института туризма “Туэспайа” на российском рынке состоит в привлечении туристов, которые задают тенденцию интереса к разнообразным видам туристического продукта в Испании. Для осуществления основных составляющих данной стратегии в течение 2019 года было запланировано проведение мероприятий, направленных на: усиление узнаваемости Испании как туристического направления среди конечного потребителя и профессионалов; на взаимодействие с игроками российского туристического сектора в Москве, Санкт-Петербурге и в других городах России, со СМИ и авиакомпаниями; на сотрудничество с испанским туристическим сектором в семинарах и воркшопах, направленных на клиентов с высокой покупательской способностью.

Можно сделать вывод о том, что политика популяризации России как туристического направления, программа годов России в Испании и Испании в России работает.

Таким образом, туризм — это одно из основных направлений экономического сотрудничества России и Испании, которое независимо от действующих ограничений активно развивается. Посещая Испанию, россияне непосредственно познакомились с ее природой, культурой и искусством, индустрией развлечений, национальной кухней, а также с повседневной жизнью испанцев, что создавало объективные представления о стране в целом, способствуя расширению российско-испанского культурного диалога. В сравнении с данными 2014 года, мы видим сначала резкий спад, а затем постепенный рост показателей числа российских туристов в Испании. Из минусов, отмеченных пешеходными испанскими туристами, посещающими российские города, можно перечислить: недостатки сервиса, пробки на трассах, низкие зарплаты большей части населения, заметное социальное расслоение. Тем не менее, русская культура всегда ценилась в Испании. Например, вызывают восхищение достижения России в науке, искусстве, спорте и образовании. Великая русская классическая литература всегда была связующим звеном между культурными кругами обеих стран. Культурные достижения России действительно могут стать основой развития современных туристических связей России и Испании.

Список использованных источников и литературы

1. Болельщики сборной Испании восхищаются Москвой и организацией чемпионата мира // Информационное агентство «ТАСС» [Электронный ресурс]. — URL: <https://worldcup2018.tass.ru/articles/5338395> (дата обращения: 06.03.2022).
2. В Санкт-Петербурге состоялось торжественное закрытие Года российско-испанского туризма // Информационный портал и Центр услуг в Испании «Испания по-русски» [Электронный ресурс]. — URL: <https://espanarus.com/ru/news/article/606820> (дата обращения: 06.03.2022).
3. Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания [Электронный ресурс]. — URL: <https://spain.mid.ru/documents/1803126/29300554/5.pdf/92f40d6b-f6b1-4141-853c-9317e040108c> (дата обращения: 12.03.2022).
4. Заседание 68-го конгресса ФИФА // Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57738> (дата обращения: 12.03.2022).
5. Новости Туризма в Испании. Выставки в Испании. Туристическая выставка ФИТУР 2017 FITUR 2017 в Мадриде 18–22 января 2017 года // МадридРус [Электронный ресурс]. — URL: <https://madridrus.com/2017/01/14/%d0%bd%d0%be%d0%b2%d0%be%d1%81%d1%82%d0%b8-> (дата обращения: 16.06.2021).
6. Ростуризм и «Амадеус» провели в Мадриде презентацию Discover russia // Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. — URL: <https://tourism.gov.ru/news/10645/> (дата обращения: 06.04.2022).
7. РФ в рамках выставки Fitur представила более 120 туристических маршрутов // РИА Новости от 18.01.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20170118/1485989250.html> (дата обращения: 06.04.2021).
8. Соглашение между правительством Российской Федерации и Королевством Испания о сотрудничестве в сфере туризма // Сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-2/45860?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 17.04.2020).
9. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств // Russia Tourism [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya->

- informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiyey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok/ (дата обращения: 31.05.2020).
10. Таблица показателей въезда и выезда между РФ и странами ЕС за 2014 год // Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/pokazateli-vezda-i-vyezda-mezhdu-rossiyskoy-federatsiyey-i-stranami-es/> (дата обращения: 17.04.2020).
 11. España y Rusia frente a los nuevos desafíos globales (coordinador: Petr Yákovlev). — Moscow, IILAN, 2016. — 270 с.
 12. Frontur. Annual information // Официальный сайт Instituto de turismo de España. [Электронный ресурс]. — URL: <http://estadisticas.tourspain.es/en-EN/estadisticas/frontur/informesdinamicos/paginas/anual.aspx> (дата обращения: 06.03.2020).
 13. Spain — International tourism receipts // Knoema [Электронный ресурс]. — URL: <https://knoema.com/atlas/Spain/Tourism-receipts> (дата обращения: 20.12.2019).

Иванова Наталья Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
natalia.ivanova22@mail.ru

РОЛЬ МЕСТ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ГОРОДА

ROLE OF THE PLACES OF MEMORY IN BUILDING THE IMAGE OF THE CITY

Аннотация. В статье рассматривается концепция мест памяти французского историка Пьера Нора и ее эмпирическое применение. Автором затронуты политологические и культурологические аспекты образа города и территориальный брендинг. Приводится анализ влияния мест памяти на формирование образа города и актуальность этой проблематики для современной России.

Ключевые слова: места памяти, историческая память, образ города, территориальный брендинг, бренд города.

Abstract. The article gives an image of the concept of places of memory by French historian Pierre Nora and its empirical application. The author shows political and cultural aspects of the image of the city and territory branding. The research aims to investigate the influence of places of memory on the building the image of the city and the relevance of this issue for modern Russia.

Key words: places of memory, historical memory, image of the city, territory branding, city branding.

В современных международных отношениях «мягкая сила» [5] является одним из ведущих методов реализации внешней политики государств, в том числе и для России [12]. Значимым аспектом «мягкой силы» России является создание образа страны за рубежом, что также включает в себя брендинг городов России. Обладая богатой историей, Россия стремится сохранять память о национально значимых событиях, местах и персоналиях. Память — это способ конструирования людьми своего прошлого.

Память может изучаться автобиографически:

- как свидетельства людей, переживших некий опыт; как репрезентации в виде конструирования прошлого в культуре через книги, фильмы, памятники;
- как коллективная память нации о некоем опыте;
- как политика государств в сфере коммеморации, т. е. политика памяти.

В современном обществе роль памяти и памятных мест актуализируется в связи с переизбытком информации и утратой понимания, что из истории должно сохраняться. Это провоцирует ощущение утраты, которое приводит к доминированию памяти над историей. Именно память в современном обществе конструирует идентичность, поэтому культурная память и памятные места определяют культурный облик стран и городов. Однако влияние исторической памяти на территориальный брендинг практически не изучено. Автор считает необходимым проанализировать роль мест памяти в формировании образа города.

Первая волна исследований памяти пришлась на 1920–1940-е годы и связана в первую очередь с именами французского философа и социолога Мориса Хальбвакса [14] и британского психолога Фредерика Бартлетта [1], изучавших феномен памяти и формирования коллективной памяти. М. Хальбвакс, развивая идеи Дюркгейма о коллективных представлениях, разделил память на индивидуальную и коллективную, обозначив существование «большой» памяти обществ и цивилизаций. В своих работах Хальбвакс также анализировал соотношение истории и памяти, вводя термин «историческая память». Вторая волна memory studies приходится на 1980-е годы, когда тема коммеморации активно входит в дискурс социальных и гуманитарных дисциплин в европейских университетах, начинается ее институциональное развитие.

Здесь особое место занимает исследование природы французской национальной идентичности ученика М. Хальбвакса, французского историка Пьера Нора под названием “Les lieux de mémoire” («Места памяти») [6]. Издание в семи томах на более чем пяти тысячах страниц рассматривает значимые события, места и персоналии в истории Франции с точки зрения коллективной памяти. Тома издавались с 1984 по 1992 гг., и в них вошло 128 статей за авторством почти ста двадцати ученых. Первая часть этого энциклопедического издания посвящена Республике (La République), вторая — нации (La Nation), третья — Франции (La France). Каждая часть разделена на четыре рубрики: региональное, религиозное, социальное и политическое. Это масштабное издание стало первым исследованием влияния памятных мест на формирование городской идентичности и национального имиджа.

По П. Нора, место памяти — это любое значимое явление, вещественное или нематериальное, которое приобрело статус символа в мемориальном наследии сообщества. Пьер Нора пишет: «Места памяти в сущности есть не что иное, как следы, обряды, сохранившиеся в культуре, где не осталось никаких ритуалов, мимолетные вторжения сакральных сил в мир, где больше не действуют законы магии, осколки местечковых привязанностей и симпатий в обществе, решительно избавляющемся от любых проявлений местечковости» [7, с. 8]. Места памяти — это кристаллизация истории, материальное или символическое выражение коллективной памяти. Например, Красная площадь в Москве как место памяти об исторических событиях пяти веков для россиян и как самый узнаваемый символ России за рубежом.

Примерами исследования мест памяти в российском пространстве является французский проект «Места памяти русской истории» под руководством историка Георга Нива в соавторстве с российскими историками и филологами [4]. Первый том был издан в 2007 году и рассматривал российские материальные места памяти: города, музеи, церкви, университеты, места воинской славы, и символическое место памяти — русский православный литургический год. Однако проект не был реализован до конца и был заморожен после издания первого тома. Другим примером изучения места памяти является исследование немецкого историка Беньямина Шенка об Александре Невском под названием «Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000)» [15]. Б. Шенк рассматривает изменения в истории памяти об Александре Невском с XIII в. по конец XX в. Эти изменения он описывает как «движение интерпретаций, смысловых «уплотнений», «смещений» и «выпадений», а также как воспоминания и забвения, отражающие изменения в самоописании «мы-группы» (“Wir-Gruppe”) [15, с. 10].

Единицей сохранения памяти является город как пространство формирования первичной идентичности и нравственных ориентиров. Понятие города в социальных науках многогранно и может быть рассмотрено с культурологической, политической, филологической и географической точек зрения. Политологами город рассматривается как «прежде всего центр власти в политическом пространстве страны и региона, где в наиболее сконцентрированной форме осуществляется воспроизводство и реализация качественных характеристик территории» [8, с. 3].

Город как культурологический концепт включает в себя историю нации и региона, архитектурно-градостроительную реальность, властно-политическое и социально-антропологическое измерение. В культурологическом дискурсе образ города воспринимается как символическое пространство и транслятор значимых ценностей и культурных кодов на региональном и национальном уровнях. Российский краевед профессор И. В. Гревс так говорил о городском пространстве: «Города — это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов» [9, с. 21].

Понимание города как культурного пространства тесно связано с понятием брендинга. Бренд города — это впечатление, которое производит город на целевую аудиторию, сумма материальных и символических элементов, составляющих уникальность города [3]. У образа города есть два измерения: внутренний — то, как город воспринимают сами горожане

и их сограждане, это во многом эмоциональный образ, так называемая «душа» города; и образ внешний — то, каким город воспринимают зарубежные гости города. Так, носителем бренда, с одной стороны, может являться сам город и городское сообщество, с другой стороны, при рассмотрении бренда города как впечатления или набора представлений о нем, носителем бренда может выступать его «потребитель» [9]. Эту разницу можно обозначить понятиями городской идентичности и имиджа города, которые влияют друг на друга и определяют бренд города в его целостности, т. е. бренд города — это идентичность города, отраженная в его имидже.

Глава Международной ассоциации территориального брендинга Роберт Говерс пишет об «истинной идентичности города» (true city identity), которую определяет как «совокупность всех уникальных характеристик и смыслов, которыми обладает город и которые создают его культурную жизнь» [2, с. 52]. Значительную часть культурной жизни города составляют места памяти — пространства, в которых кристаллизуются значимые или травматические события жизни города и страны. Это значимые пространства и места воинской славы, символические пространства персоналий и объектов искусства. Многие архитектурные памятники одновременно являются местами памяти, ведь исторические события протекают через них, и горожане сохраняют память, материализуя ее в этих местах памяти. Это может быть сохранение архитектурного памятника, создание монумента, или, когда речь идет о символическом месте памяти, основание музея. Именно места памяти составляют наследие общности, что является цивилизационной и культурной основой формирования образа города. В сфере внутренней культурной политики России остаётся приоритетным сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования [13]. Так раскрывается актуальность исторической политики в формировании имиджа России.

Понимание формирования образа города на основании исторической памяти также актуально для российской внешней культурной политики. Согласно Концепции внешней политики РФ от 12.02.2013 г., одним из приоритетов России в международном гуманитарном сотрудничестве является работа над созданием положительного образа России [11], однако в обновленной концепции от 30.11.2016 г. этот тезис отсутствует [12]. Это изменение связано с переменами на международной арене в связи с событиями 2014 года и их последствиями, что привело к смене внешнеполитических интересов России в сторону национальной безопасности.

Таким образом, концепция мест памяти может быть рассмотрена как базис формирования образа города, что соответствует внутренне- и внешнеполитическим интересам России по укреплению положительного имиджа страны за рубежом.

Список использованных источников и литературы

1. *Агишева О. В.* Образ города в политической динамике: дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02. — Томск, 2008. — 214 с.
2. *Гревс М.* Монументальный город и исторические экскурсии. «Экскурсионное дело» / Под ред. проф. И. И. Полянского и акад. В. М. Шимкевича. — Петроград, 1921.
3. *Зинкевич О.* Территориальный брэндинг. Hot list. Исследование городов-брендов [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.marketer.ru/adv/brending/territorialnyj-brending-hot-list-issledovanie-gorodov-brendov/> (дата обращения: 01.04.2022).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 г. (утратила силу на основании Указа Президента РФ № 640 от 30.11.2016 г.). — URL: <https://base.garant.ru/70318094/> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ № 640 от 30.11.2016 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 01.04.2022).

7. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.
8. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с.
9. Bartlett F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology. — Cambridge University Press, 1932. — 317 p.
10. Govers R., Go F. Place Branding. Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced. — L.: Palgrave Macmillan, 2009.
11. Moilanen T., Rainisto S. How to Brand Nations, Cities and Destination. — L.: Palgrave Macmillan, 2009.
12. Nivat G., éd. Les sites de la mémoire russe. Tome 1: Géographie de la mémoire russe. — Paris: Fayard, 2007. — 856 p., ill.
13. Nora P. (Ed.). Les Lieux de mémoire. I. La République; II. La Nation; III. Les Frances. — Paris, 1984—1992.
14. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations, No. 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory. (Spring, 1989).
15. Nye J. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. 2004.

Козицкий Гарсия Катерина (Испания)

Санкт-Петербургский государственный университет
st088097@student.spbu.ru

ФЛАМЕНКО КАК ПРИМЕР НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО В КОРОЛЕВСТВЕ ИСПАНИЯ И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FLAMENCO AS AN EXAMPLE OF UNESCO INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN THE KINGDOM OF SPAIN AND ITS DIFUSSION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматривается нематериальное культурное наследие Королевства Испания в ЮНЕСКО. В исследовании анализируется искусство фламенко, отмечаются дискуссии происхождения данного вида творчества. Особое внимание в статье уделяется популяризации и продвижению фламенко в разных странах мира, в том числе и в России.

Ключевые слова: фламенко, нематериальное культурное наследие, ЮНЕСКО, Королевство Испания, Российская Федерация.

Abstract. The article examines the intangible cultural heritage of the Kingdom of Spain in UNESCO. The study analyzes the art of flamenco, and discusses the origin of this type of creativity. Independent attention in the article is paid to the popularization and promotion of flamenco in different countries of the world, including in Russia.

Key words: flamenco, intangible cultural heritage, UNESCO, Kingdom of Spain, Russian Federation.

Королевство Испания принимает участие в проекте сохранения нематериального культурного наследия ЮНЕСКО с 2008 года, когда стал формироваться «Список нематериального культурного наследия человечества» [15] и когда в 2009 году была представлена «Регистрация надлежащей практики охраны объектов наследия» [13]. На 2022 год Королевство Испания зарегистрировало 17 нематериальных культурных объектов и 3 практики охраны нематериального наследия. Страна занимает лидирующие позиции в списке нематериального культурного наследия ЮНЕСКО и делит почетное пятое место с Турцией, которая представила и официально зарегистрировала 20 нематериальных объектов. Отметим, что возглавляют Список такие страны, как Китай (42), Франция (23), Япония (22) и Южная Корея (21) [12].

Список «нематериального культурного наследия» Королевства Испания отличается разнообразием и включает [14]:

— «Патум де Берга» (2008): театральные представления и парады персонажей во время Корпус-Кристи, проводимые в барселонском муниципалитете Берга со времен средневековья;

— «Мистерио де Эльче» (2008): священная музыкальная драма о Мадонне, которая представляется с XV века в Эльче, Валенсия.

— «Суды оросителей Испанского Средиземноморья: Совет добрых людей Уэрта-де-Мурсия и Суд вод Уэрта-де-Валенсия» (2009): обычные правовые институты управления водными ресурсами, которые возникли в Аль-Андалусе;

— «Ель Сильбо Гомеро, свистящий язык острова Гомера. Канарские острова» (2009): язык, который воспроизводится только с помощью свиста;

— «Кастельс» (2010): человеческие башни, обычно возводимые во время праздников в городах и поселках Каталонии;

— фламенко (2010): художественное выражение, результат слияния вокальной музыки, искусства танца и музыкального сопровождения;

— «Канто де ла Сибила де Майорка» (2010): пение, которое исполняется во время ремесла утреннего рождественского бдения в церквях острова Майорка;

— «Фестиваль Маре де ла Салют Альгемеси» (2011): праздник, состоявшийся в муниципалитете Альгемеси, в Валенсии, характерный для его театральных представлений, шествий и формирования человеческих башен;

— «Фиеста де лос патиос де Кордова» (2012): праздник в городе Кордова, характерный украшением цветами и растениями дворов частных домов, открытых для публики, в то время как исполняются песни и танцы фламенко;

— «Средиземноморская диета» (2013);

— «Огненные праздники Пиренейского летнего солнцестояния» (2015): празднование в ночь Святого Иоанна в Пиренейском регионе;

— «Культурное пространство фестиваля Фальяс Валенсии» (2016): традиционный праздник Валенсии, характеризующийся строительством огромных скульптур (фальяс), вдохновленный политическими и социальными событиями;

— «Традиционное искусство сухой кладки стен» (2018);

— «Тамборадас, ритуалы барабанного удара» (2018): интенсивные ритуальные удары, тысячи длительных барабанов, которые многократно удваиваются в деревнях и городах;

— «Ремесленные процессы для изготовления Талавера де Пуэбла и Тласкала (Мексика) и керамики Талавера де ла Рейна и Моста Архиепископа (Испания)» (2019);

— «Лос кавальёс дель вино» (2020): конный праздник в городе Карвака-де-ла-Крус;

— «Соколиная охота, живое человеческое наследие» (2021).

Кроме того, следует отметить, что в настоящее время номинированы еще два объекта нематериального наследия («мадерада» и «тимбре мануаль»), которые ждут своего внесения в авторитетный Список международной организации ЮНЕСКО [14].

Многие объекты нематериального наследия Испании, возможно, не известны широко в мире. Однако в списке есть исключения, памятники, которые ассоциируются с культурой страны и популярны в разных странах. Речь идет, прежде всего, об искусстве фламенко, которое всегда было связано со стереотипными представлениями об Испании наряду с такими явлениями как «футбол», «быки», «солнце», «пляж» [10]. Однако, несмотря на то что фламенко известно во всем мире, по-прежнему существует много вопросов о происхождении и распространении данного уникального музыкального и театрального искусства. Исследователи стремятся понять природу происхождения фламенко и представляют различные версии. Исследователь Блас Инфанте [4] утверждает, что слово “flamenco” происходит от арабского “Felah-Mengus”, означающего странствующего крестьянина. Существуют и другие версии происхождения фламенко, а именно, “flamenco” — это нож, или “flamenco” — это житель Фландрии. Причем, последняя версия становится все более популярной, так как проводники фламенко — цыгане, пришли в Испанию в том числе из Фландрии [4].

Есть версия, что цыгане также пришли в Испанию в XV веке из Индии и обосновались затем в Андалусии, где и происходило становление фламенко. Стоит отметить, что регион Андалусии весьма уникален. Он является местом пересечения многочисленных культур и народов (в том числе евреев, арабов, христиан или цыган), что могло повлиять на развитие фламенко [8, с. 628]. Стоит отметить, что первые письменные упоминания о фламенко можно найти еще в XVII веке в произведении М. Сервантеса «Цыганка» [8, с. 629].

История фламенко доказывает, что этот вид творчества сформировался под влиянием многих национальных традиций, которые придают ему особенный характер. Фламенко передает чувства «любви, горя, радости и печали, борьбы, упрека, претензии», которые формируются благодаря пению, танцу и игре на гитаре [8, с. 629].

В XVIII веке появились первые артисты фламенко, которые выступали на вечеринках. Во второй половине XIX века были созданы так называемые “cafés cantantes” — поющие кафе, где выступали профессиональные артисты фламенко и тем самым способствовали его популяризации в мире.

В начале XX века искусство фламенко покоряет Европу. Спектакли были представлены в столице Франции Париже. В это же время появляются первые оперы фламенко —

“óperas flamencas”, открывается кафедра фламенкологии Херес-де-ла-Фронтера, деятельность которой была направлена на сохранение оригинального искусства. Затем был создан Национальный конкурс искусств фламенко [8].

В России интерес к искусству фламенко стал проявляться еще в XIX веке благодаря путевым заметкам и очеркам, опубликованным путешественниками, побывавшими в Испании. В это время, по словам академика М. П. Алексеева, начинается период русского «испанофильства». В XIX веке испанские танцы в России включают в программу классических балетов. Испанский фольклор становится основой классических музыкальных произведений. М. И. Глинка в 1845 году в Мадриде пишет свою «Арагонскую Хоту», а Н. А. Римский-Корсаков в 1887 году в Санкт-Петербурге исполняет свое знаменитое «Испанское каприччо» [1, с. 4547].

В 1915 году Сергей Дягилев в рамках спектаклей антрепризы «Русские сезоны» представляет в Париже балет «Треуголка», или «Коррехидор и мельничиха» (композитор М. Де Фалья, балетмейстер Л. Мясин, художник П. Пикассо). Также следует упомянуть о включении танцев фламенко с 1920 года в классические балеты М. М. Фокина и А. А. Горского [1, с. 4547].

С началом гражданской войны в Испании искусство фламенко на некоторое время предается забвению. Однако через несколько десятилетий возрождается не только на родине, но и в других странах. В России в Большом театре в 1967 году был поставлен балет «Кармен-сюита» в исполнении Майи Плисецкой на музыку Жоржа Бизе в аранжировке Р. Щедрина. С этого балета начинается новый этап продвижения испанской культуры и искусства фламенко, которое вызывает значительный интерес у музыкантов, исполнителей и зрителей. В 1984 году известный артист и балетмейстер В. Клейменов в СССР создал Московский театр танца фламенко, представив программу «Танцы фламенко. Песни и танцы русских цыган». Программа вызвала значительный интерес у советской и зарубежной публики. Ранее В. Клейменов создавал спектакли фламенко в Московском театре «Ромэн» [1, с. 4548].

Большая роль в популяризации культуры фламенко в СССР отводится хореографу Игорю Моисееву, который поставил яркие испанские танцы: «Испанскую балладу» и «Арагонскую хоту» на музыку М. И. Глинки. Танцы И. Моисеева в стиле фламенко и сегодня включены в репертуар Государственного академического ансамбля народного танца имени Игоря Моисеева [1, с. 4548].

Также стоит отметить, что искусство фламенко в СССР завоевало сердца зрителей благодаря фильмам испанского режиссера Карлоса Сауру («Кармен», 1983; «Кровавая свадьба», 1981), а также знаменитому гитаристу Пако де Люсия, который в 1986 году успешно провел свой первый тур по СССР. Один из его концертов транслировался по центральному телевидению, а звукозаписывающая компания «Мелодия» выпустила диск с композициями известного гитариста [9]. В 80-е годы XX века в СССР приезжают на гастроли балет фламенко “Antonio&Rosaria”, балет Марии Росса и Антонио Гадеса [1, с. 4549].

С конца XX века в России начинают появляться студии и школы фламенко, театры и фестивали [1, с. 4549]. В настоящее время существуют более двадцати школ фламенко в различных российских городах. По оценкам исследователей, только в Москве сегодня насчитывается более 15 студий фламенко [11], среди которых выделяется своими большими размерами (1 050 кв. м) и международным признанием Дом фламенко «Фламенкерия» [7], который был открыт в 2008 году. Эта школа получила престижную награду «Орден гражданских заслуг» от короля Филиппа VI в 2018 году. Именно Дом фламенко «Фламенкерия» с 2011 года отвечает за организацию самого важного фестиваля фламенко в России “Viva España!” [7], который существует с 2000 года, а с 2006 года имеет статус международного фестиваля [6]. Последний фестиваль состоялся с 13 по 21 ноября 2021 года в Москве, Санкт-Петербурге и Калуге [2]. Среди других фестивалей можно упомянуть «Северный фламенко» в Санкт-Петербурге (с 2000 года) [1, с. 4548], «Дальневосточный региональный фестиваль фламенко» (организованный Театром фламенко “Beso del Fuego” с 2013 года) [1, с. 4547] или «Фестиваль фламенко над Волгой» (организованный с 2015 года в Санкт-Петербурге) [3].

Анализируя вопросы, связанные с распространением фламенко в России, становится очевидным, что этот танец перестал быть исключительно национальным искусством Испании. В России фламенко имеет своих горячих поклонников и последователей и уже давно обогащает культуру РФ. Очевидно, что только будущее покажет, сохранится ли фламенко, это ценное нематериальное наследие человечества, в новом столетии в мире и в России. Однако нельзя не отметить, что деятельность ЮНЕСКО будет способствовать сохранению и популяризации этого яркого, эмоционального и зажигательного искусства.

Список использованных источников и литературы

1. Кучеренко А. Л. Исторические аспекты исследования распространенности танца фламенко в России // *Фундаментальные исследования*. — 2015. — № 2–20. — С. 4547–4551 [Электронный ресурс]. — URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38110> (дата обращения: 09.04.2022).
2. Министерство культуры Российской Федерации. В трех городах пройдет XX Международный фестиваль фламенко “¡Viva España!” (2021) [Электронный ресурс]. — URL: http://culture.gov.ru/press/announcement/v_trekh_gorodakh_proydet_xx_mezhdunarodnyu_festival_flamenco_viva_espa_a/ (дата обращения: 10.04.2022).
3. Фестиваль «Фламенко над Волгой». Фламенко: Великие гитаристы, великие танцоры, премии в области танца и музыки фламенко. (2022). *Recuperado 10 de abril de 2022* [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cantaor.ru/festival-flamenco-nad-volgoy.html> (дата обращения: 09.04.2022).
4. Goldberg K. M., Bennahum N. D., Heffner Hayes M. *Flamenco on the Global Stage: Historical, Critical and Theoretical Perspectives*. McFarland, 2015. [Электронный ресурс]. — URL: <https://proxy.library.spbu.ru/login?url=https://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=nlebk&AN=1076884&lang=ru&site=eds-live&scope=site> (дата обращения: 09.04.2022).
5. El flamenco arrasa en Moscú // ABC. 2012. 29 de octubre [Электронный ресурс]. — URL: https://www.abc.es/internacional/abcp-flamenco-arrasa-moscu-201201310000_noticia.html (дата обращения: 09.04.2022).
6. Festival Internacional de Flamenco “Viva España” (Rusia) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.flamencotickets.com/es/festival-internacional-de-flamenco-viva-espa%C3%B1-rusia> (дата обращения: 10.04.2022).
7. Flamenquería. La casa del flamenco “FLAMENQUERIA”. (2022) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.flamenqueria.ru/> (дата обращения: 09.04.2022).
8. Lara S. M., Fuentes J. M. A., & Torre G. M. V. *de la*. El arte flamenco, desde su origen hacia la internacionalización // *Revista de Fomento Social*. 2017. April. P. 628–635. [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.32418/rfs.2017.287-288.146> (дата обращения: 09.04.2022).
9. Paco de Lucía, aclamado en Moscú // *El País*. 1986. 16 julio [Электронный ресурс]. — URL: https://elpais.com/diario/1986/07/16/cultura/521848806_850215.html (дата обращения: 07.04.2022).
10. Real Instituto Elcano. 7ª Oleada Barómetro Imagen de España, febrero-marzo 2017. (2017). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/encuestas/7a-oleada-barometro-imagen-de-espana-febrero-marzo-2017/> (дата обращения: 10.04.2022).
11. Russia Beyond. Laura Segovia, exportadora de flamenco. (2012) [Электронный ресурс]. — URL: https://es.rbth.com/articles/2012/04/21/laura_segovia_exportadora_de_flamenco_16916 (дата обращения: 07.04.2022).
12. UNESCO (2022). Browse the Lists of Intangible Cultural Heritage and the Register of good safeguarding practices. [Электронный ресурс]. — URL: [https://ich.unesco.org/en/lists?text=&country\[\]=00069&multinational=3&display1=inscriptionID](https://ich.unesco.org/en/lists?text=&country[]=00069&multinational=3&display1=inscriptionID) (дата обращения: 10.04.2022).
13. UNESCO — Good Safeguarding Practices [Электронный ресурс]. — URL: <https://ich.unesco.org/en/register> (дата обращения: 27.03.2022).
14. UNESCO (2022). UNESCO Intangible Heritage — Spain [Электронный ресурс]. — URL: <https://ich.unesco.org/en/state/spain-ES?cp=ES&topic=es-estado> (дата обращения: 28.03.2022).
15. World Heritage site—The international conservation movement. *Encyclopedia Britannica*. (2022) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.britannica.com/topic/World-Heritage-site> (дата обращения: 27.03.2022).

Котова Анна Леонидовна

Санкт-Петербургский государственный университет

kotovaanna122@gmail.com

ФЕНОМЕН ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

THE PHENOMENON OF LINGUISTIC DIPLOMACY AS A THEORETICAL PHENOMENON

Аннотация. В статье анализируется новое направление, возникшее в дипломатии относительно недавно и приобретающее новое значение в современном глобализирующемся мире. Автор рассматривает определения лингвистической дипломатии, формы и инструменты данного направления, а также определяется, какие цели оно в себе несет. В конце автор приходит к выводу, что новое направление дипломатии не исследовано в отдельном аспекте от культуры.

Ключевые слова: лингвистическая дипломатия, языковая политика, международные отношения, культура, глобализация.

Abstract. The article analyzes a new direction that has emerged in diplomacy relatively recently and is gaining new importance in today's globalizing world. The author considers the definitions of linguistic diplomacy, the forms and tools of this direction, and what goals it carries. In the end, the author comes to the conclusion that the new direction of diplomacy has not been explored in a separate aspect from culture.

Key words: linguistic diplomacy, language policy, international relations, culture, globalization.

В современном мире, особенно в политике, мы можем наблюдать огромное количество событий, проблем, таких как информационные войны, энергетические повестки, военные операции, международные форумы. Для того чтобы обсудить или решить данные вопросы, нам нужен язык, и порой даже не родной. Как только глобализация начала набирать обороты в конце XX века, на передний план вышла политика мультилингвизма. Страны стали выступать за языковое многообразие и самое главное — за сохранение своих родных языков, противостоя общей унификации языкового аспекта, а именно, владению английским языком. Поэтому в последние десятилетия многие государства все больше стремятся к осуществлению лингвистической дипломатии для популяризации своих официальных языков. Можно сразу оговориться, что определения понятия «лингвистическая дипломатия» нет. Но одним из подкрепляющих факторов осуществления лингвистической дипломатии будет являться «языковая политика».

Для того чтобы вывести общее определение для понятия «лингвистическая дипломатия», рассмотрим сначала, что представляет собой именно языковая политика, так как данные определения тесно связаны друг с другом. Так, например, французский лингвист Л.-Ж. Руссо определял языковую политику как «любые решения, принимаемые государством или любым другим имеющим на это право социальным органом, направленные на использование одного или нескольких языков на данной территории, реальной или виртуальной, и регламентирование его или их употребления» [8, с. 97]. Еще одно удачное определение дают российские филологи В. И. Беликов и Л. П. Крысин. По их мнению, языковая политика является «практическими мерами государства, касающимися статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования государственного языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения «местных» языков» [1, с. 263]. Также следующее объяснение языковой политики дает доктор филологических наук из Санкт-Пе-

тербургского государственного университета М. А. Марусенко. На его взгляд, языковая политика — «систематические рациональные меры, основанные на теоретическом анализе, применяемые ко всему обществу и направленные на решение языковых проблем с целью повышения всеобщего благоденствия. Руководство языковой политикой осуществляют государственные власти или их уполномоченные; она касается всего населения, находящегося под их юрисдикцией, или какой-либо его части» [4, с. 159]. Несмотря на то, что языковая политика — это меры, которые государство или интеграционное объединение обычно осуществляет в отношении языка на внутривнутриполитическом уровне, то от общих направлений данной политики можно вывести дипломатию, которую необходимо продвигать за пределами действующего субъекта. Поэтому, объединяя различные формулировки понятия «языковая политика», автор мог бы дать следующее определение лингвистической дипломатии. Лингвистическая дипломатия — это совокупность мер, которые предпринимают государства для продвижения своих официальных языков на международной арене.

Однако возникает вопрос, какие цели может нести лингвистическая дипломатия в современном мире. Во-первых, любой язык играет особую важную роль в культуре страны. Именно в нем отображаются все культурные ценности, традиции, историческая память, накопленные его народом столетиями. В связи с глобализацией и языковой унификацией язык является именно тем фактором, который демонстрирует государственность каждой страны и ее влияние в мировой политике. Во-вторых, сквозь призму языка каждое государство может улучшить свой имидж в мире, особенно через людей, знающих язык и осуществляющих взаимодействие со СМИ страны. Язык и культура — два дополняющих фактора, которые позволяют понять другой народ. Языковой аспект позволяет заполнить вакуум, образовавшийся в многосторонней дипломатии между странами. Вопрос всегда стоит только в том, каким образом можно популяризовать любой язык. В-третьих, продвижение языка какой-либо страны на международной арене может способствовать укреплению позиций государства в мире, увеличению экономических контактов за рубежом (с иностранцами, знающие язык), приросту человеческого капитала (люди, знающие язык, больше склонны работать в соответствующей стране), экономической прибыли за счет «языковой индустрии» (более высокие продажи материалов для обучения и услуги, связанные с языком) и укреплению национальной идентичности (высокий международный авторитет языка является предметом гордости нации и ее культуры) [11].

К сожалению, сегодня можно продолжать наблюдать сокращение изучения многих языков и впоследствии их исчезновение. Согласно статистике интерактивного Атласа исчезающих языков мира, опубликованного ЮНЕСКО, в качестве примера можно выделить язык коро. На нем говорят приблизительно 1000 жителей района Восточный Каменг штата Аруначал-Прадеш в Индии, но он уже не имеет даже письменности.

Исходя из этого, все чаще и чаще ООН поднимает проблему языкового многообразия на мировой арене. Заместитель Генерального секретаря и Высокий представитель по наименее развитым странам, развивающимся странам, не имеющим выхода к морю, и малым островным развивающимся государствам Ф. Утоикаману в своей статье отмечает, что, например, в Тихоокеанском регионе насчитывается 1300 языков, «на каждом из которых говорит в среднем по 1 тыс. человек» [9]. Кроме того, уже многие люди в этой местности перешли на английский. Из этого следует, что большое количество языков под влиянием глобализации может с легкостью исчезнуть, в том числе и сама культура народа. Поэтому многие государства сейчас стремятся проводить языковую политику и осуществлять лингвистическую дипломатию, прописывая их основные концепции и методы реализации.

Самой главной концепцией, которая заложила фундамент языкового многообразия в мире и выступает за сохранение языков вне зависимости от пола, религии или расы, является статья 55 пункт 2 Устава ООН. Она гласит: «С целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединен-

ных Наций содействует разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и подобных проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования» [10]. Также ещё одним немаловажным документом является Декларация принципов международного культурного сотрудничества, принятая 4 ноября 1966 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [2]. Напрямую в ней не сообщается про языки, но говорится про культуру и образование, что непосредственно также относится к лингвистической дипломатии. Поэтому исходя из данных источников, становится очевидным, что для осуществления лингвистической дипломатии нужны еще такие теоретические аспекты как формы и инструменты.

Под формами лингвистической дипломатии, как правило, понимается несколько её видов. Она может включать в себя сочетания с другими формами или направлениями дипломатии: публичная, народная, цифровая и экономическая. С точки зрения публичной дипломатии лингвистическая дипломатия способствует продвижению национальных интересов, «ценностей для широкой общественности, создание позитивного имиджа страны и улучшение отношений между народами» [7]. В контексте народной дипломатии лингвистическая дипломатия выступает как «непрерывный процесс общения, взаимного познания народов, взаимовлияния и взаимообогащения культур» [3]. На основании экономической дипломатии лингвистическая дипломатия может способствовать укреплению торгово-экономических связей между государствами, а также развитию отношений между государствами в других сферах, особенно, если отношения стран натянуты. Цифровая дипломатия является тоже новым явлением, но через сочетание ее и лингвистического аспекта дипломатии можно с помощью Интернета и информационно-коммуникационных технологий продвигать язык государства и доносить информацию о различных языковых проектах.

В качестве инструментов осуществления лингвистической дипломатии выступают институты (посольства, консульства, культурные и языковые центры, библиотеки, университеты), организации форумов и конкурсов, например, конкурс перевода какого-либо текста, написание диктанта, форумы, посвященные языкам. Так одним из наиболее важных событий, посвященных языку, является «Международный день родного языка». День родного языка был утвержден на Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1999 году, и с 2000 года ежегодно отмечается 21 февраля [5]. Как правило, в этот день многие страны организуют различные лекции, семинары и конференции, «посвященные определенной теме и нацеленные на развитие уважения, а также на поощрение и защиту всех языков, лингвистического разнообразия и многоязычия» [6]. На площадке ЮНЕСКО в свою очередь проходят генеральные заседания, где представители государств могут выступить с докладом по тематике языка, которая была заявлена ранее. Хотелось бы отдельно еще выделить на этом фоне Европейский Союз, который также популяризует официальные языки стран, входящие в объединение. Одним из таких масштабных проектов по сохранению языкового многообразия ЕС является Европейский день языков, который ежегодно отмечается 26 сентября. В этот день, как правило, проводится множество мероприятий, акций, семинаров, которые побуждают жителей ЕС к изучению иностранных языков, в том числе и неофициальных. Стоит добавить, что последние два года из-за распространения COVID-19 все события, на которые можно зарегистрироваться через официальный сайт Европейского Союза, были перенесены в онлайн-формат.

Поэтому в современную эпоху существенную роль могут сыграть социальные сети, которые непосредственно могут распространять информацию о каком-либо языке, планирующихся форумах и конкурсах, демонстрировать интересные фильмы, музыку и учебные пособия на данном языке.

Отдельную роль необходимо отвести сфере образования для осуществления лингвистической дипломатии. Они тесно связаны между собой, так как международные и региональные институты могут организовывать образовательные или научно-исследовательские программы с возможностью получения стипендии на конкурсной основе, которые позволят

людям, уже знающим язык, улучшить владение им в стране пребывания, а те, кто просто являются заинтересованными лицами, смогут окунуться в языковую среду и изучать его уже на месте, параллельно погружаясь в культуру того или иного государства. Все данные инструменты могут активно способствовать продвижению языков других государств при осуществлении лингвистической дипломатии.

Таким образом, на основании проделанного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Лингвистическая дипломатия, будучи элементом мягкой силы, является новым и не исследованным направлением дипломатии, который еще предстоит изучать, чтобы выделить его в отдельное направление.

2. Лингвистическая дипломатия сочетает в себе различные формы других направлений дипломатии в целом, таких как публичная, народная, экономическая и цифровая дипломатия.

3. Также можно проследить, что лингвистическая дипломатия не выделяется довольно часто в официальных документах. Как правило, осуществление продвижения языка на международном уровне идет сопутствующим фактором вместе с культурой, что, безусловно, правильно. Но распространяя культурные ценности, язык часто опускается. Поэтому необходимо создание отдельной нормативно-правовой базы для продвижения языка сквозь призму лингвистической дипломатии не только внутри стран, но и в международных сообществах.

Список используемых источников и литературы

1. *Беликов В. И.* Социоллингвистика / В. И. Белов, Л. П. Крысин. — М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарн. ун-та, 2001. — 437 с.
2. Декларация принципов международного культурного сотрудничества [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml (дата обращения: 09.04.2022).
3. Евразийская идеология и «русский вопрос»: доклад Алексея Кочеткова [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.publicdiplomacy.su/> (дата обращения: 10.04.2022).
4. *Марусенко М. А.* Языковая политика европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2014. — 288 с.
5. Международный день родного языка [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.unesco.org/com-memorations/motherlanguageday> (дата обращения: 10.04.2022).
6. Международный день родного языка // Calend.ru — Календарь событий [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/1860/> (дата обращения: 10.04.2022).
7. Публичная дипломатия на службе национальных интересов // Газета.UZ. 2017. 5 авг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/08/05/public-diplomacy/> (дата обращения: 10.04.2022).
8. *Руссо Л.-Ж.* Разработка и проведение в жизнь языковой политики // Языковая политика в современном мире. — СПб.: Изд-во Златоуст, 2007. — С. 97–121.
9. Сохранение культурно-языкового многообразия в контексте глобальной гражданственности [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21767> (дата обращения: 09.04.2022).
10. Устав ООН [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 09.04.2022).
11. *Ammon U.* Language conflicts in the European Union [Электронный ресурс]. — URL: http://dylan-project.org/Dylan_en/presentation/dissemination/articles/assets/UDE-Ammon-LanguageConflictsInTheEuropeanUnion.pdf (дата обращения: 08.04.2022).

Лебедева Анастасия Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
asya.lebedeva99@mail.ru

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА И ИЗРАИЛЯ

THE ROLE OF CULTURAL CENTERS AND PUBLIC ORGANIZATIONS IN CULTURAL COOPERATION BETWEEN ST. PETERSBURG AND ISRAEL

Аннотация. В статье рассматривается роль и место культурных центров и общественных организаций, обеспечивающих культурное сотрудничество между Санкт-Петербургом и Израилем. Автор выделяет основные еврейские организации в Санкт-Петербурге и их деятельность, которые способствуют развитию и укреплению культурному сотрудничеству на современном этапе.

Ключевые слова: Израиль, культурные связи, культурные мероприятия, общественные организации, Санкт-Петербург.

Abstract. The article considers the role of cultural centers and public organizations providing cultural cooperation between St. Petersburg and Israel. The author highlights the main Jewish organizations in St. Petersburg and their activities that contribute to the development and strengthening of cultural cooperation at the current stage.

Key words: Israel, cultural relations, cultural events, public organizations, St. Petersburg.

Связи Санкт-Петербурга с государством Израиль стали активно развиваться с начала 1990-х годов прошлого века, после восстановления дипломатических отношений между Россией и Израилем. Этому способствовали давние и непрерывные контакты петербургской деловых людей, ученых, деятелей культуры и искусства со своими израильскими коллегами [3, с. 42]. Особо плодотворными они стали в последние десятилетия.

Культурные связи государства Израиль с Санкт-Петербургом никогда не прерывались. Здесь практически каждую неделю можно увидеть израильских артистов, художников, писателей и музыкантов. В 2013 году бывший Генеральный консул государства Израиль в Санкт-Петербурге Эдди Шапира отметил, что культуру Петербурга можно сравнить с ДНК, поэтому в тот год именно Санкт-Петербург стал главным элементом программы Дней Тель-Авива [2, с. 26]. Ведь Тель-Авив, как и Санкт-Петербург, считается культурной столицей своей страны. Кроме того, хорошо известно, что именно культура сближает народы, и в этом плане особая роль отводится культурным центрам и общественным организациям, которые способствуют развитию и укреплению сотрудничества между нашими странами.

Сегодня общественные организации играют существенную роль в укреплении двусторонних культурных связей, и участие в них крайне важно для петербургской общественности. Благодаря таким культурным организациям, как Израильский культурный центр «Натив», Ассоциация сотрудничества «Санкт-Петербург-Израиль», Еврейская благотворительная организация «Ева» и Дом еврейской культуры ЕСОД ежегодно проводятся многочисленные мероприятия, которые позволяют лучше понять еврейскую историю, традиции и культуру.

Израильский культурный центр «Натив» был создан в 1952 году по инициативе бывшего премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона [6]. Основные цели Центра заключаются в укреплении связей между Израилем и еврейской диаспорой, а также расширении еврейского самосознания среди ее представителей. Сегодня связь с диаспорой бывшего Советского Союза не прерывается. Следует подчеркнуть, что культурный центр «Натив»

входит в структуру канцелярии премьер-министра Израиля и воплощает стремление государства укреплять связи и сохранять взятые на себя обязательства перед представителями еврейства стран СНГ [6].

На базе Центра осуществляются многочисленные культурные и образовательные проекты. Особое внимание уделяется молодежным программам. При Центре работают курсы по изучению иврита на бесплатной основе, для еврейской молодежи осуществляются туры в Израиль с целью ознакомления с историей еврейского народа и культурными достопримечательностями Израиля, успешно реализуется образовательный проект для студентов, который предполагает стажировку и прохождение академических и профессиональных курсов в одном из университетов Израиля. Также в Центре существует молодежный клуб, который способствует групповому обучению, общению и участию в культурных мероприятиях. Подобные проекты направлены на развитие лидерских качеств у молодых людей, которые способствуют их дальнейшему личностному и профессиональному росту, открывают возможности получения руководящих должностей в молодежных клубах при израильских культурных центрах, расположенных в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Киеве, Днепре, Одессе, Харькове, Минске и Кишиневе.

История образования *Ассоциации сотрудничества «Санкт-Петербург — Израиль»* началась почти сразу после 18 октября 1991 года — даты возобновления дипломатических отношений между Россией и Израилем, когда небольшая группа петербургской интеллигенции решила организовать Общество «Санкт-Петербург — Израиль» [1, с. 33]. Первым Председателем был избран известный ученый-физик Никита Толстой. В 2000 году общество было зарегистрировано как региональная общественная организация «Ассоциация сотрудничества Санкт-Петербург — Израиль». На текущий момент председателем правления Ассоциации является Наум Арьевич Беркович — доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Изначально основу Ассоциации составляло еврейское общество ветеранов и участников Великой Отечественной войны «Шолом». Затем в ее состав в качестве ассоциированных членов вошли: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербургская государственная академия физической культуры имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, еврейское спортивное общество «Маккаби», школы № 274 и № 249, детские дома Адмиралтейского, Выборгского, Фрунзенского районов и другие организации города. Ассоциация установила и поддерживает активные связи с Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга, с Израильским культурным центром, Еврейским агентством в России «Сохнут» и с Генеральным консульством Государства Израиль в Санкт-Петербурге [1, с. 33].

Основной целью Ассоциации является развитие и укрепление дружеских связей с общественными и неправительственными организациями государства Израиль в рамках народной дипломатии. Первой значительной инициативой в этом направлении стало письменное обращение в 2003 году к руководству города с просьбой об оказании содействия в установлении партнерских отношений между Санкт-Петербургом и Хайфой — вторым по величине городом, крупнейшим морским портом, промышленным, культурным и университетским центром Израиля, который там называют «Северной столицей». В обращении особо отмечалось, что в Хайфе проживает много бывших ленинградцев-петербуржцев, которые помнят и любят свой город и сохраняют с ним внутреннюю связь.

В 2005 году делегация Ассоциации посетила мэрию Хайфы, руководство которой поддержало эту инициативу. Затем состоялись обмены делегациями на уровне губернаторов городов, состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве между Санкт-Петербургом и Хайфой. В 2009 году в Хайфе открылся Информационный деловой центр Санкт-Петербурга.

В настоящее время Ассоциация продолжает активно работать в направлении сближения России и Израиля. В деятельности Ассоциации важной составляющей является создание атмосферы взаимопонимания между жителями Санкт-Петербурга и Израиля вне зависимости от их национальности [1, с. 34]. Этому способствуют организация фото и художественных выставок, знакомящих петербуржцев с различными сторонами жизни израильтян, проведение вечеров, посвященных национальным праздникам Израиля и еврейским традициям в нашем городе, встреч с интересными людьми.

Большим вкладом в воспитание толерантности у молодого поколения служат выставки работ воспитанников детской студии искусств Натальи Воронцовой при благотворительном обществе «Ева»: «Памяти Холокоста», «По страницам дневника Анны Франк», «Израиль глазами детей», «Алла Айзеншарф. Стихи из гетто»; конкурсы детского творчества на тему «Привет из Санкт-Петербурга израильскому другу — Шалом!».

Члены Ассоциации принимают активное участие в международных встречах и конференциях, посвященных проблемам Ближнего Востока, роли России в урегулировании арабо-израильского конфликта.

Начиная с 2009 года, в один из дней Хануки — «праздника неугасимого огня надежды и веры» Ассоциация проводит награждение петербуржцев, внесших значительный вклад в укрепление связей между Санкт-Петербургом и Израилем. Среди них — писатели и ученые, деятели культуры, выдающиеся спортсмены и журналисты.

Председатель Правления Ассоциации сотрудничества «Санкт-Петербург-Израиль» Н. А. Беркович выступил с инициативой закладки капсулы с землей с Пискаревского мемориального кладбища в основание памятника жителям блокадного Ленинграда в Иерусалиме. Инициатива была поддержана руководством города и реализована. В церемонии открытия памятника «Свеча памяти» 27 января 2020 года принял участие член Ассоциации «Санкт-Петербург-Израиль», член общественной организации «Евреи — участники и ветераны Великой Отечественной войны», мастер спорта международного класса, капитан сборной ветеранов баскетбола Регент Семен Моисеевич.

Еврейская Благотворительная организация «Ева» была создана в 1989 году группой активистов-волонтеров с целью оказания помощи нуждающимся евреям, возрождения и сохранения еврейской культуры [4]. Это первая благотворительная еврейская организация в Санкт-Петербурге.

Основными миссиями организации являются оказание социальной помощи пожилым людям и их семьям, организация для них культурно-просветительских мероприятий, создание атмосферы преемственности поколений и сохранения еврейской культуры [4].

Сегодня «Ева» объединяет более чем 2 тыс. человек всех возрастов. Пожилые люди получают в организации необходимые им заботу и тепло за счет ежедневной работы патронажной службы и благотворительной столовой при организации, а также материальную помощь. Для молодежи работает Школа искусств, студии хора, танца и художественные кружки, проводятся семейные лагеря, которые позволяют с ранних лет знакомить молодежь с еврейскими традициями и развивать творческий потенциал. Ежегодно многочисленные выставки, концерты, лекции, мастер-классы, волонтерские проекты и акции привлекают все больше представителей еврейской диаспоры в Санкт-Петербурге и людей, желающих познакомиться и приобщиться к этой культуре.

Нельзя не отметить, что во все времена основой еврейской жизни была община, потому что только в сообществе возможна полноценная культурная, духовная и социальная жизнь, основанная на таких еврейских ценностях как образование, традиции, взаимответственность и благотворительность.

Именно поэтому в 2005 году был построен **Дом еврейской культуры ЕСОД** (ЕСОД в переводе с иврита «основа», Еврейский Санкт-Петербургский общинный дом) при финансировании Американского еврейского распределительного комитета «Джойнт» и еврейских

федераций Кливленда и Палм Бич в рамках проекта развития еврейского сообщества в больших городах СНГ [5]. Основная цель ЕСОДа — создание общегородского еврейского культурного центра для людей всех возрастов и интересов.

Основной составляющей общины является семья. В ЕСОДе каждый может найти для себя занятие, принять участие в культурной, образовательной или социальной программе. Это становится возможным благодаря активному взаимодействию с такими партнерскими организациями ЕСОДа в городе, как Генеральное Консульство государства Израиль в Санкт-Петербурге, Большая хоральная синагога, Санкт-Петербургское еврейское благотворительное общество «Ева», Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга, Еврейское агентство в России для Израиля, Израильский культурный центр при Посольстве государства Израиль в РФ и многие другие культурные, образовательные и духовно-просветительские учреждения. На базе ЕСОДа проходят многочисленные образовательные программы для молодежи любого возраста, которые способствуют всестороннему развитию личности и приобщению ее к российской и еврейской культурам. Как и в Израильском культурном центре «Натив», большой интерес вызывают программы, направленные на развитие личностных лидерских качеств для молодых людей до 35 лет.

Таким образом, сегодня культурное сотрудничество между Санкт-Петербургом и Израилем развивается успешно, достаточно динамично и в разных направлениях. Во многом такое устойчивое взаимодействие осуществляется благодаря деятельности общественных еврейских организаций в Санкт-Петербурге. Это способствует привлечению общественности и, особенно, молодежи к изучению культурных особенностей и традиций Еврейского государства, а также способствует не только культурному обогащению, но и сближению наших народов.

Список использованных источников и литературы

1. Беркович Н. Две северные столицы: взаимопонимание и сотрудничество / Н. Беркович, Л. Бодрова // Консул: журнал. — 2013. — № 1 (32). — С. 33–35.
2. Давтян О. С. Все краски современного Израиля (интервью с Генеральным Консулом Эдди Шапира // Консул: журнал. — 2013. — № 1 (32). — С. 26–29.
3. Давтян О. С. Сотрудничество с Израилем для Петербурга важно // Консул: журнал. — 2013. — № 1 (32). — С. 42–44.
4. Санкт-Петербургская Еврейская Благотворительная Общественная Организация «Ева» [Электронный доступ]. — URL: <http://eva.spb.ru> (дата обращения: 29.03.2022).
5. ЕСОД — дом еврейской культуры [Электронный доступ]. — URL: <https://esod.spb.ru> (дата обращения: 29.03.2022).
6. Израиль для вас [Электронный доступ]. — URL: <http://il4u.org.il> (дата обращения: 29.03.2022).

Околота Даниил Павлович

Санкт-Петербургский государственный университет
daniil.okolota@tut.by

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РЕСПУБЛИКИ СЕРБИЯ

REGULATORY AND LEGAL ASPECTS OF THE MIGRATION POLICY OF THE EUROPEAN UNION AND THE REPUBLIC OF SERBIA

Аннотация. В статье проводится анализ базы существующих договоров и соглашений, обеспечивающих регулирование миграции в Европейском Союзе и Республике Сербия. Автор обозначает основные направления в области регулирования миграционной политики Европейского Союза и Республики Сербия как по отдельности, так и во взаимодействии друг с другом во время миграционного кризиса.

Ключевые слова: миграционная политика, международная миграция, миграционный кризис, Европейский Союз, Республика Сербия.

Abstract. The article analyzes the base of existing treaties and agreements that regulate migration in the European Union and the Republic of Serbia. The author outlines the main directions in the field of regulation of the migration policy of the European Union and the Republic of Serbia, both separately and in interaction with each other during the migration crisis.

Key words: Migration policy, international migration, migration crisis, European Union, Republic of Serbia.

Число международных мигрантов резко увеличилось за последние полвека, в частности, из-за увеличения скорости передвижения международных путешественников и гораздо большего разнообразия вариантов добраться до пункта назначения в связи с расширением доступа к авиационным перевозкам. В связи с этим миграция как тема политического дискурса, вероятно, как никогда особенно заметна. Многие правительства, политики и широкая общественность во всем мире все чаще рассматривают миграцию в качестве приоритетного политического вопроса, и внимание к ней усиливается. Ее влияние на экономику, политику, электоральный процесс гарантирует, что миграция не перестанет быть частью глобальной мировой и государственных национальных повесток.

Изучение же миграции усложняется тем, что универсальной теории, объясняющей международную миграцию, не существует, но для лучшего понимания феномена миграции и связи между миграцией, с одной стороны, и демографическим, экономическим и социально-политическим развитием, с другой, можно воспользоваться пересмотренной моделью отталкивания и притяжения, а также моделью миграционного перехода: от эмиграции к иммиграционным странам. Первая концепция дает более полное представление о детерминированной основе индивидуального решения относительно эмиграции/иммиграции [6], вторая же концепция полезна для учета динамического процесса возможных изменений во взаимоотношениях между эмиграцией и иммиграцией, а также причин, которые их объясняют, и опыта, который следует из этого [7].

Первое серьезное сотрудничество в области правосудия и внутренних дел в рамках Европейских сообществ началось с межправительственного сотрудничества в 1976 году в Люксембурге. Это были встречи министров юстиции и внутренних дел, собравшихся в группу TREVI, в которых не участвовали представители европейских институтов. Целью этой формы организации было повышение уровня безопасности Европейских сообществ [3]. По инициативе Соединенного Королевства в 1986 году в рамках группы TREVI была создана специальная группа по иммиграции, в работу которой были вовлечены наблюдатели

Европейской комиссии [14]. Самый важный результат работы группы конвенций определяет государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейского Союза или Дублинской конвенции 1990 года [1]. Конвенция была первым юридическим документом, заключенным с целью достижения свободы передвижения людей [13], что также было и императивом для создания внутреннего общеевропейского рынка.

Существуют три важные программы, которые содержат руководящие принципы общей политики по темам защиты основных прав, неприкосновенности частной жизни, прав меньшинств и прав групп людей, нуждающихся в особой защите, а также гражданства Европейского Союза и миграции.

Первая из них, программа Тампере, действовала с 1999 по 2004 год. Это важно, поскольку в ней делается упор в политике предоставления убежища на развитие партнерских отношений со странами, из которых происходит миграция в государства-члены ЕС, а также на гармонизацию процедур предоставления убежища [8]. Первая пятилетняя программа создала основу для европейских институтов [3].

Гаагская программа [4] продолжила предыдущую и длилась до 2009 года, и акцент в программе делался на продолжении сотрудничества в области уважения основных прав и защиты беженцев.

Стокгольмская программа с 2009 по 2014 год [18] содержала рекомендации органам ЕС, которые способствовали достижению целей, уделяя особое внимание соблюдению основных прав при обеспечении безопасности [8]. Программа была принята после вступления в силу Лиссабонского договора, который способствует достижению целей этой самой программы [3]. Лиссабонский договор заменил установление минимальных стандартов общей системой убежища единообразными процедурами [5].

Дублинская система — это часть права Европейского Союза, которая определяет, какое государство-член ЕС несет ответственность за рассмотрение заявления о предоставлении убежища, поданного лицами, ищущими международной защиты в соответствии с Женевской конвенцией и Квалификационной директивой ЕС, в пределах Европейского Союза. Она была создана в 1990 году и дважды пересматривалась: впервые в 2003 году, а затем в 2013 году [8].

В итоге цель общей политики убежища ЕС — это предоставление соответствующего статуса и обеспечение соблюдения принципа невысылки или возвращения любых граждан третьей страны, нуждающихся в международной защите. Убежище в ЕС должно соответствовать Женевской конвенции от 28 июля 1951 года и Протоколу от 31 января 1967 года о статусе беженцев, а также другим соответствующим договорам, а правовая основа общей политики убежища появилась спустя несколько десятилетий неформального сотрудничества, которое затем переросло в институциональное сотрудничество. Правовая основа сотрудничества содержится в ряде документов — в Договоре о функционировании Европейского Союза, Хартии Европейского Союза об основных правах и в Амстердамском договоре, который стал ключевым шагом в создании общей европейской системы убежища.

С самого начала возросшего притока мигрантов Делегация Европейского Союза в Республике Сербия внимательно следила за развитием ситуации на местах, в то время как европейские учреждения в Брюсселе способствовали адекватной работе, присутствуя на встрече министров по вопросам иммиграции и убежища в Люксембурге. В Брюсселе проходили встречи с комиссаром по гуманитарным вопросам и гражданской защите Стилианидесом и комиссаром по внутренним делам и миграции Аврамопулосом. Также сербская делегация принимала участие в консультативной встрече в Брюсселе по подготовке Декларации, принятой на Конференции высокого уровня по Восточному Средиземноморью и Западным Балканам в Люксембурге, которая предусматривает поддержку Иордании, Ливана и Турции, поддержку транзитных стран в целях противодействия организованной преступности, ответственной за незаконный ввоз мигрантов и торговлю людьми, устранение коренных при-

чин вынужденной миграции и привлечение нелегальных мигрантов в страны их происхождения. В этой Декларации Сербия и Македония были выделены в качестве транзитных стран, нуждающихся в помощи [2].

После этого, 25 октября 2015 года, прошел мини-саммит стран Западно-Балканского маршрута. На саммите был принят план из 17 пунктов, который должен был разрешить ситуацию на местах. План предусматривает выполнение ряда мероприятий, в частности, регулярный обмен информацией, ограничение вторичного передвижения мигрантов, поддержку и помощь беженцам, совместное управление миграционными потоками, управление границами, борьбу с незаконным ввозом и торговлей людьми [12].

Даже после закрытия Западно-Балканского маршрута Европейская комиссия продолжала поддерживать работу форума, созданного для наблюдения за выполнением достигнутого соглашения. Форум регулярно отслеживает и анализирует тенденции в отношении вновь прибывших и пересечений границы, условий в пунктах приема, ситуации в зоне возвращения в страны происхождения и деятельности по борьбе с незаконным ввозом мигрантов.

Возможно, наиболее очевидной формой солидарности является конкретная поддержка страны в решении проблемы массового передвижения по ее территории путем предоставления людей, средств и денег. Сразу после принятия правительством Плана реагирования в случае массового притока мигрантов, Делегация ЕС вместе с компетентными службами приступила к разработке соответствующего проектного документа, который должен был предоставить средства на его реализацию. Также было гарантировано, что определенная экономия в фондах подготовки к вступлению будет перенаправлена на создание условий для приема мигрантов.

Вероятно, самой важной формой помощи была помощь кадрами: пограничные службы стран-участниц направили своих пограничников для помощи пограничной полиции Республики Сербия с целью предотвращения незаконного проникновения на ее территорию.

Помимо Европейской комиссии и других институтов ЕС, значительную поддержку оказали государства-члены через финансирование двусторонних проектов.

Хотя и нематериальная, но очень значительная поддержка пришла в виде наращивания потенциала служб, связанных с управлением миграцией. Частично это было обеспечено через проекты, реализованные EASO, FRONTEX, MOM и УВКБ ООН, которые включали обучение сотрудников, а также через двусторонние контакты, которые включали взаимные визиты и обучение посредством совместной работы по вопросам, важным для управления миграционными перемещениями.

В условиях миграционного кризиса Сербия продемонстрировала четкую и недвусмысленную приверженность делу предоставления беженцам и мигрантам, проходящим через ее территорию, надлежащей помощи, гарантированной международно-правовыми документами и Конституцией Республики Сербия. За исключением отдельных, единичных случаев все общество проявило гуманность и терпимость. Признавая экономическое положение Сербии, текущие реформы, включая бюджетные ограничения и запреты на трудоустройство, ЕС через свои механизмы оказал Сербии значительную поддержку, что позволило ей проводить свою политику в отношении мигрантов. Активно вовлекая страны, пострадавшие от кризиса, институты ЕС позволили им участвовать в разработке мер по решению проблемы массового притока мигрантов.

Сбалансированное включение феномена миграции в стратегические документы Сербии признает наличие взаимной связи между миграцией и развитием. Предпосылкой для реализации этой концепции является наличие записей о взаимном влиянии миграции и развития, а также об оценке интеграции миграции в принятые соответствующие национальные стратегические документы страны.

Документ «Национальные цели развития тысячелетия в Республике Сербия» был принят правительством страны в 2006 году [19]. Явление миграции не включено в национальные цели развития тысячелетия. Однако достижение этих целей с помощью выбранных данных может повлиять на сокращение потоков эмиграции из Сербии.

Национальная стратегия устойчивого развития была принята в мае 2008 года [9]. Этот документ полностью соответствует своему названию. Явление миграции прямо включено в Стратегию в нескольких пунктах. В рамках третьего ключевого национального приоритета, касающегося развития человеческих ресурсов, было указано, что необходимо предотвращать эмиграцию профессионалов путем создания лучших условий труда. Затем, как часть SWOT-анализа, показывающего сильные и слабые стороны, возможности и угрозы для устойчивого развития Сербии, продолжение «утечки мозгов» после 2001 года считается частью внутренних проблем страны. Последовательно, одной из целей демографической политики государства ставится устранение факторов, влияющих на «утечку мозгов» и создание благоприятных условий для возвращения и/или инвестиций диаспоры в Сербию [9].

В дополнение к Национальной стратегии устойчивого развития в Сербии были приняты еще три стратегии, важные для экономического развития. Это Стратегия и политика промышленной политики Республики Сербия на 2021–2030 годы [20], Стратегия развития сельского хозяйства и сельских районов Республика Сербия на период 2014–2024 годы [16] и Стратегия привлечения и развития иностранных инвестиций [15]. Во всех четырех документах указывается, что поставленные цели лежат в основе устойчивого развития Сербии, и все четыре документа связаны с вопросами возможностей сербской диаспоры, которые могут способствовать развитию Сербии и способах привлечения инвестиций от диаспор обратно на родину.

Стратегия развития образования в Сербии была принята правительством Сербии в октябре 2012 года [17]. Стратегия подчеркивает, что увеличение охвата, качества, актуальности и эффективности системы образования является условием для развития Сербии и, как следствие, сокращения эмиграции, особенно отъезда высокообразованных людей из страны.

Существует также Программа реформ в сфере занятости и социальной политики в процессе присоединения к Европейскому Союзу [11] и Национальная стратегия для молодежи, принятая в феврале 2015 года [10]. В них было указано, что большое количество молодых людей с высшим образованием покинули страну или хотят покинуть ее, и поэтому задача этой стратегии состоит в том, чтобы найти способ «мотивировать молодых людей к профессиональному и личному совершенствованию и развитию, а также вкладывать свои знания и навыки в социальный, экономический и культурный прогресс страны» [10].

Таким образом, один из определенных приоритетов сербской политики — вступление в Европейский Союз. В связи с потенциальным вступлением в ЕС Сербия приводит свое законодательство в соответствие с законодательством ЕС. Сербия привержена двусторонним отношениям с другими странами-соседями и соседними государствами-членами ЕС и является активным участником регионального сотрудничества. И хотя у ЕС нет обязательств перед странами, не являющимися членами ЕС, пострадавшими от кризиса с беженцами и мигрантами, и хотя мы можем сомневаться в мотивах ЕС, факт остается фактом: солидарность и разделение бремени в качестве основных принципов функционирования ЕС были применены в действиях ЕС в этой ситуации. Это позволило Сербии превратить риски, связанные с миграционным кризисом, в возможность и внести свой вклад в создание положительного образа страны в международном сообществе.

Список использованных источников и литературы

1. Convention determining the State responsible for examining applications for asylum lodged in one of the Member States of the European Communities. — Dublin Convention, SL C 254, 19.8.1997.
2. Declaration of the High-level Conference on the Eastern Mediterranean — Western Balkans Route PRESS RELEASE 714/15 08/10/2015.
3. *Dragović F.* Sigurnost europskih granica i migracije // *Jesenski i Turk*, 2018. — P. 49–50.

4. European Commission, Justice, Freedom and Security in Europe since 2005: An Evaluation of The Hague Programme and Action Plan, Brussels, COM (2009) 263 final, 10.06.2009.
5. Europski parlament, Informativni članak o Europskoj uniji — Politika azila. — URL: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/hr/sheet/151/politika-azila> (дата обращения: 29.03.2022).
6. *Fassmann H., Musil E.* Conceptual Framework for Modeling Longer Term Migratory, Labour Market and Human Capital Processes // Working paper developed within the project 'SEEMIG Managing Migration and its Effects in SEE-Transnational Actions towards Evidence Based Strategies' 2014 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.seemig.eu/index.php/2012-10-24-22-38-42?start=5> (дата обращения: 30.03.2022).
7. *Fassmann H., Reeger U.* Old emmigration countries in Europe. The concept and the empirical examples. European Immigrations. Trends, Structure and Implications. — Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012. — P. 65–90.
8. *Mikac R. i Dragović F.* "Masovne migracije: izazovi, posljedice i put naprijed" // Forum za sigurnosne studije. — 2017. — Vol. 1 (1). — P. 141–142.
9. Nacionalna strategija održivog razvoj 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/vlada/strategija/2008/57/1> (дата обращения: 01.04.2022).
10. Nacionalna strategija za mlade za period od 2015. do 2025. Godine [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/vlada/strategija/2015/22/1/reg> (дата обращения: 01.04.2022).
11. Program reformi politike zapošljavanja i socijalne politike u procesu pristupanja Evropskoj uniji [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.minrzs.gov.rs/sr/aktuelnosti/vesti/program-reformi-politike-zaposljavanja-i-socijalne-politike-u-procesu-pristupanja-evropskoj-uniji/employment-and-social-reform-programme> (дата обращения: 01.04.2022).
12. Saopštenje Evropske komisije [Электронный ресурс]. URL:http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5904_en.htm (дата обращения: 26.03.2022).
13. Single European Act, SL L 169/1, 29.06.1987.
14. The Institutionalization of Europe. Stone Sweet, Alec, Sandholtz, Wayne, Fligstein, Neil. — Oxford University Press, 2002. — P. 197.
15. Strategija podsticanja i razvoja stranih ulaganja [Электронный ресурс]. — URL: https://www.dijaspora.gov.rs/wp-content/uploads/2012/12/strategija_strana_ulaganja_cyr.pdf (дата обращения: 01.04.2022).
16. Strategija poljoprivrede i ruralnog razvoja Republike Srbije za period 2014–2024. Godine [Электронный ресурс]. — URL: <http://uap.gov.rs/wp-content/uploads/2016/05/STRATEGIJA-2014-2020-.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).
17. Strategija razvoja obrazovanja u Srbiji do 2020. Godine [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mprn.gov.rs/strategije-2020/> (дата обращения: 01.04.2022).
18. The Stockholm Programme — An open and secure Europe serving and protecting citizens, SL C 115, 4.5.2010.
19. Vlada Republike Srbije. Nacionalni milenijumski ciljevi razvoja u Republici Srbiji. — Beograd VS, 2006.
20. СТРАТЕГИЈУ индустријске политике Републике Србије од 2021. до 2030. Године [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/vlada/strategija/2020/35/1/reg> (дата обращения: 01.04.2022).

Оритша Флора (Бенин)

Санкт-Петербургский государственный университет
oritchaflora@gmail.com

ГУМАНИТАРНЫЙ КРИЗИС В МАЛИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THE HUMANITARIAN CRISIS IN MALI AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В статье рассматривается понятие *гуманитарный кризис* и комплекс явлений, который с ним связан. В статье проводится анализ базы данных Международного исследовательского центра по Мали. Особое внимание уделяется гуманитарному кризису в Мали, связанному с террористическими атаками и конфликтами между разными этническими группами. Приводится информация о средствах противостояния гуманитарным кризисам на международном уровне.

Ключевые слова: государственные конфликты, этнические конфликты, этнические группы, Мали, насилие.

Abstract. The article deals with the concept of a humanitarian crisis and the complex of phenomena associated with it. The article analyzes the database of the International Research Center for Mali. Particular attention is paid to the humanitarian crisis in Mali associated with terrorist attacks and ethnic conflicts between different ethnic groups. It also provides information on the means of confronting humanitarian crises at the international level.

Key words: state conflicts, ethnic conflicts, ethnic groups, Mali, violence.

Гуманитарный кризис — это событие или ряд событий, представляющих серьезную угрозу здоровью, безопасности или благополучию общества, как правило, на обширной территории.

Выделяют три типа гуманитарных кризисов:

— техногенные кризисы: в том числе вооруженные конфликты, железнодорожные и авиакатастрофы;

— стихийные бедствия, в том числе геофизические (землетрясения, цунами и извержения вулканов), гидрологические (наводнения, лавины), климатологические (засухи), метеорологические (штормы, циклоны) или биологические (эпидемии);

— сложные чрезвычайные ситуации: как правило, сочетание техногенных кризисов и стихийных бедствий.

На протяжении многих лет Мали сильно страдала от организованного насилия. Хотя это и не было постоянным, в стране повторялись циклы насилия, которые в последние несколько лет достигли новых высот.

В случае Мали речь идет о техногенном типе гуманитарного кризиса. Для него характерны вооруженные конфликты, в том числе теракты и этнические конфликты.

Последствиями гуманитарного кризиса в Мали являются:

— масштабное насилие и гибель людей, нарушение прав человека, психологические расстройства и травмы;

— перемещение населения, разрушение инфраструктуры, нехватка продовольствия или медицинской помощи и ухудшение состояния окружающей среды;

— проблемы с репродуктивным здоровьем, недоедание;

— широкомасштабный ущерб обществу и экономике;

— потребность в крупномасштабной, многогранной гуманитарной помощи.

Как можно заметить из вышеупомянутых последствий, гуманитарный кризис в Мали затрагивает все слои общества, начиная от отдельных лиц и семей, заканчивая экономическими и структурными компонентами [1].

С 1989 года Мали переживает внутригосударственные, негосударственные и односторонние категории организованного насилия, как это определено UCDP (Uppsala Conflict Data Program) — Уппсальской программой данных о конфликтах [4].

В 2020 году уровень насилия в Мали взлетел до невиданных ранее высот. Это стало результатом явной взаимосвязанной активности всех трех видов организованного насилия, при этом негосударственные конфликты обострились, а государственные конфликты и одностороннее насилие остаются на высоком уровне.

Именно насилие в государственных конфликтах продолжало приводить к наибольшему числу жертв в 2020 году. Правительству Мали по-прежнему противостоял целый ряд исламистских группировок, воюющих в двух отдельных государственных конфликтах: про-аль-Каидовский альянс JNIM² — в конфликте за государственную власть, а отделение Большой Сахары Западно-Африканской провинции ИГ — в конфликте за территорию, называемую Исламским государством (ИГ). Первые бои велись в основном в центральном регионе Мопти, а вторые — дальше на восток, в Гао и Менаке. Уровень насилия заметно вырос в конфликте между правительством и JNIM, но одновременная резкая деэскалация конфликта против Исламского государства означала, что общий уровень насилия в государственных конфликтах остался примерно на том же уровне, что и в предыдущие два года.

В 2020 году был зафиксирован высокий уровень смертности. В основном это было обусловлено резкой эскалацией односторонних убийств со стороны правительственных сил. Эти убийства были тесно связаны с расширением военных операций в рамках конфликтов между государствами, поскольку многочисленные жертвы были следствием ответных действий, вызванных гибелью солдат во время нападений вооруженных исламистских группировок. Более 200 мирных жителей были убиты в результате одностороннего насилия со стороны правительственных организаций в 2020 году.

Кроме того, примерно такое же количество мирных жителей было убито в результате одностороннего насилия, связанного с этническими и общинными разногласиями. Считалось, что исламисты имеют свою базу среди фулани, и когда, например, JNIM совершал односторонние нападения на догонское население, ополченцы самообороны догонов, такие как Дан на Амбассагу и Дозос (Мали), атаковали деревни фулани.

Будучи наименее смертоносной категорией по сравнению с другими, насилие именно в негосударственных конфликтах резко обострилось в 2020 году. Из конфликтов, активных в течение года, конфликт с наибольшим количеством жертв произошел между JNIM и западноафриканским крылом ИГ. Этот междоусобный конфликт, который разыгрался как в Мали, так и в соседней Буркина-Фасо, привел к гибели более 200 человек только в Мали в 2020 году и, безусловно, стал самым смертоносным негосударственным конфликтом, зарегистрированным в стране за весь период времени.

Повторяющиеся циклы населения

В период 1989–2020 годов в Мали было четыре явных пика организованного насилия.

Первые два пика, в начале и середине 1990-х гг., были связаны с сепаратистской борьбой частей туарегов в северной части страны, когда одни боролись за создание независимого государства — Азавад, а другие — за автономию. Этот конфликт разразился, когда большое количество молодых туарегов, мигрировавших в Ливию и Алжир в середине 1970-х гг., были выселены из принимающих их стран и вынуждены вернуться в Мали. Из тех, кто был сослан в Ливию, многие прошли военную подготовку, а также были политически активными, готовясь к возможному восстанию. Таким образом, в середине 1990-х гг. группа,

² JNIM (Jama'a Nusrat ul-Islam wa al-Muslimin) — Джамаат Наср аль-ислам вал муслимин — Террористическая организация. Дата основания — 1 марта 2017 года.

позже получившая название *Mouvement populaire de l’Azawad*³ (англ. Azawad Peoples Movement, далее МРА), подняла восстание, и в течение остальной части года север и восток страны были охвачены насилием.

В то время как МРА подписало мирное соглашение уже в следующем году, и насилие снизилось, была подготовлена почва для конфликтов, которые обрушатся на страну. Трещины в обществе туарегов, существовавшие в течение длительного времени, расширились, и напряженность между ними и другими общинами на севере возросла. Последнее событие способствовало второму пику организованного насилия в 1994 году, который был вызван главным образом односторонним насилием. В том году конфликт из-за статуса Азавада вновь активизировался, поскольку сепаратистская группировка FIAA⁴, сформированная арабскими элементами повстанческого движения, обеспокоенная тем, что они получат слишком малую долю выгод от возможного мирного урегулирования, активизировала нападения. В ответ правительственные войска приступили к осуществлению крупномасштабных нападений на гражданское арабское и туарегское население. Еще больше усугубляя цикл насилия, FIAA впоследствии совершила убийства гражданских лиц по этническим мотивам, которые считались сторонниками правительства.

В течение следующих трех лет активность в государственных конфликтах снизилась. Однако начиная с 2017 года организованное насилие в стране снова начало нарастать, достигнув вышеупомянутого рекордного уровня в 2020 году. Неуклонной эскалации способствовал ряд факторов, таких как консолидация альянса, поддерживающего Аль-Каиду, JNIM, который активизировал свои нападения на военные объекты, что привело к росту числа жертв в государственных конфликтах. Однако, как было сказано о насилии 2020 года, это было прежде всего взаимодействие между тремя видами насилия, которые в совокупности способствовали росту числа погибших. Эти три вида насилия были тесно связаны, причем деятельность в одном из них вызывала как дальнейшее насилие в рамках одного и того же типа, так и запускала цепочку событий в других. Как упоминалось ранее, вербовка в исламистскую группировку в основном сопровождалась этническими и общинными разногласиями, что вызвало этническую напряженность и способствовало процессу, в ходе которого различные этнические группы в зоне конфликта мобилизовались и создали отряды самообороны. Впоследствии возникла закономерность односторонних убийств «око за око», а также негосударственных конфликтов между этими этническими группами. Одними из худших исполнителей нападений на гражданских лиц в эти годы были отряды самообороны догонов Дан на Амассагу и более слабо организованные Дозо, которые совершили ряд жестоких нападений на гражданских лиц фулани, исходя из логики, согласно которой последние считались связанными с JNIM. Впоследствии JNIM, в свою очередь, напал на мирных жителей догонов

Хотя в период 1995–2011 гг. наблюдались небольшие вспышки насилия, они меркли по сравнению с событиями, начавшимися в 2012 году. В январе того же года MNLA (фр. *Mouvement National Pour la Libération de l’Azawad* — Национальное движение за освобождение Азавада)⁵ стала крупнейшей вооруженной группировкой, состоящей в основном из туарегов, и началась новая фаза конфликта вокруг Азавада, в результате чего число погибших возросло. После первоначального успеха в вытеснении правительственных войск с севера Мали и провозглашении независимого государства Азавад в апреле альянс исламистских группировок изгнал MNLA⁶ из главных городов региона. Впоследствии возник конфликт из-за правительства, в результате которого исламисты выступили против режима Бамако. Контролируя обширный север страны во второй половине 2012 года [Ансар Дин] вместе с

³ *Mouvement populaire de l’Azawad* — Национальное движение за освобождение Азавада — Движение за независимость; Национально-освободительное движение туарегов и других сахарских народов, базирующееся в Малийском Азаваде. Дата основания — октябрь 2011 года.

⁴ FIAA (фр. *Front Islamique Arabe de l’Azawad*) — Арабский исламский фронт Азавада.

⁵ Далее СМА (англ. *Coordination of Azawad Movements*) — Координация движения Азавад.

⁶ Национально-освободительное движение Азавад.

другими исламистскими группировками AQIM, MUJAO и батальон «Подписанный кровью» начали наступление на юг в начале 2013 года. Это привело к внешнему вмешательству, например, со стороны Франции, и исламисты были отброшены назад, хотя и далеки от поражения. В течение года шли ожесточенные бои, и число погибших резко возросло.

Аналогичная логика была очевидна и дальше на восток, где малийское правительство и ИГ воевали друг с другом. Правительство и его союзника Францию поддерживали проправительственные группы ополчения GATIA (фр. Groupe autodéfense touareg Imghad et alliés — Группа самообороны туарегов имгхад и союзников) и MSA (фр. Mouvement pour le salut de l'Azawad — Движение за спасение Азавад), а исламисты и две последние организации также сражались друг с другом, участвуя в эскалации негосударственного конфликта. Это, в свою очередь, было тесно связано и подпитывало этническую напряженность между даусакскими туарегами и фулани в малийском регионе Менака, а также через границу в Нигере. Кроме того, ИГ, рассматривая даусакских туарегов как сторонников MSA, совершало односторонние нападения на их деревни [4].

С 1990-х гг. Совет Безопасности, демонстрируя свою готовность вмешиваться в гуманитарные кризисы, все чаще оправдывал эти вмешательства, заявляя о необходимости защиты уязвимых групп населения. Внимание к уязвимым группам проявляется в Повестке дня и резолюциях Совета Безопасности по вопросам женщин, мира и безопасности (WPS — Women, Peace, and Security), резолюциях о детях и вооруженных конфликтах и резолюциях о защите гражданских лиц. Резолюции Совета Безопасности, разрешающие применение военной силы, теперь содержат существенные ссылки на защиту гражданских лиц, защиту женщин от сексуального насилия, связанного с конфликтом, и защиту детей в вооруженных конфликтах [2].

Список использованных источников и литературы

1. Characteristics of humanitarian crises [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.future-learn.com/info/courses/health-crises/0/steps/22887> (дата обращения: 05.04.2022).
2. *Gina Heathote* — Humanitarian Intervention and Gender Dynamics — The Oxford Handbook of Gender and Conflict 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2843/view/10.1093/oxfordhb/9780199300983.001.0001/oxfordhb-9780199300983-e-16?rskey=eeAqpM&result=13> (дата обращения: 05.04.2022).
3. Uppsala Conflict Data Program [Электронный ресурс]. — URL: <https://ucdp.uu.se/country/432> (дата обращения: 05.04.2022).

Платонова Дарья Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет

darya_platonova@internet.ru

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ОАЭ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

UAE CULTURAL DIPLOMACY AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В статье проводится анализ уровня развития культурной дипломатии Объединенных Арабских Эмиратов на современном этапе. Автор обозначает структуры и организации, призванные на институциональном уровне обеспечивать реализацию культурной дипломатии, а также основные проекты в этой области и определяет проблемы развития данного инструмента внешней политики.

Ключевые слова: культурная дипломатия, ОАЭ, толерантность, международное сотрудничество.

Abstract. The article analyzes the development level of the cultural diplomacy of the United Arab Emirates at the present stage. The author outlines the structures and organizations to ensure the implementation of cultural diplomacy at the institutional level, as well as the main projects in this area, and determines the problems of developing this foreign policy instrument.

Key words: cultural diplomacy, UAE, tolerance, international cooperation.

Культурная дипломатия Объединенных Арабских Эмиратов (далее — ОАЭ) — это сравнительно новый, на текущий момент активно развивающийся инструмент внешней политики государства. Значимость этого вида международного сотрудничества все чаще подчеркивается в заявлениях политических деятелей, однако на нормативно-правовом уровне культурной дипломатии уделялось пока еще мало внимания. В таких документах, как Видение ОАЭ-2021 и Стратегия «мягкой силы» ОАЭ, можно проследить стремление народа сохранить культурное наследие, а также желание транслировать свои культурные ценности за рубежом.

Видение ОАЭ-2021 — это долгосрочный план развития государства, инициированный премьер-министром ОАЭ шейхом Мохаммедом бин Рашид Аль Мактумом. В качестве одного из направлений Национальной повестки дня, разработанной в рамках данного документа, провозглашается сохранение сплоченного общества, которое гордится своей идентичностью. Для реализации поставленной цели в государстве было запланировано создание среды, которая интегрирует все слои населения и вместе с тем сохраняет уникальную культуру, наследие и традиции ОАЭ [3]. Таким образом, особенность этого арабского государства, объединяющего представителей более 200 национальностей, заключается в своеобразном сочетании мультикультурного разнообразия и национальных культурных ценностей.

Стратегия «мягкой силы» ОАЭ» была разработана Советом «мягкой силы» ОАЭ в 2017 году с целью повышения репутации страны за рубежом. Для достижения этой цели в документе были поставлены четыре основных задачи, одна из которых — формирование для государства статуса региональной столицы культуры, искусства и туризма. При этом культурная дипломатия была объявлена одним из краеугольных камней «мягкой силы» ОАЭ [9].

В большей степени эмиратская культурная дипломатия получила развитие на институциональном уровне. В 2018 году в Министерстве иностранных дел и международного сотрудничества было организовано новое структурное подразделение — Управление культурной и общественной дипломатии, целью которого является укрепление международного культурного обмена. Основной задачей Управления стало развитие взаимодействия в области культуры как с зарубежными странами, так и с федеральными и местными органами культуры внутри государства [10].

Существенным шагом на пути качественного развития эмиратской культурной дипломатии стало принятое в 2019 году решение открыть культурные представительства за рубежом с целью развития более тесных связей с другими странами через искусство и культуру. В качестве одной из важнейших задач таких представительств заявлено распространение гуманитарных идей, в том числе таких ценностей, как многонациональность, гуманность и терпимость. Примечательно, что данную идею поддержал Папа Римский Франциск [7].

Открытие первого культурного представительства ОАЭ планировалось в 2020 году в Париже как одно из мероприятий, запланированных по случаю 50-летия установления дипломатических отношений между ОАЭ и Францией. Офис должен был служить культурным центром ОАЭ в Европе [7]. Однако информация о данном представительстве отсутствует. Можно предположить, что открытие не состоялось, и связано это с начавшейся в 2020 году пандемией коронавирусной инфекции COVID-19.

На данный момент достоверно известно только о существовании подобного представительства в США. Вместе с тем, следует отметить, что офис занимается преимущественно вопросами образования. Заявленной целью Отдела культуры ОАЭ в Вашингтоне является обеспечение Эмиратов компетентными кадрами для развития страны и достижения ее прогресса, а также поддержка интенсивного образовательного обмена. Работа офиса включает решение административных вопросов, выплату финансовых пособий, оплату обучения и медицинских счетов обучающихся из ОАЭ [6]. Таким образом, деятельность Отдела культуры ОАЭ в Вашингтоне можно назвать однобокой и слабо реализующей потенциал культурной дипломатии.

Интерес представляет инициатива Эмиратов под названием «Культурно-дипломатический обмен ОАЭ-2022», спонсируемая посольством ОАЭ в Вашингтоне. Суть этого проекта, реализованного в начале 2022 года, состояла в культурно-дипломатическом обмене молодыми специалистами из ОАЭ и США. Участники программы обмена в сфере культурной дипломатии высоко оценили проект, поскольку участие в нем дало более глубокое понимание партнерской работы государств. Молодые специалисты из США отметили, в свою очередь, что этот проект помог им более глубоко понять ОАЭ и их роль в мировом сообществе [4].

Еще одним шагом в направлении институционального развития культурной дипломатии стало учреждение в Эмиратах Международного института толерантности. Соответствующий закон стал инициативой шейха Мохаммеда бин Рашид Аль Мактума и был издан в 2017 году. Цель института заключается в формировании сплоченного общества, укреплении принципа терпимости к другим культурам и религиям и развитии имиджа ОАЭ в качестве образца толерантности. Международный институт толерантности призван поощрять открытый диалог между представителями различных рас, культур, религий, языка [2].

Культурная дипломатия ОАЭ уникальна, поскольку отличается от моделей, принятых как в иных арабских странах, так и в западноевропейских государствах. Политика ОАЭ основывается на ценностях терпимости и мира, привитых эмиратскому народу шейхом Зайедом бин Султаном Аль Нахайяном. Стратегия отца нации основывалась на проявлении дружбы ко всем культурам и народам, продвижении ценностей умеренного ислама и взаимовыгодном сотрудничестве со всеми странами для достижения глобальной стабильности [11]. Поэтому, чья традиционные для арабского мира идеалы, мусульманские ценности, национальную культуру, Эмираты не строят культурное взаимодействие с партнерами, основываясь лишь на религиозном аспекте.

Государство регулярно подчеркивает важность культурного многообразия и собственное стремление к толерантности. Кроме того, несмотря на желание стать региональным культурным центром и распространить элементы своей культуры за рубежом, ОАЭ не пытаются осуществлять эти цели агрессивными методами, что позволяет укрепить позитивный имидж [1]. Стратегия культурной дипломатии ОАЭ основана на том, что культурный обмен делает всех сильнее, поскольку народы благодаря такому сотрудничеству разделяют принцип гуманности, что подтвердил Советник по культуре Президента ОАЭ Заки Нуссейбе во

время виртуального семинара, организованного посольством ОАЭ в братском Государстве Кувейт под названием «Культура и ее роль в дипломатической работе» [12].

На современном этапе Эмираты реализуют в рамках культурной дипломатии множество проектов. В частности, в 2021–2022 годах ОАЭ приняла международную выставку World Expo-2020, которая была отложена вследствие пандемии COVID-19. Только за первый месяц число посетителей достигло почти 2,35 млн, через ворота ЭКСПО прошли представители 185 национальностей. В общей сложности международное мероприятие посетили 1 938 политических деятелей, в том числе главы государств, премьер-министры и министры; они открыли павильоны своей страны и выступили с речами на официальных мероприятиях [13].

Другим событием, представляющим глубокий интерес, является открытие в Абу-Даби в 2018 году музея изобразительного искусства «Лувр». Он стал первым международным музеем в арабском мире и первым из пяти планируемых новых музеев в ОАЭ. Наряду с Лувром также было запланировано открытие филиалов музея Соломона Гуггенхайма и Национального исторического музея шейха Заида.

Среди прочих следует также отметить такие проекты, как:

— серия дискуссий эмиратских деятелей культуры с зарубежными экспертами под названием «Литературные беседы через границы»;

— симпозиум «Культурный марафон», в котором приняли участие руководители культурных учреждений различных стран, обсудив влияние пандемии COVID-19 на сферу культуры;

— «Искусство в посольствах», который направлен на популяризацию произведений художественного искусства Эмиратов через дипломатические миссии ОАЭ [8].

Ежегодно проводятся международные ярмарки Art Dubai, Abu Dhabi Art и международные книжные ярмарки, проходит биеннале в Шардже.

Значительный вклад в реализацию культурной сотрудничества Эмиратов с другими странами вносит Фонд музыки и искусств Абу-Даби. Это некоммерческая организация, призванная продвигать искусство, образование и культуру. Фонд практикует культурную дипломатию через следующие каналы: проведение международного Фестиваля Абу-Даби, сотрудничество с зарубежными стратегическими партнерами Фонда, поддержка арабских художников за рубежом, поддержка культурных и художественных форм обмена между деятелями культуры из ОАЭ и других стран [5].

Следует отметить, что искусство — это не единственный способ, избранный ОАЭ для распространения своих культурных ценностей за рубежом. Государство также уделяет внимание образовательным обменам, приглашая иностранных студентов учиться в университетах Эмиратов и поощряя зарубежные университеты изучать эмиратскую культуру. В ОАЭ представлены отделения престижных зарубежных вузов, в том числе Сорбонны и Нью-Йоркского университета. Суммарно на территории государства открыто свыше 30 филиалов.

Вместе с тем, реализация культурной дипломатии ОАЭ пока сталкивается с определенными проблемами. Прежде всего, речь идет о недостаточном нормативно-правовом регулировании этого вопроса. При разработке Стратегии «мягкой силы» ОАЭ и Видения-2021 государство не уделило должного внимания закреплению целей, задач и направлений культурной дипломатии. Специальный документ, содержащий необходимые уточняющие сведения о реализации данного инструмента внешней политики, также отсутствует. В данном случае следует выразить надежду на то, что правительство государства займется устранением данного пробела, вероятно, при разработке нового плана долгосрочного развития ОАЭ.

При рассмотрении институционального уровня реализации культурной дипломатии следует отметить слабую реализацию важной инициативы открытия культурных представительств ОАЭ за рубежом. Можно предположить, что осуществление этих планов было приостановлено на период пандемии COVID-19. Вероятно, в перспективе государство все

же расширит сеть культурных представительств, что позволит укрепить международное сотрудничество в данной области и укрепить позитивный имидж Эмиратов.

Еще одна проблема заключается в приверженности ОАЭ принципу мультикультурализма. С одной стороны, такая политика позволяет сформировать положительный образ государства, расширить культурное взаимодействие с другими нациями, однако, с другой стороны, возникает риск кризиса национальной идентичности вследствие непрекращающегося взаимодействия элементов чужеродных культур [1].

Таким образом, на текущий момент культурная дипломатия ОАЭ находится на этапе становления. Политические деятели, исследователи и интеллигенция заинтересованы в развитии этого инструмента и все чаще упоминают его в своих заявлениях. К 2022 году государством был заложен фундамент для построения успешной культурной дипломатии, а активность Эмиратов в реализации «мягкой силы» и стремление занять лидирующие позиции в регионе позволят ОАЭ добиться значимых успехов в ближайшие годы.

Список использованных источников и литературы

1. *Илюхина А. Д.* «Мягкая сила» Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) как стратегия национальной безопасности // Вестник ученых-международников. — 2020. — № 3(13). — С. 116–123.
2. Правительство Дубая учредил Международный институт толерантности // Русские Эмираты [Электронный ресурс]. — URL <https://russianemirates.com/news/uae-news/shyeikh-mokhammad-uchrezhdaet-institut-tolerantnosti-dlya-navedeniya-mostov/> (дата обращения: 09.04.2021).
3. Cohesive Society And Preserved Identity // Vision 2021 [Электронный ресурс]. — URL <https://www.vision2021.ae/en/national-agenda-2021/list/identity-circle> (дата обращения: 02.03.2021).
4. Cultural Diplomacy Exchange // globally [Электронный ресурс]. URL <https://globally.org/cultural-diplomacy-exchange> (дата обращения: 02.03.2021).
5. Cultural Diplomacy// ABU DHABI FESTIVAL [Электронный ресурс]. — URL Cultural Diplomacy — Abu Dhabi Festival (дата обращения: 10.04.2021).
6. Cultural Division Mission // Embassy of The United Arab Emirates Cultural Division in Washington, DC [Электронный ресурс]. — URL <http://www.uaecd.org/cultural-division-mission> (дата обращения: 10.04.2021).
7. New cultural mission will spread the UAE's message of tolerance to the world // The National [Электронный ресурс]. — URL <https://www.thenationalnews.com/opinion/editorial/new-cultural-mission-will-spread-the-uae-s-message-of-tolerance-to-the-world-1.948580> (дата обращения: 05.04.2021).
8. Office of Public and Cultural Diplomacy // UNESCO [Электронный ресурс]. — URL: <https://en.unesco.org/creativity/policy-monitoring-platform/office-public-cultural-diplomacy> (дата обращения: 02.03.2021).
9. The UAE Soft Power Strategy // The United Arab Emirates' Government portal [Электронный ресурс]. — URL <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/federal-governments-strategies-and-plans/the-uae-soft-power-strategy> (дата обращения: 02.03.2021).
10. The Values of Cultural Diplomacy // Office of Public & Cultural Diplomacy [Электронный ресурс]. — URL <https://opcd.ae/about-opcd/cultural-diplomacy/> (дата обращения: 02.03.2021).
11. وزارة الخارجية والتعاون الدولي // الدبلوماسية الثقافية [Электронный ресурс]. — URL <https://www.mofaic.gov.ae/ar-ae/the-ministry/the-foreign-policy/cultural-and-public-diplomacy> (дата обращения: 02.03.2021).
12. زكي نسبية: استراتيجية الدبلوماسية الثقافية الإماراتية تركز على مبدأ أن التبادل الثقافي يجعلنا جميعاً أقوى لأننا نتشارك نفس الإنسانية // News Agency WAM [Электронный ресурс]. — URL <https://wam.ae/ar/details/1395302949969> (дата обращения: 02.03.2021).
13. 2.35 دبي-خلال-أكتوبر2020مليون-زيارة-لأكسبو // Office of Public & Cultural Diplomacy [Электронный ресурс]. — URL <https://opcd.ae/ar/2-35--دبي-خلال-أكتوبر2020مليون-زيارة-لأكسبو> (дата обращения: 10.04.2021).

Попов Дмитрий Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет
dp04@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА СЛОВЕНИИ ЯНЕЗА ЯНШИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-СЛОВЕНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

THE HISTORICAL POLICY OF SLOVENIAN PRIME MINISTER JANEZ JANŠA AND ITS IMPACT ON RUSSIAN-SLOVENIAN RELATIONS

Аннотация. В статье рассматривается влияние исторической политики премьер-министра Словении Янеза Янши на развитие российско-словенских отношений. Автор показывает, что обращение к истории словенского лидера может способствовать укреплению сотрудничества и приводить к трудностям во взаимодействии двух стран.

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, Словения, Россия, Янез Янша, популизм.

Abstract. The article examines the influence of the historical policy of Slovenian Prime Minister Janez Janša on the development of Russian-Slovenian relations. The author shows that Slovenian leader's appeal to history can contribute to strengthening cooperation and lead to difficulties in the interaction of the two countries.

Key words: historical politics, historical memory, Slovenia, Russia, Janez Janša, populism.

При рассмотрении вопросов исторической памяти и ее влияния на взаимоотношения стран Центрально-Восточной Европы с Россией наиболее известными сюжетами являются, например, дискуссии между Россией и Польшей по интерпретации событий XX века, положение памятников советским солдатам в Прибалтике. Республика Словения оказывается в тени подобных исследований в силу ее незначительного влияния на международные отношения и не столь тесного взаимодействия с РФ. Однако, на наш взгляд, историческая политика руководства этой страны также представляет особый интерес.

С начала XXI века ведущую роль в словенской политике занимает правая популистская Словенская демократическая партия во главе с Янезом Яншей, нынешним премьер-министром, имеющим шансы выиграть парламентские выборы в апреле 2022 года. Для него характерно использование исторических образов для достижения политических целей. И хотя самой главной целью обращения Я. Янши к исторической политике является укрепление его положения в словенской политической системе, активное использование сюжетов, касающихся прошлого Словении и других стран, может косвенно влиять на межгосударственные отношения.

Целью настоящей статьи является определение влияния исторической политики, проводимой Я. Яншей, на выстраивание российско-словенских отношений на современном этапе. Для ее достижения мы охарактеризуем подход лидера Словении к событиям прошлого через призму его наиболее ярких высказываний и публикаций в социальных сетях в декабре 2021 года, а также рассмотрим, какие используемые им образы коррелируют с российским взглядом на прошлые эпохи, а какие расходятся с точкой зрения руководства РФ. Таким образом, в соответствии с вышеозначенными задачами, источниковой базой исследования станут публикации на портале премьер-министра Словении, его страницах в социальных сетях. Основными используемыми методами являются сравнительно-аналитический и историко-описательный, контент-анализ документов и системный подход.

В рамках исследования мы опираемся на понятие М. Хальбвакса, французского социолога, основоположника исследований в области исторической памяти, коллективной памяти, согласно которому группы людей обладают общей памятью о прошлом [5, с. 47], и

предложенную российским специалистом по вопросам исторической памяти, профессором Европейского университета в Санкт-Петербурге А. И. Миллером концепцию исторической политики — набор практик, с помощью которых различные политические силы стремятся утвердить интерпретации исторических событий как доминирующие [2, с. 10]. Важно понимать существование различных подходов к памяти о прошлом — со стороны Я. Янши и противостоящих ему левых сил, а также России, и именно их сочетание или противоречие определит, является ли историческая память спланированным или разъединяющим фактором в российско-словенских отношениях.

На данный момент фигуре Я. Янши в контексте словенской политики уже посвящались ряд исследований (например, А. Крашовеца [7] или Й. А. Продника [12]), которые, однако, концентрировались на его популистском образе. Если опираться на теорию аргентинского политолога-постмарксиста, знаменитого исследователя феномена популизма Э. Лаклау [9], то подход Я. Янши к формированию антагонизма в обществе во многом определяет его историческую политику. Именно в прошлом он может искать оправдания для определения той или иной группы врагами словенского общества, непосредственной угрозой ему. Эту важность конструирования исторических мифов в рамках популистской политики Я. Янши подчеркивал известный словенский политолог Т. Кузманич еще в 2003 году [8]. В рамках данного исследования мы разовьем этот тезис, привлекая новые факты и рассматривая историческую политику словенского лидера в связке с отношениями РФ и Словении, что определит новизну работы.

Важнейшим событием в исторической политике Я. Янши становится День независимости и единства, отмечаемый в память о событиях начала 1990-х годов, заключающихся в референдуме и краткосрочной войне с югославской армией. Он обозначается как кульминация всей истории словенцев, когда они были по-настоящему едины и достигли своих целей [11, с. 26], подается идеалом для решения всех задач [13]. Этот день в нарративе Я. Янши представлен началом пути Словении к успешному и процветающему государству, что было достигнуто уже сейчас, при его правлении, тогда как успехи его оппонентов не подчеркиваются. Так, развитие Словении описывается лишь в общих чертах, лишь обретение независимости рассматривается как их первопричина. Историческая политика Я. Янши заключается в формировании простого нарратива современной словенской истории с ярким началом и успешным настоящим, но с пустым содержанием, в котором упомянутым остается лишь вхождение в ЕС для подтверждения принадлежности страны к западу.

Говоря о формировании независимой Словении, Я. Янша подчеркивает только положительные черты словенского народа, который смог достичь своих целей сам, а противостоящая сторона в данном процессе не демонизируется, хотя могла быть попытка выстроить очевидную дихотомию словенцев, борющихся за независимость, и сербов, олицетворявших единую Югославию. Врагами Я. Янши в контексте исторической политики выступают коммунисты, входящие в единый вражеский образ левых сил на современном этапе и в прошлом, в Словении и во всем мире. Для этого Я. Янша обращается ко Второй мировой войне, во время которой именно коммунисты представляют, по его мнению, главную враждебную силу и угрозу, объединяются с нацистами, поэтому все борцы с коммунизмом, в том числе словенские коллаборационисты и сербские четники подаются скорее в положительном ключе [10]. Коммунистическая Югославия, постоянно ассоциирующаяся с современными левыми, предстает как противоположность современной процветающей эпохи [6].

Наконец, несмотря на краткость истории независимой Словении, для Я. Янши важны также образы словенских героев прошлых эпох, которых он активно ищет среди всех, кто был словенцем по крови или по месту рождения. В национальный пантеон он включает как можно больше известных людей из разных сфер, чтобы они были значимы для всех словенцев [13], могли бы объединить их, что важно для него как политика-популиста, выступающего от имени всего народа.

Итак, после выявления основных аспектов исторической политики Я. Янши рассмотрим, как его нарратив может способствовать взаимопониманию или противоречиям между

Словенией и Россией. Прежде всего, необходимо остановиться на центральном историческом образе — Дне независимости и единства, событиям начала 1990-х гг. в целом. Это событие предстает грандиозным достижением маленького словенского народа, чем подчеркивается его исключительность в Европе, поэтому оно оказывается важно для формирования образа Янши как значимого европейского политика. Данный дискурс скорее выгоден для формирования прочных связей Словении с европейскими государствами, что подтверждает акцент на демократическом пути достижения независимости [13]. Вместе с тем исключительность словенцев может расходиться с пониманием европейской интеграции, принятой в Брюсселе.

С другой стороны, события демократической трансформации в странах ЦВЕ заставляют словенцев вспоминать и о Советском Союзе как лидере социалистического лагеря. Хотя советский режим и более самостоятельная от него Югославия могут быть лучше отделены друг от друга, все равно СССР может использоваться для формирования единого образа левых сил, враждебных для Я. Янши и его народа. Для той же цели словенский лидер обращается к введению военного положения в Польской Народной Республике или борьбе с Н. Чаушеску в Румынии [6], что может приводить к критике и советского руководства как причине распространения коммунизма в регионе. Тем не менее, обращение к советскому руководству не означает прямую связь с РФ. Для Я. Янши в его антикоммунистическом нарративе важно не деление стран на левые и правые, в каждой он находит примеры коммунистических сил, неуспехи которых он подчеркивает, а борцов сопротивления которым героизирует. Например, Я. Янша часто обращается к фигуре А. И. Солженицына, именно его словами показывает верность своего подхода к нынешним левым [4].

По вопросу Второй мировой войны, как мы отметили выше, Я. Янша предлагает взгляд, отличный от концепции Великой Отечественной войны, значимой для РФ, поскольку выставляет врагами словенцев не только нацистов, но и коммунистов, стремясь объединить их в один враждебный образ. Такой подход схож с идеей о двух тоталитаризмах XX века, характерной для других стран ЦВЕ и не принимаемой в России. Однако, в отличие от остальных государств региона, Словению освобождали не столько войска Рабоче-крестьянской Красной армии, сколько югославянские войска Тито [10], поэтому говоря о смене одного тоталитарного режима другим Я. Янше приходится обращаться, прежде всего, к образу коммунистической Югославии, а советские солдаты уходят на второй план. Для России в данном случае также оказывается не столь важным вопрос о памяти советских воинов как освободителей, что в целом уменьшает роль памяти о Второй мировой войне для двусторонних отношений.

Обращение же Я. Янши к широкому спектру словенских исторических героев может стать потенциалом для использования деятелей, важных для истории и Словении, и России, но таких фигур, оказывается, не столь много ввиду не очень тесного взаимодействия двух стран. Более яркими персонажами пантеона Я. Янши становятся или подданные Австро-Венгрии, или словенцы, проживавшие США, что укрепляет партнерство с Веной или Вашингтоном [13].

Наконец, в контексте обращения к важным датам в истории современной Словении для Я. Янши оказывается не столь важным упоминание вхождения страны в НАТО, которое затмил процесс евроинтеграции, и образ ЕС в целом для Я. Янши важнее для оправдания принадлежности Словении к западному миру. Этот момент может оказаться удобным для выстраивания российско-словенского диалога, в котором фактор исторической российской угрозы и образы холодной войны не играют существенной роли.

Таким образом, в проводимой Я. Яншей исторической политике мы можем найти основы как для развития отношений Словении и России, так и для противоречий между странами. Отсутствие враждебного образа России в словенской исторической памяти ограничивает формирование негативного отношения к современной РФ. Наиболее проблемным для российско-словенских отношений в контексте исторической политики Я. Янши становится

возможность обращения к России как наследнице СССР, образ которого он может использовать для демонизации левых сил. Таких трудностей можно избежать разграничением СССР и современной РФ, и это важно, поскольку вне коммунистического периода Россия вряд ли может представлять угрозу для Словении.

В то же время незначительность взаимодействия стран приводит к небольшому числу общих образов, что усугубляет подход Я. Янши, который старается не упоминать конкретные события последних десятилетий. Тем не менее, можно вспомнить определенные исторические примеры, которые могли бы объединить словенцев и россиян — Русская часовня, построенная русскими военнопленным на перевале Вршич в годы Первой мировой войны [1], но она оказывается более значимой для России, чем для Словении, еще не ставшей тогда независимой. Но в пантеон словенских героев, предлагаемый Я. Яншей, можно включить А. Р. Трушновича — словенца, участвовавшего в гражданской войне в России, крупного анти-советского деятеля Русского зарубежья, и поэтому остающегося спорным для включения в исторический нарратив РФ [3]. Пока же единственным общим историческим деятелем является А. И. Солженицын, который, однако, подается как всемирно известная личность, так что вокруг этого образа тоже трудно выстраивать общую историческую память.

Список использованных источников и литературы

1. Визит в Словению // Президент России. 30.07.2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/52628> (дата обращения: 06.04.2022).
2. Миллер А. Россия: власть и история / А. Миллер // Pro et Contra. — 2009. — № 5. — С. 6–23.
3. Трушнович А. Р. Воспоминания корниловца: 1914–1934. — М.; Франкфурт: Посев, 2004. — 336 с.
4. Dokazali smo, da Slovenija zmore več // GOV.SI Portal. 07.12.2021. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gov.si/novice/2021-12-07-predsednik-vlade-janez-jansa-dokazali-smo-da-slovenija-zmore-vec/> (дата обращения: 06.04.2022).
5. Halbwachs M. On collective memory / М. Halbwachs. — Chicago: The University of Chicago Press, 1992. — 235 p.
6. Janez Janša // Twitter [Электронный ресурс]. — URL: <https://twitter.com/JJansaSDS> (дата обращения: 06.04.2022).
7. Krašovec A. The Politics of Populism in Slovenia // Populist Political Parties in East-Central Europe. — Brno: Masarykova univerzita, 2012. — P. 259–299.
8. Kuzmanić T. Tuđmanizem in janšizem (nacije-države in postsocializmi) // Nova desnica: zbornik predavanj 3. Letnika Delavsko-punkerske univerze. — Ljubljana: Mirovni inštitut, Inštitut za sodobne družbene in politične študije, 2003. — P. 91–129.
9. Laclau E. Populism: What's in a Name? // Populism and the Mirror of Democracy. — London, New York: Verso, 2005. — P. 32–49.
10. Luthar O. FORGETTING DOES (NOT) HURT. Historical Revisionism in Post-Socialist Slovenia // Nationalities Papers. — 2013. — No. 41. — P. 882–892.
11. Pajnik M. Media Populism on the Example of Right-Wing Political Parties' Communication in Slovenia / М. Pajnik // Problems of Post-Communism. — 2019. — No. 66. — P. 21–32.
12. Prodnik J. A., Mance B. Slovenia: Populism as Political Marketing / J. A. Prodnik, B. Mance // Populist Political Communication in Europe. — New York: Routledge, 2016. — P. 349–360.
13. Slavnostni govornik na osrednji državni proslavi ob dnevu samostojnosti in enotnosti // GOV.SI Portal. 23.12.2021 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gov.si/novice/2021-12-23-predsednik-vlade-janez-jansa-slavnostni-govornik-na-osrednji-drzavni-proslavi-ob-dnevu-samostojnosti-in-enotnosti/> (дата обращения: 06.04.2022).

Прыгункова Анна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

annaprygunckova@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

INSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR THE IMPLEMENTATION OF THE EU CULTURAL POLICY

Аннотация. В статье содержится анализ институциональной базы, на которой основывается реализация европейской культурной политики на современном этапе. Автор обозначает основные нормативно-правовые рамки культурно-гуманитарной сферы, существующие направления в международном культурном сотрудничестве как внутри ЕС, так и за его пределами с участием стран-членов и дает оценку эффективности существующих на нынешний момент документов.

Ключевые слова: культурная политика, культурная дипломатия, Европейский союз, нормативно-правовая база.

Abstract. The article contains an analysis of the institutional framework on which the implementation of the European cultural policy is based at the present stage. The author outlines the main regulatory framework of the cultural and humanitarian sphere, the existing directions in international cultural cooperation both within the EU and outside it with the participation of member countries, and assesses the effectiveness of currently existing documents

Key words: cultural policy, cultural diplomacy, European Union, legal framework.

Проблематика взаимосвязи культурной и политической сфер уже очень давно вызывает активные споры представителей экспертного дискурса. На современном этапе культура является значимым аспектом в процессе выстраивания внешнеполитического вектора многих государств, что делает культурную политику одним из национальных приоритетов. В соответствии со статьей 4 Конвенции 2005 года об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, принятой ЮНЕСКО, культурная политика является мерой, реализуемой государством как на национальном, так и на международном уровнях и сосредоточенной на оказании влияния на формы культурного самовыражения [5].

В словаре берлинской Академии культурной дипломатии культурная политика подразумевает под собой совокупность руководящих принципов для принятия решений в области культуры, находящихся в распоряжении различных учреждений. Культурная политика — это спланированная и организованная деятельность, направленная на защиту и продвижение разнообразия, доступности и распространения культуры и искусства [9].

Таким образом, сложно говорить об однозначности такого понятия как культурная политика. Существует огромное множество, казалось бы, тождественно равных понятий, описывающих деятельность государств в области культурной сферы. Подход государств-членов ЕС является особенным еще и потому, что для каждого из них культурная политика, имея внутренний характер, с одной стороны, направлена на сохранение национальных культурных черт, а с другой, — на поддержание общего европейского культурного наследия [1].

Говоря о роли культуры в процессе европейской интеграции, стоит отметить, что Римский договор (1957) изначально не включал никаких конкретных полномочий для реализации культурной деятельности Европейского сообщества. Однако статьи 36 и 131 не исключали возможности вмешательства в культурный сектор в особых условиях. Более четкие нормативно-правовые рамки культурной деятельности закрепились в статье 128 Единого европейского акта (1992) [3]. Несмотря на это, ЕЭС осуществляло свою деятельность в области культуры в рамках международных институтов — ЮНЕСКО и Совета Европы, пока

уровень экономической интеграции не выявил необходимость тесного взаимодействия с целью создания европейского культурного пространства.

В 1954 г. в Париже членами Совета Европы подписывается Европейская культурная конвенция, в преамбуле которой говорится, что таким образом государства принимают решение содействовать тому, чтобы граждане всех государств-членов изучали языки, историю и культуру других стран и культуру, общую для всех [2].

Резолюция Совета ЕС от 20 ноября 1995 г о развитии статистики культуры и экономического роста в своей преамбуле призывает Комиссию в тесном сотрудничестве с государствами-членами и в рамках статистических систем обеспечить эффективное использование существующих статистических ресурсов и работать над составлением сопоставимой статистики культуры в Европейском Союзе [14]. Данный документ способствовал усилению взаимосвязи экономических и культурных аспектов в международном гуманитарном взаимодействии.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., учредившая Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, сыграла большое значение в культурной политике ЕС, а также в поддержании статуса ЕС как самого крупного по масштабам пространства, на котором сосредоточено наибольшее количество культурных институтов мира. Из 1154 объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО на 2021 г. 413 (36 %) находятся в странах Европейского союза [19].

В 2005 г. членами Совета Европы подписывается Рамочная Конвенция о значении культурного наследия для общества [6]. В статье 5 прописываются законодательство и политика в области культурного наследия для всех стран, подписавших конвенцию.

С 2007 г. ЕС стал все более активно развивать собственную нормативную базу по реализации культурной политики, опубликовав Сообщение Комиссии о европейской повестке дня в области культуры в глобализирующемся мире [10]. В Преамбуле документа говорится, что во всем мире культурное разнообразие и межкультурный диалог стали серьезными проблемами для глобального порядка. Документ определяет курс культурной политики ЕС, направленный как на внутренний европейский уровень взаимодействия стран, так и на диалог со странами, не входящими в ЕС. Кроме того, в 2007 г. также была разработана Резолюция Совета ЕС по европейской повестке в области культуры, подтверждающая важность предыдущих актов.

В 2016 г. выходит Совместное обращение к Европейскому парламенту и Совету — Направление стратегии ЕС в области международных культурных отношений [16]. Документ провозглашает культурный фактор основой дипломатии Союза. В преамбуле авторы ссылаются на конвенцию ЮНЕСКО от 2005 г. и говорят о тесной связи экономики и культуры. Совместным обращением 2016 года ЕС создал основу для культурного сотрудничества со странами-партнерами, что полностью соответствует целям Конвенции ЮНЕСКО 2005 г.

В 2018 г. опубликовано Сообщение Европейской Комиссии о Новой европейской повестке дня в области культуры [11]. Большое значение имеет глава 4 «Стратегические цели и действия», а именно статья 4.3, в которой говорится о поддержании культуры как двигателя устойчивого социального и экономического развития.

В нормативно-правовой базе, регулирующей деятельность ЕС в культурной сфере, с 2007 г. все чаще начинают дифференцировать внешнюю и внутреннюю европейскую культурную политику. Среди таких документов можно назвать Сообщения Комиссии от 2007 г. (п. 2.1, 2.2), Сообщение от 2018 г. (п. 4.3, раздел V).

Во введении к документу по итогам заседания Совета ЕС по вопросам утверждения рабочего плана в области культуры на 2015–2018 гг. также есть следующие формулировки: одобрить «...итоги работы, проделанной в области культуры во внешних отношениях ЕС, и продолжить работу в этой области в сотрудничестве с Европейской службой внешних связей и Комиссией»; «учитывать [...] результаты, достигнутые настоящим Планом работы, при разработке политики на национальном уровне» [13].

Таким образом, с 2007 г. Европейский союз реализует два трека культурной политики: внутренний и внешний. Так, российская исследовательница К. Табаринцева-Романова во внешнюю культурную повестку ЕС включает транслирование европейских культурных ценностей в мире, финансирование международных культурных программ и инициатив. Внутреннюю политику ЕС автор фокусирует на защите культурного наследия на территории стран-членов ЕС, поддержание единого европейского культурного пространства [7]. О. В. Елескина также говорит о том, что Европейский союз различает в культурном взаимодействии аспекты, которые его члены реализуют со всем мировым сообществом и те, которые направлены исключительно на развитие культурного пространства в Европе [4].

Неотъемлемой частью как внутренней, так и внешней культурной политики современных государств мира все чаще становится культурная дипломатия. Наиболее часто используется определение культурной дипломатии, сформулированное бывшим Президентом Румынии (1996–2000), главой Академии культурной дипломатии (2011–2017), Э. Константинуеску. Он описывал этот вид деятельности как курс действий, основанный на обмене ценностями и традициями культуры или самобытности и использующий его для укрепления отношений, расширения социально-культурного сотрудничества, продвижения национальных интересов и за его пределами [18].

Марк К. Донфрид и Джессика С. Э. Гиноу-Хехт в своей книге «В поисках культурной дипломатии» упоминают, что толчком для развития культурной дипломатии ЕС стал период «холодной войны». Соединенные Штаты вкладывали большие суммы в развитие искусства, академических обменов с целью завоевать умы людей в Европе, в то время как европейские государства находились в неопределенности своего будущего. Вскоре европейские лидеры выступили с инициативами, которые можно провести параллельно с упомянутыми выше действиями США. Стали вкладываться большие ресурсы в организацию мероприятий культурного обмена, чтобы ускорить процесс европейской культурной интеграции [15, с. 278].

Сегодня система культурной дипломатии ЕС как на национальном, так и на общеевропейском уровне довольно развита. Так, например, Франция уже давно включает культурный компонент в свою внешнюю политику [8]. Однако в других странах также созданы национальные культурные институты, действующие по всему миру. Аккумулируя деятельность национальных институтов в области культурной дипломатии, ЕС создал общеевропейский ресурс — Объединение институтов культуры стран Европейского союза. На сегодняшний день география их деятельности и сотрудничества охватывает более 100 государств мира.

Таким образом, культурная политика ЕС стала вспомогательным инструментом для транслирования европейских культурных ценностей, привлекательного образа ЕС в мире, а также для поддержания и развития единого европейского культурного пространства с учетом национальных особенностей каждого члена объединения.

Список использованных источников и литературы

1. Боголюбова Н. М. Вопросы теории и практики взаимовлияния внешней и внутренней культурной политики / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева // Культура и мир: сб. ст. по матер. Междунар. научн. форума 7–8 октября 2008 года [Электронный ресурс] — URL: https://royal-lib.com/read/sbornik_statey/kultura_i_mir.html#0 (дата обращения: 04.11.2021).
2. Европейская культурная конвенция — 1954 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rm.coe.int/16800645e8> (дата обращения: 04.11.2021).
3. Единый европейский акт от 28 февраля 1986 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901771690> (дата обращения: 04.11.2021).
4. Елескина О. В. Некоторые аспекты культурной политики ЕС // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 3(63). Т. 2. — С. 115–119.
5. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения от 20 октября 2005 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 04.11.2021).

6. Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества. СДСЕ № 199 (27 октября 2005 года) — . [Электронный ресурс]. — URL: <https://rm.coe.int/1680083829> (дата обращения: 04.11.2021).
7. *Табаринцева-Романова К. М.* Развитие внешней культурной политики ЕС после Лиссабонского договора // Современная Европа. — 2017. — № 4. — С. 98–108.
8. Французская культурная сеть за рубежом // Официальный сайт МИД Франции [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/kul-turnaya-diplomatiya/le-reseau-culturel-francais-a-l-etranger/> (дата обращения: 01.04.2022).
9. *Chakraborty, K.* Culture Diplomacy Dictionary of the Academy of Culture Diplomacy // Institute for Cultural Diplomacy, 2013. Kurfürstendamm 207–208, D-10719 Berlin, Germany. — P. 30–31.
10. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on a European agenda for culture in a globalizing world Brussels. 10.5.2007 [Электронный ресурс]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1598955769302&uri=CELEX:52007DC0242> (дата обращения: 18.11.2021).
11. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A New European Agenda for Culture {SWD(2018) 167 final} Brussels. 22.5.2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1527241001038&uri=COM:2018:267:FIN> (дата обращения: 18.11.2021).
12. Conclusions of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States, meeting within the Council, on a Work Plan for Culture (2015–2018) (2014/C 463/02) [Электронный ресурс]. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.2014.463.01.0004.01.ENG# (дата обращения: 18.11.2021).
13. Council conclusions on the Work Plan for Culture 2019–2022 (2018/C 460/10) [Электронный ресурс]. — URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52018XG1221\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52018XG1221(01)) (дата обращения: 18.11.2021).
14. Council Resolution of 20 November 1995 on the promotion of statistics on culture and economic growth. (95/C 327/01) [Электронный ресурс]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31995Y1207%2801%29> (дата обращения: 24.11.2021).
15. Gienow-Hecht C.E.J., Donfried M.C. Searching for a Cultural Diplomacy. Edition: NED — New edition 1. Published by: Berghahn Books, 2010.
16. Joint Communication to the European Parliament and the Council: Towards an EU strategy for international cultural relations. Brussels. 8.06.2016 [Электронный ресурс]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2016%3A29%3AFIN> (дата обращения 18.10.2021).
17. Resolution № 2007/C 287/01 of the Council on a European Agenda for Culture of 16.11.2007 // OJ. — 29.11.2007. — P. 287 [Электронный ресурс]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32007G1129%2801%29> (дата обращения: 18.10.2021).
18. What is Cultural Diplomacy? What is Soft Power? Institute for Cultural Diplomacy [Электронный ресурс]. — URL: https://www.culturaldiplomacy.org/index.php?en_culturaldiplomacy (дата обращения 04.11.2021).
19. World Heritage List // UNESCO's official website.[Электронный ресурс]. — URL: <https://whc.unesco.org/en/list/> (дата обращения: 24.03.2022).

Рудь Елена Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
st095449@student.spbu.ru

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE DEVELOPMENT OF CULTURAL RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

Аннотация. В статье проводится анализ деятельности общественных организаций и определяется их место в российско-абхазских культурно-гуманитарных связях. Автор обозначает основные направления двустороннего взаимодействия государств в культурной сфере, рассматривает проблемы и перспективы сотрудничества России и Абхазии в данной области и выявляет, как реализуются культурные проекты на площадках неправительственных организаций.

Ключевые слова: культурная политика, российско-абхазские гуманитарные связи, общественные организации, культурные центры, стратегическое партнерство.

Abstract. The article analyzes the activities of public organizations and their place in Russian-Abkhazian cultural and humanitarian relations. The author outlines the main directions of bilateral cooperation between states in the cultural sphere, examines the problems and prospects of partnership between Russia and Abkhazia in this area and how cultural projects are implemented at the sites of non-governmental organizations.

Key words: cultural policy, Russian-Abkhaz humanitarian relations, public organizations, cultural centers, strategic partnership.

Роль общественных организаций в современном мире возрастает, они постепенно становятся силой, которая способна влиять на политику государства. Организации выступают как одно из измерений политики «мягкой силы».

Согласно определению, которое дано в Федеральном законе Российской Федерации «Об общественных объединениях», общественной организацией является основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан. Взаимодействие общества и государства предполагает определенные условия: законность, сотрудничество, взаимный обмен информацией субъектов взаимодействия. Общественные организации и объединения поддерживаются органами государственной власти, предназначенными для управления государством на разных уровнях (центральном, региональном и местном). Совместные консультативные мероприятия, экспертная и аналитическая деятельность, предоставление грантов и осуществление закупок товаров и услуг для обеспечения нужд являются формами их взаимодействия [6].

Эффективное решение различных международных проблем и вопросов в современном мире осуществляется с опорой на совместные усилия государства и общества, общественных организаций и объединений. Такой вид взаимодействия способствует укреплению взаимопонимания и доверия между странами и народами, развитию гуманитарного сотрудничества, продвижению интересов страны за рубежом, выработке решений общественно значимых проблем.

Именно такую задачу ставят перед собой общественные организации, нацеленные на налаживание культурных и гуманитарных связей России и Республики Абхазия. С их помощью российской общественности удастся лучше понять деятельность и традиции Республики

Абхазия, а также общественные организации дают возможность абхазскому народу довести свои традиционные ценности и своеобразие культуры до заинтересованной аудитории.

Гуманитарная сфера сотрудничества на сегодняшний день является одной из ключевых и приоритетных в вопросах стратегического партнерства между Россией и Абхазией.

В декабре 2009 года в Абхазии начал свою работу Российский центр науки и культуры, одна из составляющих деятельности которого — гуманитарная миссия, проведение образовательных и культурных проектов в Республике Абхазия, развитие научно-технических и информационных двусторонних связей, культурно-просветительская деятельность среди российского населения. Большое внимание уделяется молодежной политике и внеурочной деятельности школьников [8].

Немаловажным является деятельность Общества дружбы «Россия — Абхазия», которая направлена на развитие двусторонних отношений в различных сферах, в том числе и в культурной области. Мероприятия, осуществляемые в рамках данного общества, проводятся с целью создания благоприятной среды для взаимодействия между представителями творческих профессий, для осуществления культурного обмена, фестивалей, которые способны раскрыть культурные особенности народов обеих стран [4].

В Краснодаре действует краевая общественная организация «Центр абхазской культуры “Апсны”», основной целью которой является возрождение, развитие и сохранение культуры абхазцев, взаимопонимание и объединение между национальностями для сохранения мира и межнациональных двусторонних отношений.

В Сухуми с 2018 г. при представительстве Россотрудничества в Абхазии свою работу осуществляет «Школа молодого лидера». По своей сути это досуговая, образовательная и коммуникационная площадка, созданная с целью обучения молодых лидеров проектной деятельности, общественно полезным делам, привлечения к участию в различных образовательных проектах. С опорой на данный проект осуществляется деятельность по расширению связей между молодежью обеих стран, развивается молодежное сотрудничество, повышается занятость и привлекательность социально-ориентированной деятельности [1].

В 2019 г. в Республике Абхазия начал работу Центр открытого образования на русском языке и обучения русскому языку. На площадке Центра открытого образования проводятся культурно-просветительские мероприятия, фестивали, тематика которых посвящена системе образования в России, науке и ее культурным традициям, организуются тематические недели российской литературы и кинематографа, спорта, семинары и «круглые столы», также организованы курсы повышения квалификации для педагогов [5].

На территории Республики Абхазия свою деятельность ведет Координационный союз организаций русских соотечественников. На базе данной организации за 2021 год было проведено 56 мероприятий, которые были направлены на создание гармонично развивающихся отношений между всеми этническими группами. Основная цель союза заключается в заботе о будущем каждого российского соотечественника, проживающего за пределами своего государства [3].

Помимо вышеперечисленных общественных организаций в Абхазии свою работу ведут такие организации, как Черноморское казачье войско Абхазии, Союз казаков Абхазии и казаков-ветеранов боевых действий и Фонд развития взаимоотношений между Абхазией, Россией, ЛНР и ДНР. Совместно проводимые мероприятия направлены на консолидацию усилий, защиту прав русского населения, которое проживает на территории Республики Абхазия, а также на налаживание эффективного сотрудничества с органами власти Абхазии и России для укрепления межгосударственного стратегического партнерства.

В 2020 г. в Республике Абхазия была создана новая общественная организация «Благотворительный фонд развития национального кинематографа «Сандро-Продакшн», основной задачей которой является поддержка развития национального кинематографа, поддержки национальных режиссеров, актеров и сценаристов; большое внимание уделяется развитию и продвижению совместных российско-абхазских кинопроектов, сотрудничеству с кинокомпаниями и киностудиями Российской Федерации, с Союзом кинематографистов России [2].

Международный интеллектуальный клуб «Диалог» при поддержке Россотрудничества также осуществляет свою деятельность на территории Республики Абхазия. Организация объединяет представителей интеллигенции Абхазии, которые осуществляют социально значимую деятельность в сфере культуры и образования. Российские СМИ, освещая информацию о деятельности клуба и его решения, увеличивают туристический потенциал Республики Абхазия, способствуя развитию туристических двусторонних отношений [7].

Большая часть существующих общественных организаций и культурных центров, которые способствуют налаживанию двустороннего российско-абхазского гуманитарного сотрудничества, располагается на территории Республики Абхазия, что, в свою очередь, говорит о заинтересованности абхазского правительства в налаживании отношений с Российской Федерацией. Основная проблема деятельности подобных организаций кроется в финансовой поддержке и получении грантов на осуществление их работы за рубежом. Центры, согласно российскому законодательству, располагаются на территории иностранного государства, что является преградой для свободного ведения их политики. Всего три фонда, предоставляющих грантовую поддержку подобной общественной деятельности, выделяют средства. Однако процесс получения такой помощи также затруднителен, поскольку основное внимание уделяется тем организациям и культурным центрам, которые находятся на территории западных государств.

Основная ответственность за развитие двусторонних отношений в гуманитарной сфере лежит на гражданском обществе России и Абхазии, поскольку именно оно способно оказать содействие в решение актуальных проблем, провести научный анализ перспектив отношений. Это, в свою очередь, в дальнейшем может стать платформой для разработки эффективной политики в российско-абхазских взаимоотношениях.

Список использованных источников и литературы

20. *Авидзба Б.* «Школа молодого лидера» в Абхазии // Sputnik Абхазия. — 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/20181106/shkola-molodogo-lidera-otkrylas-v-suxume-1025526672.html> (дата обращения: 04.04.2022).
21. В Абхазии создан благотворительный фонд развития национального кинематографа «Сандро-продакшн» // АпсныПресс. — 2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ap-snypress.info/ru/item/1529-v-abkhazii-sozdan-blagotvoritelnyj-fond-razvitiya-natsionalnogo-kinematografa-sandro-prodakshn> (дата обращения: 04.04.2022).
22. Координационный союз организаций русских соотечественников в Республике Абхазия // Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://ksors.ru> (дата обращения: 05.04.2022).
23. Общество дружбы «Россия-Абхазия» // Официальная группа [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/russia_abhazia (дата обращения: 04.04.2022).
24. Открытие центра образования на русском языке в Республике Абхазия. Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. — 2019. [Электронный ресурс]. — URL: <https://edu.gov.ru/press/1991/centr-obrazovaniya-na-russkom-yazyke-otkrylsya-v-abhazii/> (дата обращения: 04.04.2022).
25. Об общественных объединениях: Федеральный закон № 481-ФЗ от 14.04.1995 г. (с изм. на 30.12.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. № 481-ФЗ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102035642> (дата обращения: 06.04.2022).
26. *Цвижба А.* Неформальный «Диалог»: культурные связи России и Абхазии // Sputnik Абхазия. — 2019. 23 окт. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/20191023/Neformalnyy-Dialog-v-Sukhume-obsudili-kulturnye-svyazi-Rossii-i-Abkhazii-1028672554.html> (дата обращения: 04.04.2022).
27. *Шария В.* Россотрудничество в Абхазии: переориентация в квотах и взлет театра // Эхо Кавказа. — 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30340643.html> (дата обращения: 04.04.2022).

Рязанова Алевтина Гаджиевна

Санкт-Петербургский государственный университет
st069412@student.spbu.ru

ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

EVOLUTION OF CULTURAL RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF POLAND IN THE LATE XX — EARLY XXI CENTURY

Аннотация. В данной статье проводится анализ эволюции культурных взаимоотношений России и Польши в конце XX — начале XXI века. Автор обозначает основные тенденции и достижения, а также проблемы и противоречия, определявшие образ российско-польского культурного сотрудничества на рубеже веков.

Ключевые слова: российско-польское сотрудничество, эволюция культурных взаимоотношений, межкультурный диалог, Россия, Польша.

Abstract. This article analyzes the evolution of cultural relations between Russia and Poland in the late 20th — early 21st century. The author identifies the main trends and achievements, as well as problems and contradictions that defined the image of Russian-Polish cultural cooperation at the turn of the century.

Key words: Russian-Polish cooperation, evolution of cultural relations, intercultural dialogue, Russia, Poland.

В конце XX — начале XXI века происходит процесс формирования современного российско-польского культурного пространства, возникают новые формы и методы двустороннего сотрудничества. В начале 1990-х гг. создается новый договорно-правовой механизм регулирования российско-польских межкультурных отношений. В частности, 25 августа 1993 года в Варшаве было подписано «Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования». Это соглашение стало основой, на которой затем выстроился весь каркас российско-польского культурного взаимодействия. Помимо прочего, согласно данному документу, стороны обязались помогать друг другу в осуществлении деятельности российского Центра науки и культуры в Польше и польского Центра информации и культуры в России, также затрагивались вопросы, касающиеся защиты прав детей и несовершеннолетних, культурного обмена, научного и межуниверситетского взаимодействия.

В 90-е годы одной из наиболее эффективных форм развития и продвижения межкультурного диалога между Россией и Республикой Польша (РП) являлись различные двусторонние организации, цель которых заключалась во всестороннем содействии расширению российско-польских культурных связей. Особую известность среди подобных организаций приобрели Российский центр науки и культуры в Варшаве, Российский центр науки и культуры в Гданьске, а также Школа при Посольстве России в Республике Польша. В Польше в 90-е годы также действовали Ассоциация старообрядцев (г. Бор) и Ассоциация «Русская община» (Варшава). В 1992 году в РФ был создан «Конгресс поляков в России» [11]. Основная задача данной организации состояла в представлении интересов польского национального меньшинства на федеральном и международном уровнях. В рамках деятельности Конгресса в 1992 году был снят документальный фильм «Память и боль Катыни». В юбилейный для польского композитора Ф. Шопена и русского поэта А. Пушкина год (1998) Конгресс поляков России выступил инициатором проведения множества концертов и выставок, посвященных памяти этих двух выдающихся деятелей российской и польской культуры.

Тем не менее, несмотря на все присутствовавшие в поле двусторонних взаимоотношений позитивные аспекты, в силу ряда объективных и субъективных факторов последнее десятилетие XX века все же стало для России и Польши временем взаимного культурного «забвения». В 1998 году русская литература в Польше занимала лишь одиннадцатое место по общему количеству тиражей. За этот период было опубликовано всего 15 российских изданий общим тиражом 95 тыс. экземпляров [3]. В 1999 г. в зарубежной литературе лишь 2 % составляли книги российских авторов. Во второй половине 90-х гг. в польских театрах крайне редко ставились пьесы российских и советских драматургов. На экраны польских кинотеатров в то время вышли только два новых фильма российского производства: «Утомленные солнцем» и «Сибирский цирюльник» Н. С. Михалкова. По сравнению с эпохой «социалистической дружбы» взаимная популярность российской и польской культур в РП и РФ значительно снизилась. В известной мере значимое положение в польском культурном пространстве сохранила, по преимуществу, лишь российская классика: спектакли, представленные труппами старейших академических театров России (Мариинского театра, Большого театра и др.), культовые русские балеты «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Жизель», оперы П. И. Чайковского, А. Н. Римского-Корсакова, М. И. Глинки, М. П. Мусорского, произведения Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского и М. А. Булгакова.

Ситуация начала постепенно меняться с приходом нового тысячелетия. Первое десятилетие XXI века стало для отношений двух стран эпохой «культурного ренессанса». Польская культура в этот период снова обрела достаточно значительную нишу в культурной жизни россиян. Активно развивалось российско-польское взаимодействие в сфере театрального искусства, музыки, кинематографии. Значительно расширилось пространство взаимного культурного обмена. В эти годы было проведено много совместных мероприятий: фестивалей, выставок (живописи, фотографии, скульптуры), открытые показы российских и польских современных и классических кинокартин. Огромное количество россиян и поляков получили возможность познакомиться с культурным наследием народа, с которым они объединены как этнолингвистическим родством, так и географическим «соседством». Россию посетили многие именитые деятели польской культуры: Е. Гофман, К. Занусси, А. Вайда, Р. Поланский и др. В 2003 г. выдающемуся польскому режиссеру А. Вайде «за большой вклад в национальную и мировую художественную культуру, воспитание творческой молодежи» было присвоено звание почетного доктора ВГИК. «Творчество Вайды в нашей стране, вероятно, не менее популярно и любимо, чем у самих поляков. Его фильмы “Поколение”, “Канал”, “Пепел и алмаз” связаны для многих с рождением самого понятия “школа польского кино», — отметил на церемонии награждения бывший ректор ВГИКа А. Новиков [1].

В России проводилось множество фестивалей польского кино: «Польская весна», «Панорама современного польского кино» в Москве, «Фестиваль нового польского кино» в Санкт-Петербурге, «Шедевры польского кино» в Ижевске и др. Возродилась традиция творческого сотрудничества российских и польских кинематографистов, на большие экраны вышел ряд фильмов совместного производства: «Дело Романа Бара», «Русский бунт», «Эйфория», «Персона нон грата» [7]. По словам известного российского режиссера и продюсера Никиты Михалкова, картина «Персона нон грата» — это история «об отношениях между польским и русским мужчинами, замешанных, как и отношения между нашими странами, на болезненной любви друг к другу. Это все равно как нести чемодан без ручки — неудобно, а выбросить жалко» [6].

Коллективы ведущих российских театров стали частыми гостями на сценах Варшавы, Кракова, Гданьска, Катовиц, Вроцлава, Познани, Щецина и Лодзи. В феврале 2004 г. в польской столице с большим успехом прошли гастроли Александринского театра им. А. С. Пушкина из Санкт-Петербурга. В ноябре 2005 г. в Варшаве театр показал спектакль «Двойник» по Ф. Достоевскому. В то же время в варшавском Театре Народов польской публике московским театром «Современник» была представлена «Шинель» по повести Н. В. Гоголя. В постановке роль Акакия Акакиевича играла известная российская актриса М. Неелова.

Этот спектакль посетил и А. Вайда, прокомментировавший его следующим образом: «Овации звучали не только потому, что “«Шинель» — спектакль замечательный, а актриса играет великолепно. Я думаю, что поляки, которые находились в этом зале, хотели показать, каковы наши подлинные чувства к россиянам. Это очень важно в столь сложный политический момент. Самый верный путь к сближению — через культуру» [8].

Кроме того, в этот период развивалось и сотрудничество в области хореографического и музыкального искусства. Так, в мае 2003 г. в Варшаве прошли выступления Санкт-Петербургского государственного мужского балета В. Михайловского. В начале 2005 г. он уже гастролировал в 14 польских городах. Moscow City Ballet впервые приехал в Польшу в 2003 г. и с тех пор бывал в этой стране ежегодно. В декабре 2005 г. он привез с собой такие культовые балеты, как «Лебединое озеро» и «Жизель». Именно в Кракове состоялось его двухтысячное выступление. В декабре 2008 г. Moscow City Ballet также гастролировал по Польше с балетом «Лебединое озеро» [5]. В то же время российские и польские музыканты и исполнители гастролировали и регулярно участвовали в ежегодных международных музыкальных фестивалях в Польше и в России. В октябре 2005 г. в Челябинской филармонии выступил польский квартет кларнетистов «Кларибель». В 2006 г. в Польше выступали оркестр «Алексан», Д. Мацуев и Е. Мачетина. В августе того же года на открытии Шопеновского фестиваля в Душниках Здрое играл известный российский пианист Григорий Соколов. В 2005 г. в Летнем фестивале камерной музыки в Хеле под Гданьском приняла участие пианистка О. Русина. В том же году в «Декабрьских вечерах Святослава Рихтера» участвовал польский пианист Петр Андрушевский [4]. В июле 2008 г. в Калининграде состоялось выступление органиста из Польши М. Стефаньского.

Также следует отметить, что в начале XXI века в польском обществе вновь возрос интерес к русской литературе. Русская классика стала издаваться в полном объеме. Произведения же советской литературы переиздавались достаточно редко (к примеру, «Тихий Дон» М. Шолохова). Из современной литературы издавались известные, но временно забытые авторы, такие как О. Битов и Л. Петрушевская. Вошел в обиход и русский модернизм в лице В. Сорокина и В. Пелевина. Из современных авторов наибольшую известность получил В. Ерофеев за «Энциклопедию русской души», которая воспринималась поляками как анти-русское произведение, и книгу «Хороший Сталин». Польский читатель хорошо был знаком также с Т. Толстой и Л. Улицкой. В первом десятилетии нового века на прилавках книжных магазинов в Польше появились романы А. Варламова, Ю. Полякова, Ю. Дружников, Л. Бородина и некоторых других российских писателей. Популярными стали книги Б. Акунина и А. Марининой, которые в декабре 2007 г. стали почетными гостями II фестиваля детективной литературы в Варшаве [3]. Даже «отец» польских экономических реформ Л. Бальцерович увлекся романами Б. Акунина.

Невозможно также не упомянуть об организованном в Варшаве в 2006 г. ежегодном фестивале российских фильмов «Спутник над Польшей». Президент фестиваля М. Шляговска-Скульска особо подчеркнула: ««Спутник над Польшей» является исключительным, культурным событием, аудитория которого составляет 50 тыс. зрителей <...>. «Спутник» стал платформой для культурных и деловых контактов между Польшей и Россией. В 2009 году он был номинирован журналистами наиболее авторитетного польского ежедневника «Газета Выборча» на премию «Вдохы» и по итогам открытого голосования получил звание «Событие года-2009» <...> Фестиваль привлекает не только отдельных любителей кино, но и более широкую аудиторию, представляя собой вид альтернативного, интегрирующего досуга <...>» [10]. Также она подчеркнула: «Главной идеей «Спутника» является возрождение российской кинематографии в сознании польских зрителей после почти 20-летнего перерыва. Наша цель — напомнить о старых шедеврах классики российского кино, показать новые художественные, документальные, мультипликационные фильмы. Фестиваль включает не только показы фильмов, но и широкую культурную программу: концерты, выставки, лекции, вечеринки. Все это помогает польским зрителями не только посмотреть, но и на неделю погрузиться в российскую культуру, увидеть, услышать, понять. «Спутник» —

это самый большой фестиваль российского кино в мире <...> мы показываем более 160 фильмов на порядка 800 показах в 35 городах Польши <...>» [10]. В попечительский совет фестиваля вошли многие видные российские и польские политики, общественные деятели, представители творческой интеллигенции: В. Путин, С. Нарышкин, С. Лавров, А. Авдеев, А. Голутва, Ю. Лаптев, М. Швыдкой, В. Матизен, Б. Шумяцкий, Н. Сёмина, К. Шахназаров, В. Павляк, Б. Здроевски, Р. Сикорски, Х. Гронкевич-Вальтц, А. Одорович, Я. Бромски, Т. Ковальски, А. Вайда, Л. Копец, Р. Костро, М. Малатыньски, Я. Папроцки, Ц. Гап-Плоньска.

Таким образом, эволюция российско-польских взаимоотношений в конце XX — начале XXI века представляла собой сложный, противоречивый и непоследовательный процесс. Противоречия и проблемы, возникавшие между нашими странами в политико-идеологическом пространстве, отражались, к сожалению, и на культурных связях. Однако даже в самое тяжелое время «летаргии» 90-х гг. интерес российского и польского обществ к культуре друг друга все же продолжал сохраняться, и это создало предпосылки и заложило основу для начала в первом десятилетии XXI века периода российско-польского «культурного ренессанса». Как отмечает Г. Вишневский, в двухтысячные годы «процесс американизации в Польше ослаб и вернулось естественное восприятие русской культуры как одной из самых значимых в мире. Но это не совсем спонтанный процесс, а результат целенаправленных действий» [9].

Список использованных источников и литературы

1. Анджей Вайда стал почетным доктором ВГИКа // Коммерсант. — 2003. — 10 апр. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/961643> (дата обращения: 05.04.2022).
2. *Британишский В.* Польша в сознании поколения оттепели // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. — М., 2001.
3. *Бухарин Н. И.* Российское и польское общество друг о друге // Россия и современный мир. — 2008. — № 1. — С. 78–96.
4. *Бухарин Н. И.* Российско-польские отношения: 90-е годы XX века — начало XXI века // Рос. акад. наук, Ин-т экономики. — М.: Наука, 2007. — 292 с.
5. Литовский «Мадагаскар» // Независимая газета. — 2010. — 15 сент.
6. Михалков сразится с Хаматовой? // Комсом. правда. — 2005. 31 августа.
7. Память и предостережение // Невское время. — 2005. — 09 июня.
8. Режиссер Анджей Вайда: «Не надо думать, что у актеров есть пол» // Изв. — 2007. — 12 дек.
9. Россия и Польша: парадоксальная любовь. Беседа с Гжегожем Вишневским // Полит.ру. — 2009. — 16 мая [Электронный ресурс]. — URL: <https://polit.ru/article/2005/12/02/poljakilibiat/> (дата обращения: 04.04.2022).
10. Шляговска-Скульска М.: «Фестиваль российских фильмов “Спутник над Польшей” — беспрецедентный кинопроект» // ФестивальИнфо [Электронный ресурс]. — URL: http://festiwalwisla.pl/info_sponsor.pdf (дата обращения: 02.04.2022).
11. Prudskaya V. Rosyjsko-polskie stosunki kulturalne w latach 1991–1999 // Badania i Rozwój Młodych Naukowców w Polsce. Nauki humanistyczne i społeczne. Część V. — S. 74–79.

Смирнов Егор Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет

smirnovlegor@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПОЛЯРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ И КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ПАРТИЙ: ПУТИ РЕШЕНИЯ

THE PROBLEM OF POLARIZATION OF SOCIETY IN THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE AND THE CRISIS OF TRADITIONAL PARTIES: WAYS OF SOLUTION

Аннотация. В исследовании проводится кейс-анализ поляризации общества в странах Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция). Поляризация в настоящем исследовании рассматривается как усиление фрагментации партийной системы в результате столкновения различных культур в одной стране. Исследование построено на гипотезе о существовании кризиса традиционных партий в странах Северной Европы, что выражается в увеличении количества различных тематических партий и партий одного вопроса, в повышении популярности праворадикальной повестки и появлении в парламенте внесистемной политической партии, которая разрушает культурный баланс, в сокращении количества мандатов традиционных партий, в увеличении количества партий с высоким уровнем представительства и с разным отношением к межкультурному взаимодействию. В заключении автором были предложены пути решения проблемы и создания политических условий для налаживания межкультурного диалога.

Ключевые слова: поляризация общества, фрагментация партийной системы, Северная Европа, кейс-анализ, метод сценариев.

Abstract. The study provides a case analysis of the polarization of society in the Nordic countries (Denmark, Iceland, Norway, Finland, Sweden). Polarization in this study is seen as an increase in the fragmentation of the party system as a result of the clash of different cultures in one country. The study is based on the hypothesis that there is a crisis of traditional parties in the Nordic countries, which is expressed in an increase in the number of different thematic parties and parties of the same issue, in an increase in the popularity of the right-wing radical agenda and the appearance in parliament of an extra-systemic political party that destroys the cultural balance, in a reduction in the number of mandates of traditional parties, in an increase in the number of parties with a high level of representation and with different attitudes towards intercultural interaction. In conclusion, the author suggested ways to solve the problem and create political conditions for establishing intercultural dialogue.

Key words: polarization of society, fragmentation of the party system, Northern Europe, case analysis, scenarios method.

Проблема поляризации общества остро стоит сегодня в странах Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция) и влияет на обострение межкультурных и межэтнических противоречий. Источником поляризации общества следует считать кризис традиционных партий, которые не способны удовлетворить новые запросы избирателей. В государствах Северной Европы всеми основными парламентскими партиями была принята концепция построения общества всеобщего благоденствия, и различия между программными установками избиратели должны искать уже в деталях. Тогда на политической сцене появляются совершенно новые силы, которые стремятся именно идеологически покорить избирателя, т. е. представить людям некую угрозу, которую необходимо решить. Для праворадикальных партий такой проблемой является миграционный кризис, а для леворадикальных — глобальное потепление и разрушительное воздействие человека на окружающую среду.

В этих условиях традиционным «партиям управления», т. е. партиям, которые в первую очередь привлекают избирателей на свою сторону за счет привлекательности модели управления и предыдущих достижений во власти, становится нечего противопоставить «партиям идеологии», стремящимся покорить избирателей своей яркой вывеской решения всех проблем борьбой с одной угрозой. Об этом кризисе «больших идеологических нарративов» и приходящих на смену им «молекулярных идеологий и партий одного вопроса» писал кандидат политических наук Э. С. Соловьев [3, с. 194]. Таким образом, происходит трансформация партийной системы и усиление новых «партий идеологии».

Однако проблема заключается в том, что праворадикальные партии своей риторикой необходимости разграничения «своих» и «чужих» провоцируют межкультурные и межэтнические столкновения. Но следует понимать, что проблема заключается также во фрагментации партийной системы в целом, потому что необходимо учитывать не только возникновение новых праворадикальных сил, но и размывание традиционного противостояния левоцентристов и правоцентристов по вопросу принадлежности средств производства, фискальной политики и распределения социальных услуг. Это создает условия для смещения акцента избирателей на другие вопросы, которые становятся ключевыми. Это, например, борьба с изменениями климата и новая жесткая миграционная политика. В настоящем исследовании, построенном на кейс-анализе партийных систем пяти стран Северной Европы, строятся сценарии политических решений обозначенной проблемы, которые могут восстановить межкультурный диалог.

В Швеции по итогам парламентских выборов в 2018 г. в Риксдаг прошли 8 партий, причем раньше их было всего 5 (с 1944 по 1985 г.) [5]. В период с 1988 по 2010 г. в Риксдаг прошли 4 новые политические силы, причем в 1985 г. только 4 партии имели 20 мест и больше, а сейчас таких уже 7, а у социал-демократов — всего 100 мест в 2018 г. (против 159 в 1985 г.). Шведские демократы являются третьей политической силой в Риксдаге с 2014 г., и именно они представляют собой яркий пример новой «партии одного вопроса», сфокусированной на миграционной проблеме [2, с. 96].

В Норвегии с 1927 г. главной политической силой является Норвежская рабочая партия. Ее основной соперницей всегда была партия Хёйре. В 1993 г. она впервые не смогла занять второе место на парламентских выборах. Это повторилось в 1997, 2005 и 2009 г. После последних выборов в Стортинг в 2017 г. в нем представлены 7 политических партий. С 2009 г. 3 партии стабильно получают минимум 27 мандатов, причем в последний раз такое было в 1930 г. С 1997 г. праворадикальная Партия прогресса является стабильно второй или третьей политической силой в Стортинге [8].

В Финляндии с 2019 г. в Эдускунте представлены 9 партий. С 2011 г. второй или третьей приходит праворадикальная партия «Истинные финны». Во второй половине XX века в Финляндии в период «холодной войны» крупнейшими партиями были социал-демократы (56 мест в 1987 г.), Национальная коалиционная партия (53), Финская народная демократическая лига (социалисты; 16) и Партия Центра (40). В 1990-е гг. рост популярности пережили Зеленая партия, христианские демократы и Шведская народная партия, а также реформированный социалистический Левый альянс. В 2019 г. сразу 6 партий получили больше 15 мандатов (хотя в 1987 г. их было 4), а места распределились так, что сразу 3 партии могли назвать себя победителями [7].

С 2019 г. в Фолькетинге представлены 14 партий, причем только 2 имеют 40 мандатов (социал-демократы и венстре), а 5 партий имеют от 12 до 16 мест. С 2019 г. в Фолькетинге представлены сразу две праворадикальные партии — Датская народная партия и Новые правые, а также две зеленые партии — Красно-зелёные и «Альтернатива». Хотя социал-демократы остаются крупнейшей партией, нельзя не отметить устойчивое падение их популярности (69 мандатов в 1990 г. и 48 мандатов в 2019 г.). Кроме того, растеряла свою поддержку Консервативная партия (42 мандата в 1984 г. и 12 мандатов в 2019 г.). Новыми главными политическими силами XXI века стали Венстре (22 мандата в 1984 г. и 43 мандата в 2019 г.) и Датская Народная партия [4].

В Исландии в 1979 г. 4 партии находились в Альтинге. В 1995 г. их было уже 6. Традиционными политическими партиями являются Партия независимости, Прогрессивная партия, Социал-демократический союз и Лево-зеленое движение. С 2017 г. в Альтинге представлено уже 8 партий [6].

Мы предлагаем следующие пути решения проблемы: введение мажоритарной избирательной системы; сокращение полномочий парламента и усиление другого института; увеличение значения местной власти; принятие практики референдумов; запрет праворадикальных партий. Первые две опции направлены на решение последствий поляризации общества.

Введение мажоритарной избирательной системы предполагает масштабную политическую реформу во всех пяти странах, так как сейчас их избирательные системы являются пропорциональными (отличаются они избирательными порогами от 2 до 5 %, а также двумя методами подсчета: Д'Ондта и Сент-Лагю). Преимуществом такой реформы является сокращение количества партий в парламенте. Однако ее недостатком будет сокращение реального представительства населения страны в парламенте. Таким образом, это позволит сократить количество вопросов на повестке дня перед выборами и увеличит возможности для двух-трех главных партий для формирования устойчивого правительства, однако от этого пострадает демократическая репрезентация.

Сокращение полномочий парламента и консолидация власти в руках другого института (правительство, монарх, президент) предполагает отход от системы парламентской республики в этих странах. Преимуществом такой реформы является то, что это позволит сократить зависимость принятия решений от уровня поляризации в обществе, так как его непосредственным выразителем является парламента. Однако встает вопрос о легитимности решений, которые будут приниматься в обход парламента. Противники такой реформы критикуют её, видя в ней попытку установления диктатуры. Однако в Финляндии и Исландии президент избирается народом, а правительства формируются в результате парламентских выборов. Так что в этом смысле демократическая репрезентация власти сохранится. Однако такое решение не позволит побороть корни поляризации общества.

Увеличение значения муниципальной власти предполагает непосредственное решение причины популяризации — это упрощение политической повестки и использование укрупненных лозунгов популистами, что было описано еще аргентинским теоретиком политической науки Э. Лакло [1]. Акцент политической повестки дня будет перенесен на местный уровень, что позволит размыть противоречия на национальном уровне. Однако встают вопросы перераспределения финансовых ресурсов и увеличения уровня бюрократизации на местном уровне (аппарат контроля и исполнения решений). Хотя такая реформа позволит связать теснее государственное управление с чаяниями конкретных людей, она требует серьезной перестройки административного управления и встретит сопротивление центра.

Практику частых референдумов можно позаимствовать у Швейцарии. В период с 1950 года в Швейцарии был проведен 501 референдум, которые не связаны с вопросами отношений с Европейским Союзом. За этот же период в Дании таких референдумов было 11, в Исландии — 3, в Швеции — 2, а в Финляндии и Норвегии — ни одного. Референдумы могут сократить значение партий, если население является политически сознательным, и тогда будет возникать меньше столкновений на фоне межпартийного идеологического противостояния. Однако это усложнит процесс принятия решений на государственном уровне и повысит уровень непредсказуемости политики страны; члены малых политических организаций и малых партий затеряются в общей массе. Таким образом, хотя такая реформа позволит в какой-то степени реализовать принцип прямой демократии, она потребует повышения уровня политической сознательности населения, и общество столкнется с проблемой сокращения демократической репрезентации. Кроме того, упрощение специального вопроса до общего с выбором ответа «да» или «нет» не всегда позволяет реагировать комплексно на проблему.

Наконец, запрет радикальных политических партий позволит перекрыть непосредственный источник поляризации общества, но не его корни. Это не повлияет на сознание их

радикальных членов, представителей их руководства, которые продолжают свою «подрывную деятельность». Хотя такие организации уйдут в подполье, умеренные избиратели перестанут о них задумываться.

На основании обозначенных политических путей решения проблемы поляризации можно построить пять сценариев, какие действия можно предпринять в комплексе в будущем:

1. Сценарий № 1 (борьба с последствиями): введение мажоритарной избирательной системы; запрет радикальных политических организаций.
2. Сценарий № 2 (введение сильной центральной власти): сокращение полномочий парламента и консолидация власти в руках другого института; принятие практики частых референдумов; запрет радикальных политических организаций (дополнительно).
3. Сценарий № 3 (полная передача ответственности сверху вниз): увеличение значения региональных и муниципальных властей; принятие практики частых референдумов на местном уровне.
4. Сценарий № 4 (частичная передача ответственности сверху вниз): введение мажоритарной избирательной системы; увеличение значения региональных и муниципальных властей; принятие практики референдумов на местном уровне (дополнительно).
5. Сценарий № 5 (увеличение демократической репрезентации): принятие практики частых референдумов; перераспределение полномочий между национальным и региональными уровнями в пользу второго.

В результате анализа возможных последствий внедрения предложенных сценариев нами было определено, что наиболее оптимальными сценариями следует считать сценарии № 2 и № 4. В первом случае произойдет формирование устойчивого механизма принятия государственных решений, который одновременно сохраняет высокий уровень демократической репрезентации и сокращает влияние столкновения политических партий. Во втором случае акцент политической повестки дня будет перенесен на местный уровень, что позволит размыть противоречия на национальном уровне, но гибкость центральной власти сохранится за счет первого шага.

Список использованных источников и литературы

1. Лакло Э. О популизме [Электронный ресурс]. — URL https://andrewrosdolsky.blogspot.com/2014/08/blog-post_4.html (дата обращения: 09.04.2022)
2. Плевако Н. С. Парламентский кризис в Швеции 2018 г. и «третья сила» // Современная Европа. — 2019. — № 2. — С. 95–105.
3. Соловьев Э. Г. Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации? // Политические процессы в меняющемся мире. — 2018. — Т. 11. — № 3. — С. 185–198.
4. Elections in Denmark. Statistics [Электронный ресурс]. — URL https://en.wikipedia.org/wiki/Elections_in_Denmark (дата обращения: 08.04.2022).
5. Historical statistics of elections 1910–2018 [Электронный ресурс]. — URL <https://www.scb.se/en/finding-statistics/statistics-by-subject-area/democracy/general-elections/general-elections-results/pong/tables-and-graphs/historical-statistics-of-election-results/historical-statistics-of-elections-19102018/> (дата обращения: 08.04.2022).
6. Statistics. General Elections [Электронный ресурс]. — URL <https://www.statice.is/statistics/population/elections/general-elections/> (дата обращения: 08.04.2022).
7. Statistics. Parliamentary elections [Электронный ресурс]. — URL https://www.stat.fi/til/evaa/tau_en.html (дата обращения: 08.04.2022).
8. Statistikkbanken [Электронный ресурс]. — URL <https://www.ssb.no/en/statbank/table/08092/tableViewLayout1/> (дата обращения: 08.04.2022).

Суханова Марья Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет
marya.sukhanova@mail.ru

СПОРТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

SPORTS DIPLOMACY OF RUSSIA BEYOND THE POLAR CIRCLE AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Аннотация. В статье определяется текущее состояние и перспективы реализации спортивной дипломатии России в регионах Арктики в XXI веке. Автор обозначает основные направления спортивной дипломатии как основного инструмента «мягкой силы» государства и дает оценку эффективности проводимых на данный момент спортивных мероприятий.

Ключевые слова: спортивная дипломатия, спорт, внешняя политика, Арктика, Россия, «мягкая сила» государства.

Abstract. The article defines the current state and prospects for the implementation of Russian sports diplomacy in the Arctic region in the 21st century. The author identifies the main areas of sports diplomacy as the main tool of the soft power of the state and assesses the effectiveness of the current sporting events.

Key words: sports diplomacy, sport, external policy, the Arctic region, Russia, soft power.

Территории Крайнего Севера издавна привлекали к себе внимание правительств разных стран мира [8]. Предпринимались попытки научных экспедиций по освоению этих территорий и консервации их природных богатств. Сегодня эти территории принято обозначать термином «Полярный круг» и разделять их на Северный полярный круг (так называемая Арктика) и Южный полярный круг (земли Антарктики). Территории Северного полярного круга занимают государства Норвегия (Шпицберген, Нурланн, Тромс, Финнмарк), Швеция (Норрботтен), Финляндия (Лапландия), США (Аляска), Канада (Юкон, Северо-Западные территории, Нунавут), Дания (Гренландия), Исландия (Нордюрланд-Эйстра) [2].

Российская Федерация также присутствует на территориях Северного полярного круга (Республика Карелия, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Архангельская область, Республика Коми, Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край, Якутия, Чукотский автономный округ).

Особенно активно интерес страны к регионам Арктики начал проявляться в XXI веке [1], когда были организованы различные программы освоения полезных ископаемых [10], природоохранная деятельность [9], культурно-образовательные мероприятия созданы программы госфинансирования населения [17], развит туризм [11]. Поскольку в рамках современной геополитической ситуации регионы Арктики являются уже не просто природными зонами, а привлекают интерес разных стран, диалог по освоению этих территорий происходит на межкультурном и политическом уровне на языке дипломатии и с применением дипломатических методов. В рамках последних особый интерес представляет явление спортивной дипломатии.

Само понятие «спортивная дипломатия» появилось в отечественной политике относительно недавно. Отечественные исследователи Н. М. Боголюбова, Ю.В. Николаева и В. И. Винокуров отмечают, что оно существует в одном поле с такими понятиями, как «внешняя культурная политика» [4], «мягкая сила», «спорт как историческое явление», «международные отношения» [5].

Как отмечают преподаватели СПбГУ, занимающиеся исследованием спортивной дипломатии Н. М. Боголюбова и Ю. В. Николаева, интерес политиков к спорту можно объяс-

нить в первую очередь стремлением доказать превосходство той или иной нации и конкуренцию государств на мировой арене через субсидирование и спонсирование правительствами и фондами спортивных мероприятий, проведение церемоний и ритуалов открытия, официальные празднования побед и чествование победителей, а сами спортсмены рассматриваются как послы государств, выполняя те или иные общественные миссии [3]. Авторы так формулируют определение спортивной дипломатии: «Это специфический вид дипломатической деятельности, при которой спорт используется как вспомогательный или самостоятельный политический инструмент для решения определенных внешнеполитических задач, например, с целью установления или улучшения дипломатических отношений между государствами, для оказания политического давления на руководство другой страны, для демонстрации определенных внешнеполитических целей, намерений или интересов» [3]. Также авторы приводят и другое определение спортивной дипломатии: «Совокупность официальных и неофициальных действий государства, его дипломатических представительств, спортивных функционеров, спортсменов и тренеров, направленных на осуществление целей и задач внешней политики государства с помощью спорта, спортивных соревнований. Она может реализовываться посредством организации спортивных мероприятий, обмена спортивными делегациями, спортсменами, тренерами, с помощью установления спортивных контактов, демонстрации спортивных достижений и т. д.» [3].

Другой отечественный исследователь А. О. Наумов формулирует определение спортивной дипломатии как «деятельность правительственных и негосударственных структур в рамках реализации внешнеполитического курса государства путем организации, проведения и участия в международных спортивных мероприятиях» [12].

В Арктическом регионе принципы спортивной дипломатии были заложены еще во времена Советского Союза, когда на рудниках Шпицбергена, где сегодня проводятся совместные работы российских и норвежских компаний, организовывались спортивные мероприятия для проживавших там рабочих [16]. Как отмечает А. К. Порцель, на рудниках существовали советы добровольных спортивных обществ «Шахтер», «Труд», которые занимались спортивным просвещением жителей архипелага. Они же ежегодно определяли лучшие физкультурные коллективы среди работников, устраивали спортивные соревнования между коллективами, которые переросли впоследствии в ежегодные островные спартакиады, первая из которых состоялась в июле 1949 года [16]. В поселках было организовано множество спортивных секций, был построен стадион, бассейн [15]. Особой популярностью пользовались такие виды спорта, как футбол, волейбол, городки, толкание ядра, бег, прыжки в длину и высоту, шахматы, шашки, лыжные гонки, настольный теннис, стрельба и хоккей, который занимал особое место. В 2017 году появилось новое направление — йога. Кроме того, увлекались жители туризмом и альпинизмом [15].

Как отмечает Ю. В. Николаева, суровый климат и природные условия региона не мешают развитию здесь и сегодня спортивных мероприятий, среди которых выделяются международные, региональные и национальные соревнования по различным видам спорта: олимпийским, неолимпийским, командным, индивидуальным, экстремальным, национальным, для взрослых и детей, любителей и профессионалов [13].

К крупным международным соревнованиям можно отнести так называемые Арктические зимние игры (Arctic Winter Games), которые стали проводиться с 1970 года странами Циркумполярного региона — Гренландии, Канады, Норвегии, США, Финляндии, Швеции [14]. Играм присуща вся необходимая атрибутика, чтобы считаться инструментом спортивной дипломатии: талисман, эмблема, церемония открытия и закрытия с торжественным шествием участников, эстафета огня. Игры включают как традиционные виды спорта, так и национальные виды спорта коренных народов Севера — арктическое многоборье (Инуитские игры), игры Дене, бег на снегоступах, гонки на собачьих упряжках [18]. При этом Ямало-Ненецкий автономный округ претендует на проведение первых в России Арктических зимних игр в 2026 году в Салехарде [14].

Еще одно крупное спортивное мероприятие Севера в рамках спортивной дипломатии, состоявшееся в 2019 году в Красноярске, — зимняя Универсиада [7], где были учреждены должности послов, среди которых были отмечены олимпийские чемпионы и чемпионы мира: Виктор Вайлд (сноуборд), Евгений Устюгов (биатлон), Алексей Ягудин (фигурное катание) и др. [6]. Кроме того, Универсиада способствовала популяризации имиджа России, идей студенческого спорта и здорового образа жизни.

Однако в Арктике проводятся не только региональные и международные турниры, но и соревнования по отдельным видам спорта. Среди таких мероприятий можно выделить Арктический женский кубок по кёрлингу (Arctic Curling Cup), который проводится на ледовой арене Таймыр в г. Дудинка Красноярского края с участием команд из России, США, Канады, Финляндии, Швеции; велогонку Норвегии Арктик-Райс (Arctic Race of Norway) по дорогам Северной Норвегии с участием спортсменов из Нидерландов, Норвегии, России, Эстонии; международный турнир по хоккею с шайбой на Кубок Арктики (Arctic Cup) среди непрофессиональных команд из Дании, Исландии, Канады, Норвегии, России, США, Финляндии, Швеции. Подобные мероприятия выступают примерами объединяющей миссии спорта.

С 2013 года в Архангельске проводится открытый международный турнир по греко-римской борьбе на Кубок Арктики для детей и подростков от 10 до 16 лет из России, Норвегии, Эстонии и Белоруссии. Для взрослых в Воркуте в 2014 году был учрежден международный турнир среди профессионалов по контактному каратэ среди мужчин.

Популярны в Арктике и экстремальные виды спорта. Здесь с 1994 года проводится международное авторалли «Арктик-Трофи» (Arctic-Trophy) с участием России, Украины, Швеции, Норвегии, Финляндии, Латвии, Польши, Великобритании; международный турнир по силовому экстриму Arctic Man в Надыме (в 2015 году получил статус международного) при участии России, Финляндии, Швеции, Норвегии, Исландии, Латвии, Эстонии, Исландия, Узбекистана и Белоруссии; холодный (ледяной) забег для участников из двадцати (20) стран на дистанции в 4 км по снегу и льду в сопровождении собак хаски; чемпионат по ледяному плаванию в Мурманске при участии Германии, Австралии, Ирландии, ЮАР, Зимбабве, Чехии.

На территории Российской Арктики с 1994 года устраивается массовый лыжный пробег «Лыжня дружбы» в поселке Раякоски Мурманской области. В нем участвует более чем 3 тыс. любителей лыжного спорта из России и Скандинавии. Гонка примечательна тем, что раз в году ее участники проходят на лыжах по территории трех стран — России, Норвегии и Финляндии — без предъявления паспортов и виз. Идея проведения таких гонок принадлежала России; гонка задумывалась как основа для сотрудничества между государствами. Гонка не отменялась даже в условиях сложных международных отношений [13].

Таким образом, спортивная дипломатия является эффективным инструментом «мягкой силы» государства и проникает даже в такие непростые для освоения территории, как северные регионы. Спортивные соревнования международного и регионального уровня, которые сегодня проводятся в Арктическом регионе, способствуют повышению популярности Арктики, привлекают внимание к культурной жизни ее коренного населения, численность которого сокращается, а также служат инструментом привлечения в регион новых жителей для его освоения и обогащения. Все вместе это положительным образом сказывается на имидже государств-участников соревнований, в частности Российской Федерации, и служит средством укрепления дипломатических связей между гражданами. Развитие спортивных соревнований на территории Арктики в будущем может способствовать укреплению национальных видов спорта коренных народов Севера, помогая бережному сохранению, популяризации и восстановлению их культурного наследия. Кроме того, интерес России к спортивным мероприятиям позволит стране развивать свое присутствие в северном регионе, укрепляя и модернизируя его инфраструктуру и традиции проживающих там людей.

Проведение соревнований поможет развитию транспортной инфраструктуры Севера, строительству спортивных сооружений в Арктике, сохранению флоры и фауны. Все это актуально для преодоления основной проблемы освоения региона — трудных климатических температур. Интерес к проведению международных мероприятий будет способствовать и расширению культурного обмена и дипломатических каналов.

Список использованных источников и литературы

1. Агуреева С. А. Актуальные проблемы международных отношений и международного права / С. А. Агуреева, Н. В. Вильская, Т. В. Каширина, О. Н. Петюкова. — М.: Дипломатическая академия МИД РФ, Финансов. ун-т при Правительстве РФ, 2020. — 631 с.
2. Арктика в фокусе современной геополитики [Электронный ресурс]. — URL <https://www.irpr.ru/2015/12/14/arktika-v-fokuse-sovremennoj-politiki> (дата обращения: 03.03.2022).
3. Боголюбова Н. М. Геополитика спорта и основы спортивной дипломатии: Учеб. пособ. для бакалавриата и магистратуры / Н.М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. — М.: Изд-во «Юрайт», 2019. — 282 с.
4. Боголюбова Н.М. Становление и эволюция внешней культурной политики России. — СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2013. — 205 с.
5. Винокуров В. И. Спортивная дипломатия как новое эффективное средство внешней политики / В. И. Винокуров, А. К. Воронцевич // Дипломатическая служба. — 2018. — №1. — С. 49–60.
6. В Красноярске открылась зимняя Универсиада [Электронный ресурс]. — URL <https://ksors.org/?p=18475> (дата обращения: 03.03.2022).
7. Всемирная Зимняя Универсиада 2019 в Красноярске [Электронный ресурс]. — URL <http://www.admkrsk.ru/press/events/universiada/Pages/all.aspx> (дата обращения: 08.03.2022).
8. Голдин В. И. Международные отношения в Арктике: место и роль Европейского Союза: Учеб. пособ. [Электронный ресурс] / В. И. Голдин, М. М. Паникар, Ф. Х. Соколова, И. И. Тюрикова. — Архангельск: САФУ, 2017. — 179 с.
9. Игнатъева В. Арктические стратегии: энергетика, безопасность, энергия и климат [Электронный ресурс] / В. Игнатъева, В. Киушкина, Р. Самсонов, М. Ишмуратова, И. Родичкин //— Центр энергетике Московской школы управления СКОЛКОВО. — М., 2020. — С. 43–59.
10. История освоения российской Арктики [Электронный ресурс]. — URL https://tass.ru/info/6311508?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 07.03.2022).
11. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография // Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. Ломоносова. — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. — 281 с.
12. Наумов А. О. «Спортивная дипломатия как инструмент мягкой силы» // Мировая политика. — 2017. — № 4. — С. 32–43.
13. Николаева Ю. В. Арктика — территория спортивной дипломатии // Арктика: общество, наука и право: Сб. ст.; ред. Н. К. Харлампьева. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2020. — С. 178–185.
14. Первые Всероссийские арктические игры пройдут весной на Ямале [Электронный ресурс]. — URL https://tass.ru/sport/13531249?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 11.03.2022).
15. Песни, танцы и спорт // Рус.вестн. Шпицбергена. — 2013. — № 5. — С. 4–6.
16. Порцель А. К. Социально-экономическая деятельность СССР/России на Шпицбергене в условиях его особого международного статуса (1920–2010 гг.). — Мурманск: Мурманск. Арктич. гос. ун-т, 2020. — 503 с.
17. Россиянам дали право на бесплатный гектар в Арктике. Как получить землю на Севере? [Электронный ресурс]. — URL: <https://lenta.ru/brief/2022/02/01/gektar/> (дата обращения: 10.03.2022).
18. Background of the Arctic Winter Games [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.arcticwintergames.org/About.htm> (дата обращения: 03.03.2022).

Темербаева Александра Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

St087317@student.spbu.ru

РОЛЬ АМЕРИКАНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГЕРОЕВ MARVEL И DC)

THE ROLE OF AMERICAN CINEMA IN INTERCULTURAL DIALOGUE AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY (USING THE EXAMPLE OF MARVEL AND DC HEROES)

Аннотация. В статье анализируется роль и значения американского кинематографа в современном межкультурном диалоге. Автор указывает на силу влияния американской культуры и ее способность интегрироваться в другие культуры на примере всемирно известных героев киностудий Marvel и DC, а также отмечает, как именно это влияние осуществляется.

Ключевые слова: межкультурный диалог, культура, Marvel комиксы, DC комиксы, супергерои, современный кинематограф.

Abstract. The article analyzes the role and significance of American cinema in the modern intercultural dialogue. The author points to the power of the influence of American culture and its ability to integrate into other cultures on the example of the world-famous heroes of the Marvel and DC studios, and also notes how exactly this influence is carried out.

Key words: intercultural dialogue, culture, marvel comics, DC comics, superheroes, modern cinema.

В современных международных отношениях межкультурный диалог играет важную роль. Технический прогресс, а также развитие различных форм международных коммуникаций (включая развитие Интернет-сети) оказали существенное влияние на сближение культур разных стран. Глобализация сделала тему межкультурного диалога как никогда актуальной.

Содержание понятия «межкультурный диалог» различается в западной и отечественной традициях. В работах зарубежных исследователей межкультурный диалог приравнен к понятию межкультурные коммуникации. Активное изучение межкультурной коммуникации началось с 1960-х годов в Америке. Возможной причиной, по которой США первыми стали изучать данную тему, является то, что Америка многонациональна и стала домом для множества народов с различными культурными особенностями. Это разнообразие подтолкнуло американских ученых к изучению вопросов межкультурной коммуникации, влияния культур друг на друга. К тому же после Второй мировой войны сфера влияния американской политики резко разрослась, что также способствовало распространению американской культуры. Позже эту тему подробно изучили в своей работе «Межкультурные коммуникации» Л. Самовар и Р. Портер. Согласно их утверждению, межкультурные коммуникации представляют собой вид коммуникации, в котором стороны данной коммуникации принадлежат к разным культурам [9, с. 70–73].

Вслед за США изучением межкультурной коммуникации начали заниматься на европейском континенте. Считается, что первыми, кто употребил понятие «межкультурные коммуникации» в научном смысле, а также сделал его не только предметом научных дискуссий, но и научной дисциплиной, были Э. Холл и Г. Трейгер в работе «Культура и коммуникации: модель анализа» (1954). Их определение межкультурной коммуникации по сей день вызывает дискуссии. Вместе с тем оно отражает основную функцию межкультурных коммуникаций. По мнению Холла и Трейгера, коммуникация — это культура, культура — это коммуникации [10]. Культура, по словам авторов, изначально подразумевает некий диалог.

В настоящее время наибольший интерес среди зарубежных исследователей представляют работы культуры и психологии М. Коула. Автор не дает определения межкультурных коммуникаций, но в работе «Культурно-историческая психология» он отмечал, что каждая культура универсальна в связи с универсальностью человеческого мышления, и совершенно нормально, что в мире сосуществуют множество культур, как нормально и то, что различные культуры интегрируются между собой. Коул обращает внимание на «фундаментальности роли культуры в формировании человеческого мышления и поведения» [4, с. 14].

Таким образом, труды Холла, Трейгера, Самовара и Портера стали основой для дальнейших исследований в сфере межкультурной коммуникации. Межкультурные коммуникации, по мнению западных исследователей, одновременно показывают уникальность конкретной культуры и интегрируют между собой различные культуры, что приводит к их взаимопроникновению и взаимодополняемости.

В отечественной науке изучение межкультурных коммуникаций началось позже (в 1990-х годах) ввиду наличия «железного занавеса» и ограниченного взаимодействия российской культуры с культурами зарубежья. Автором одного из первых крупных трудов по межкультурным коммуникациям в отечественной науке является Т. Г. Грушевицкая. В работе «Основы межкультурной коммуникации» дается следующее определение: Межкультурные коммуникации — это взаимодействие между совокупностью результатов деятельности человеческого общества во всех сферах его жизни, составляющих и обуславливающих образ жизни нации, этноса, социальной группы в любой конкретно-исторический период времени» [3, с. 16]. Культура, по словам исследователей, у каждого народа своя, но это не значит, что в культуре одной страны, нации или этноса нет того, что свойственно чужой культуре. Авторы отмечают, что культура не только влияет на коммуникацию, но и сама подвергается ее влиянию. Этот вывод перекликается с тем, о чем писали Холл и Трейгер — культура не остается однообразной. В нашем мультикультурном мире взаимопроникновение неизбежно.

Подробному изучению понятия «межкультурные коммуникации» посвятила работу Е. Л. Головлева. Автор рассматривает межкультурную коммуникацию как «совокупность разнообразных форм, отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [2, с. 26]. Е. Л. Головлева замечает, что в современном глобализованном мире межкультурная коммуникация затронула практически все сферы человеческой жизни — от межгосударственных отношений до межличностного общения. Кроме того, Е. Л. Головлева выделяет микроуровень и макроуровень в межкультурной коммуникации, где на микроуровне взаимопонимание представителей различных культур ограничивается обозначением именно своей культуры, как «нормы» в общении, а на макроуровне культура является объектом наблюдения.

По нашему мнению, наиболее полно раскрывающим содержание понятия «межкультурных коммуникаций» является определение, данное Н. М. Боголюбовой и Ю. В. Николаевой в работе «Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен». Авторы пишут: «Межкультурная коммуникация — это сложное, комплексное явление, которое включает разнообразные направления и формы общения между отдельными индивидами, группами, государствами, относящимися к различным культурам» [1, с. 12]. В этом определении указывается не только на коммуникацию между людьми, как носителями культуры, но также отмечается связь между другими группами и государствами, что подчеркивает следующее: межкультурная коммуникация не заканчивается на межличностном общении, она затрагивает все сферы человеческой деятельности, и именно поэтому ее роль в международных отношениях как никогда важна.

В современном мире огромным влиянием обладает именно американская культура. Основным инструментом распространения влияния культуры США можно считать американский кинематограф. Голливуд завоевал любовь людей со всего мира. Широко известны такие герои, как Терминатор («Терминатор», 1984), Форест Гамп («Форест Гамп», 1994), Гендальф («Властелин Колец», 2002–2004). Исследователи американского кинематографа М. А. Фролова, Е. В. Савенкова и Е. А. Иваненко одной из причин успешности американского кино

называют то, что оно является «полем опыта, в котором не думают, а разряжают психику» [8]. Человек в большинстве американских фильмов представлен приближенно к реальности, иногда даже чересчур обыденно, вплоть до примитивных деталей (например, поход в душ, завтрак, занятия спортом и др.). Цель этого приема — заставить зрителя идентифицировать себя с экранным персонажем. Так зрителю проще сопереживать герою, понимать его.

Другие исследователи, например, Кристофер Воглер, видят причину популярности кинематографа США в его зрелищности. Автор пишет: «Там минимум диалогов, зато много действия и красивых спецэффектов» [7]. Это позволяет американскому кинематографу быстро захватить внимание зрителя и удерживать его при помощи неизменно динамичной картинки. К причинам популярности можно также отнести то, что американский кинематограф разнообразен по части национальности актерского состава, герои кинокартин США обычно презентуются как идеал, к которому нужно стремиться (при этом делается упор на том, что каждый может стать идеалом, если постарается). Все это делает американский кинематограф одним из самых эффективных инструментов в межкультурной коммуникации США с другими странами.

Популярность американского кинематографа позволяет ему активно влиять на все другие культуры, с которыми он соприкасается. В современном мире одними из самых популярных кинематографических студий являются студии Marvel и DC. Рассмотрим, как американский кинематограф оказывает влияние на другие культуры в межкультурном диалоге на примере героев этих киностудий.

Киностудия Marvel была основана в 1993 году. Сейчас она является дочерней компанией Walt Disney Studios. В арсенал киностудии Marvel входят фильмы, основанные на комиксах о супергероях, спасающих мир, жертвующих собой, оберегающих не только обычных людей, но и целую вселенную. Первая экранизация комикса («Железный человек») вызвала ажиотаж среди зрителей не только Америки, но и других стран. С тех пор интерес многонациональной публики не угасает, а только растет с каждым новым кинокомиксом.

Роль американских кинокомиксов в межкультурном диалоге велика, и это можно проследить на примере того, как персонаж киностудии DC Джокер оказал влияние на сотню тысяч людей по всему миру. Особенность данного героя состоит в том, что, согласно сюжету, он не обременен никакими обязательствами, он — анархист со склонностью к сочувствию социальным низам. Несмотря на то, что подобный образ кажется чуждым для некоторых культур, это не помешало ему завоевать симпатию у зрителей далеко за границами Америки и оказать на их культуру непосредственное влияние. В 2019 году мир потрясла серия так называемых «глобальных протестов». Согласно данным телеканала CNN, в протестах участвовали 24 страны, включая такие страны, как Сербия, Албания, Ирак и Ливан. Данные протесты были охарактеризованы как «восстания против коррупции, авторитаризма и социального неравенства» [5], а их отличительным символом стал грим Джокера. «Джокер — это мы, — провозглашает ливанский уличный художник Мохамед Каббани. — А Бейрут — это новый Готэм-сити». Образ, созданный американской культурой, оказал существенное влияние даже на людей с такой культурой, которой не свойственны проявления анархизма.

Ярким примером влияния американских кинокомиксов в межкультурном диалоге является фильм «Мстители» (2012). Сборы фильма в российских кинотеатрах составили более 169 миллионов рублей [6], отзывы о фильме в большинстве своем положительные, что для экспериментального формата кинокомикса является неплохим достижением. Популярность «Мстителей» в России отразилась и на российской культуре: в продаже стал появляться мерч с супергероями-мстителями, пользующийся популярностью не только среди молодежи, но и у старшего поколения. Серьезное влияние «Мстители» оказали и на российских косплееров, многие из которых посвятили целые аккаунты косплею (гримированию под персонажа) героев из данного кинокомикса. Например, такие популярные российские косплееры, как allena_bellka (косплей Черной Вдовы) и mimisskate (Черная Вдова).

Многие российские фильмы, так или иначе связанные с фантастикой или супергероикой, берут за основу концепт «Мстителей», стараются им подражать динамичностью, стилем картинки, спецэффектами. Примером такого подражания является российский фильм

«Защитники (2017). Его сюжет основывается на создании отряда неких защитников с суперспособностями, которые должны спасти мир от нависшей над ним угрозы. Этот фильм напрямую вдохновлен «Мстителями», поскольку даже концепция у него та же, что у кинокомикса Marvel, от отряда супергероев до их объединения с целью спасения всего мира. Герои «Защитников» очень похожи на «Мстителей»: человек-медведь напоминает своей силой и яростью Халка, Ксения — Черную вдову, а Лера — Железного человека.

Данные примеры свидетельствуют о том, что американские кинокомиксы оказывают достаточно сильное влияние на другие культуры. Тем не менее, межкультурный диалог подразумевает, что он двусторонний, а потому влияние оказывается с обеих сторон. В качестве примера можно привести героя все тех же кинокомиксов Marvel — Черную Вдову. Имя этой героини — Наташа Романова, она — русская шпионка, и многие ее привычки основываются именно на культуре русского человека. Она сурова, неулыбчива, шутит редко, но выполняет поручения ответственно. Иногда ее можно увидеть с бутылкой водки или русскими сигаретами. Она любит зиму, обучается в КГБ и по легенде занимается балетом. Именно российская культура в данном случае оказала влияние на американскую, в результате чего и появился культовый образ известной супергероини под кодовым именем Черная Вдова.

Подводя итог, следует отметить, что межкультурный диалог (или межкультурные коммуникации) в начале XXI века характеризуется большой интенсивностью. Глобализация способствовала столкновению различных культур, их взаимопроникновению и взаимовлиянию. Межкультурные коммуникации не заканчиваются на межличностном общении представителей различных культур, а проявляются во всех сферах человеческой деятельности. В современном мире культура Америки занимает доминирующую позицию и оказывает большое влияние на культуры других стран. Одним из самых эффективных инструментов межкультурной коммуникации США является кинематограф. Киностудии Marvel и DC являются ярким тому примером. Супергерои этих киностудий узнаваемы по всему миру, они завоевали любовь зрителей как в Америке, так и за ее границами. При этом американская культура, отраженная в этих супергероях, оказывает свое влияние на зрителей за границей и, соответственно, их культуру, проникает в нее. В то же время американская культура также подвергается влиянию со стороны других культур, что проявляется в заимствовании их особенностей и характерных черт.

Список использованных источников и литературы

1. Боголюбова Н. М. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. — СПб.: СПбКО, 2009. — 413 с.
2. Головлева Е. Л. Основы межкультурной коммуникации. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. — 224 с.
3. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 352 с.
4. Коул М. Культурно-историческая психология. — М.: Когито-центр: Ин-т психологии, 1997. — 431 с.
5. Маска Джокера в массовых протестах 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rus-siapost.su/archives/195217> (дата обращения: 31.01. 2022).
6. Мстители. Сборы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/press/y2012/5-4/2198/> (дата обращения: 31.02. 2022).
7. Трубникова М. Так рождаются «безумцы» // Рос. газ. — 2013. — 27 дек. — URL: <https://rg.ru/2013/12/27/vogler.html> (дата обращения: 31.01.2022).
8. Фролова М. А. Массовая культура как культура экрана / М. А. Фролова, Е. В. Савенкова, Е. А. Иваненко [Электронный ресурс]. — URL: <https://refdb.ru/look/1763305.html> (дата обращения: 31.02.2022).
9. Samovar L. A. Communications between cultures / L. A. Samovar, R. E. Porter, E. R. McDaniel. — Boston: Wadsworth, 2009. — 483 p.
10. Trager D. Culture as a communication / D. Trager, E. Hall. — New York: The Silent Language. — New York, 1954. — 320 p.

НЕ ПЛЮШКАМИ, А МИТБОЛАМИ БАЛУЕМСЯ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СССР И ШВЕЦИИ НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ» («KARLSSON PÅ TAKET»)

NO-BUNS-BUT-KÖTTBULLAR INDULGENCE: REPRESENTATION OF THE SOVIET AND SWEDISH CULTURAL FEATURES BY THE CASE OF THE BOOK “KARLSSON-ON-THE-ROOF” (“KARLSSON PÅ TAKET”)

Аннотация. В статье анализируются причины популярности образа Карлсона — персонажа шведской литературы — в СССР. Среди них автор выявляет уникальный перевод Л. Лунгиной, близких советской аудитории актеров и режиссеров мультфильма, культурную адаптацию особенностей быта Швеции и новизну образа Карлсона, который выигрышно выделялся на фоне предыдущих положительных, но скучных персонажей детской литературы.

Ключевые слова: культурные особенности, Карлсон, детская литература, Астрид Линдгрэн, мультфильм, СССР, Швеция.

Abstract. The article analyzes the reasons for the popularity of a Swedish literature character Karlsson in the USSR. The author identifies such reasons as a unique translation by L. Lungina, actors and directors of the cartoon who were close to the Soviet audience, cultural adaptation of Swedish everyday life features, and the novelty of a character, which stood out on the background of previous “good” but boring characters of children’s literature.

Key words: cultural features, Karlsson, children’s literature, Astrid Lindgren, animated film, USSR, Sweden.

«А мы тут плюшками балуемся...» — эта фраза знакома каждому ребенку и взрослому, который смотрел советский мультфильм Бориса Степанцева «Малыш и Карлсон», снятый в 1968 году по мотивам книги шведской писательницы Астрид Линдгрэн. Писательница получила широкое признание на родине: она выиграла премию Ганса Христиана Андерсона (Hans Christian Andersen Award) в 1958 году как успешный автор детской литературы [11]. Изначально произведение было рассчитано на местную аудиторию, но А. Линдгрэн стала популярной и среди советской: после публикации книги «Карлсон, который живет на крыше» в 1961 году было продано 5 млн копий [1]. Интересно, что история про персонажа «с моторчиком» остается популярной и сегодня: в «народном» рейтинге лучших фильмов IMBD советский мультфильм про Карлсона входит в топ-5 лучших советско-российских мультипликаций за все время [12]. Однако произведение не пользуется такой популярностью на родине автора: в списке бестселлеров А. Линдгрэн на Amazon книга “Karlsson-on-the-Roof” находится только на 6-м месте, в то время как «Пеппи Длинный чулок» (“Pippi Longstocking”) занимает третью строчку рейтинга, а продолжение истории «Пеппи идет в школу» (“Pippi goes to school”) — первую [6]. Иными словами, история про Карлсона была гораздо более популярной в СССР и остается известной сейчас в России, а не на родине персонажа. Такой парадокс породил интерес к изучению феномена, в связи с чем был поставлен исследовательский вопрос: почему Карлсон в советской мультипликации был популярен в СССР и остается востребованным сейчас в России?

Для разработки научного исследования была выдвинута гипотеза: советская экранизация шведской книги стала популярной благодаря роли переводчика в культурной адаптации оригинала и роли режиссера — в использовании языковых особенностей и адаптации швед-

ского быта под советский, чтобы сделать историю более близкой советскому зрителю. Целью было найти, какие культурные особенности Швеции были адаптированы советским режиссером для местной аудитории. Для ее достижения решены задачи: выявить культурные особенности Швеции в английском переводе книги и особенности СССР — в советской экранизации; найти примеры культурной адаптации особенностей шведского быта в советской экранизации. Стоит отметить недостаточную степень разработанности темы: существует лишь несколько русскоязычных исследований (например, работы А. Кузнецовой [2], Е. Цуканова [5], А. Савицкой [4]), еще меньше — англоязычных работ (статья русскоязычной исследовательницы на английском языке О. Мязотс [10]), хотя нам кажется, что изучение популярности культурного феномена за пределами родины произведения является актуальным направлением исследований.

В качестве теоретической базы научного исследования были выбраны две концепции. Первая была разработана заведующим кафедрой сравнительной литературы Гарвардского университета Дэвидом Дамрошем (David Damrosch). Он выдвинул идею «эллиптической практики чтения» (“elliptical reading practice”), где две перспективы — читатель и текст — встречаются в разных географических и культурных контекстах, что порождает двустороннее восприятие произведения: оно написано «там», но читается «здесь», становясь универсальным для читателя из любой точки планеты [8]. Концепция Д. Дамроша поможет воспринимать «Карлсона, который живет на крыше» как произведение, которое вышло за рамки своего культурно-лингвистического оригинала и стало доступно советским читателям и зрителям. Но если бы мы обращались только к этой концепции, наше исследование было бы односторонним: мы бы рассмотрели только восприятие перевода текста читателем, но не проанализировали бы роль переводчика и режиссера в создании нового произведения. Именно поэтому мы дополняем методологию второй концепцией.

Вторая концепция, позволяющая рассмотреть роль агентов в культурной адаптации текста, принадлежит профессору английского языка университета Нью-Джерси Ребекке Валкович (Rebecca L. Walkowitz). Она утверждала, что произведение пишется для перевода, как перевод и из перевода (“novels were written *for* translation, *as* translation, and *from* translation”) [13]. Это означает, что когда литературный агент (переводчик, издательство) начинает работать с оригиналом, то он создает свое новое произведение: с другим голосом автора, с иными персонажами, характером главного героя. Произведение становится самостоятельной самодостаточной историей. Концепция Р. Валкович поможет рассмотреть перевод «Карлсона...» и советскую экранизацию как самостоятельные произведения, которые были адаптированы под особенности русского языка и аудиторию. Недостаток концепции заключается в том, что Р. Валкович не выделяет конкретные черты адаптации, которые могли трансформировать оригинал истории (перевод текста, репрезентация быта и т. д.), поэтому уникальность данного исследования будет заключаться в самостоятельном поиске таких признаков.

В результате анализа мы можем отметить несколько возможных причин популярности истории о Карлсоне в СССР. **Первой** из них стал перевод книги на русский язык в 1957 году, сделанный Лилианной Зиновьевной Лунгиной [3]. Это можно рассматривать как первую культурную адаптацию произведения. Доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии Санкт-Петербургского государственного университета А. Савицкая писала: «Чем же объясняется любовь к Карлсону в России? Прежде всего, конечно, прекрасным текстом Л. Лунгиной, который уже давно разошелся на цитаты и был использован в не менее любимом мультфильме» [4, с. 359]. Л. Лунгина изменила речевые характеристики персонажей, сделав их ближе советской аудитории и тем самым создав практически новых персонажей, что подтверждает концепцию Р. Валкович о создании самобытного произведения в результате перевода. Так, в английской версии перевода “Karlsson-on-the-Roof” от Марианн Тёрнер (Marianne Turner) Карлсон выступает в роли балагура, но балагур-воспитателя, а в советском переводе он балагур-взрослый, который любит приключения. В английском переводе он говорит: «Успокойся, успокойся!» (“Calm, be calm!”) [9, с. 6], а в русском — уже

знакомую фразу «Спокойствие, только спокойствие!», в которой в меньшей степени звучит воспитательский тон и больше — шуточный. Также шведский Карлсон произносит «Это не так уж важно» (“It’s a small matter”) [9, с. 6], а советский — «Пустяки, дело житейское!», который в английском переводе ближе к “Oh, it’s nothing!” Иными словами, советский Карлсон в речевых характеристиках выступает еще более озорным гиперболизированным взрослым, чем в шведской версии. Он меньше воспитывает Малыша и больше развлекается. Если шведский Карлсон играет роль наставника-воспитателя, то в советском мультфильме роль воспитателей лежит на родителях, а Карлсон выступает другом для Малыша. Малыш также отличается от шведского Эрика. Мы предполагаем, что имя персонажа изменено Л. З. Лунгиной намеренно, чтобы подчеркнуть его наивность и возраст: по сюжету он третий ребенок и самый младший в семье. Советский Малыш опять же более озорной, он сначала пугается проделок Карлсона, а потом присоединяется к ним, в то время как Эрик переживает из-за грозящего наказания за баловство сильнее (“Tears came into his eyes. “My steam engine,” he said. “It’s broken!”) [9, с. 7].

Вторая причина популярности советского Карлсона — широкая известность мультфильма режиссера Бориса Степанцева «Малыш и Карлсон», снятого в 1968 году, и его продолжения «Карлсон вернулся» 1970 года от компании «Союзмультфильм». Славу работе могло принести само имя режиссера, который до этого уже снимал успешные мультфильмы «Опять двойка» (1957), «Петя и Красная Шапочка» (1958) и «Вовка в Тридевятом царстве» (1965). К тому же советского зрителя могли привлечь известные голоса Фаины Раневской, Василия Ливанова и Клары Румяновой, которые были более знакомы аудитории, чем, например, голоса шведских актеров. Известные актеры помогли аудитории лучше воспринимать историю «здесь», а не написанную «там», о чем говорилось в концепции Д. Дамроша.

Режиссер мультфильма приблизил оригинал истории к советскому зрителю также за счет культурной адаптации шведского оригинала — такова **третья** потенциальная причина популярности образа Карлсона. В английском переводе семья живет «в самом обычном доме» [9, с. 3], в то время как в мультфильме — в хрущевке. Исходя из «эллиптической практики чтения» Дэвида Дамроша, такая адаптация делает произведение более понятным читателю другой страны, и аудитория воспринимает историю как созданную «здесь». Однако Б. Степанцев сохранил ключевые культурные и сюжетные характеристики — количество персонажей и их родственные связи: в мультфильме показана семья с тремя детьми, что свойственно для шведского быта с нуклеарным типом семьи, где пожилые «редко живут с взрослыми детьми и их семьей» [7, с. 166]. Режиссер также сохранил место действия — Стокгольм, что можно увидеть на газете, которую читает папа Малыша. В то же время советский Карлсон ест не шведские *köttbullar* — фрикадельки, о которых говорится в английском переводе (“Meatballs!” he said. “Tasty little meatballs I like ver-ry much.”) [9, с. 10], а плюшки, знакомые советским и российским бабушкам, и персонажи упоминают их в диалогах: «А мы тут так, плюшками балуемся». Режиссер старался сохранить культурные черты Швеции (место действия, нуклеарная семья), но адаптировал некоторые особенности под советскую аудиторию (Карлсон ест плюшки, а не фрикадельки, и семья Малыша живет в хрущевке, а не в «самом обыкновенном» шведском доме).

Четвертой возможной причиной популярности Карлсона стала идеологическая направленность книги и мультфильма. Для публикации перевода шведской книги было необходимо, чтобы содержание истории подходило советской идеологии. «Иностранные писателями должны быть авторами классиками — то есть мертвыми — или прогрессивными и соответствующими идеям советского режима», — пишет в своей работе Ольга Мязотс [10, с. 20]. По словам исследовательницы, редакторы старались представить А. Линдгрена как прогрессивного политического лидера, который противостоит капиталистическому обществу. Описание советской книги иллюстрирует коммунистическую политику воспитания: «Это поучительная книга. Ребенок узнает о жизни в большом городе, узнает, что в мире, который кажется радостным и счастливым, есть преступники и дети, брошенные

родителями. Мальчик постепенно понимает, что нужно занимать активную позицию в жизни и помогать слабым» [10, с. 20].

Идея «просвещения детей» также прослеживается в мультфильме. В то время как в английской версии Карлсон просто выгнал преступников из квартиры, где находились дети, и тем самым спас Эрику жизнь, в советском фильме он также показательно «проучил» преступников. Так, в сцене, когда Карлсон с Малышом забрались на крышу и увидели, как преступники воруют постельное белье, Карлсон сказал: «Начнем воспитательную работу!» — и спугнул преступников, претворившись привидением. Так как Малыш в оригинале книги был ребенком из буржуазной семьи, то Е. Цуканов — доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна — интерпретирует эту сцену как «мягкую попытку перевоспитания молодого буржуа» [5, с. 116], соответствующую советской идеологии.

При этом книга и мультфильм стали популярными как раз потому, что они не были строго дидактическими, несмотря на советскую политику массового просвещения. Первое десятилетие после Великой Отечественной войны было «мрачнейшим периодом в истории русской детской литературы», и тогда задачей детской литературы было «устанавливать моральные (коммунистические) ценности среди молодого поколения» [10, с. 21, 22]. Поэтому шаловливый и эгоистичный, но очаровательный Карлсон, который появился в первом переводе в 1957 году, сильно выделялся на фоне «официально одобренных положительных персонажей — воспитанных мальчиков и девочек, вежливых, порядочных и опрятных, но безнадежно скучных» [10, с. 22]. Если в предыдущее десятилетие детская литература фокусировалась на «хорошем поведении» и «превалировании общественных интересов над личными», то Карлсон показал, что ошибки и озорство не признак «испорченной натуры», и вместо дидактизма воспитания и строгости стоит выбирать «любовь, заботу и уважение к ребенку» [7, с. 23].

Итак, «Карлсон, который живет на крыше» — произведение, которое полюбили не только шведскому читателю, но и советскому зрителю. В результате исследования возможных причин популярности мы можем сказать, что во многом признание аудитории было получено за счет уникального перевода Л. Лунгиной, известных советской аудитории актеров и режиссера мультфильма, культурной адаптации особенностей быта и нового для детской литературы того времени образа озорника, который, с одной стороны, показывает, как правильно себя вести, и наказывает негодяев, а с другой — шалит и развлекается, как свойственно обыкновенному ребенку. Перспективой для будущих исследований станет совместная работа нескольких ученых и обращение не к английскому переводу текста, а к шведскому оригиналу для более точного рассмотрения примеров культурной адаптации. Наш исследовательский подход, соединивший в себе концепции «эллиптической практики чтения» Дэвида Дамроша и перевода текста как нового произведения Ребекки Валкович, позволил выделить конкретные черты адаптации, что делает исследование практически значимым и уникальным. Использование этой методологии возможно не только на примере советской адаптации «Карлсона, который живёт на крыше», но и других экранизаций книг Астрид Линдгрен: например, «Мио, мой Мио» (1987) и «Пеппи Длинный Чулок» (1982), которые могут лечь в основу дальнейших исследований.

Список использованных источников и литературы

1. *Карахан А.* Он залетел, но обещал вернуться // Коммерсантъ. — 2000. — 4 апр. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/16721> (дата обращения: 03.04.2022).
2. *Кузнецова А.* Международный научно-практический коллоквиум «Детская литература Северных стран в России: опыт прочтения» / А. Кузнецова, С. Троицкий // Детские чтения. — 2018. — №2. — С. 313–317.
3. *Линдгрен А.* Малыш и Карлсон, который живет на крыше. — М.: Детгиз, 1957. — 136 с.

4. *Савицкая А.* Повторные переводы шведской классики: необходимость или излишество? (на примере произведений С. Лагерлёф и А. Линдгрэн) // *Скандинавская филология*. — 2018. — №2. — С. 356–368.
5. *Цуканов Е.* Карлсон, который живет на крыше и левый уклон в европейской политике (медиаальный аспект) // *Наука. Искусство. Культура*. — 2019. — № 2. — С. 113–118.
6. Best Sellers of Astrid Lindgren // Amazon. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.amazon.com/Best-Sellers-Books-111750010-Lindgren-Astrid/zgbs/books/170748> (дата обращения: 03.04.2022).
7. *Daun Å.* Individualism and collectivity among Swedes // *Ethnos*. — 1991. — No. 3–4. — P. 165–172.
8. *D'haen T.* The Routledge companion to world literature / T. D'haen, D. Damrosch, D. Kadir. — London, New York: Routledge, 2011. — 521 p.
9. *Lindgren A.* Karlsson-on-the-Roof. — The New York: Viking Press, 1971. — 127 p.
10. *Maerots O.* Karlsson Flies over Russia: Astrid Lindgren's Books in Russia // *Bookbird*. — 2004. — Vol. 42. — No. 1. — P. 19–23.
11. The Hans Christian Andersen Awards 1956–2002 // International Board on Books for Young People [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ibby.org/subnavigation/archives/flipbook?tx_archive_archivelist%5Baction%5D=show&tx_archive_archivelist%5Bcontroller%5D=Publication&tx_archive_archivelist%5Bpublication%5D=4&cHash=572fd5aef5fbab8a9156d6d9571ac598 (дата обращения: 03.04.2022).
12. TOP 55 Soviet/Russian Animated Films // *Imdb.com*. 29.11.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.imdb.com/list/ls073133229/> (дата обращения: 10.01.2022).
13. *Walkowitz R. L.* Translated // *Further Reading*. — Oxford: Oxford University Press, 2020. — P. 325–335.

Шудрик Максим Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет
shudrik.maks@mail.ru

РОЛЬ НАУЧНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ ВОКРУГ АРКТИКИ

THE ROLE OF THE SCIENTIFIC INTERNATIONALISM IN THE CROSS-CULTURAL DIALOGUE ON ARCTIC

Аннотация. В статье производится анализ открытых источников Арктического совета и правовых документов, а также исследовательской литературы по вопросам научного сотрудничества на полюсах. Автор исследует роль международного научного сообщества в диалоге вокруг Арктики в период с 1991 года по настоящее время.

Ключевые слова: Арктика, научный интернационализм, Арктический совет, межкультурный диалог.

Abstract. The following article analyzes the open sources of the Arctic Council and its treaties and juridical agreements, as well as the researches on the scientific collaboration on the Poles. The author investigates the role of the international scientific community in the cross-cultural dialogue on Arctic in the period from the year 1991 up to the present time.

Key words: Arctic, scientific internationalism, Arctic Council, cross-cultural dialogue.

Арктический регион на протяжении долгого времени являлся стратегически важной областью в рамках геополитики целого ряда стран. Огромные неосвоенные территории, многочисленные природные ресурсы — все это, разумеется, стояло за формированием и поддержанием интереса к данному региону среди ряда геополитических игроков. Ежегодно собираются международные конференции, посвященные вопросам установления, развития и поддержания устойчивых экономических, политических и военных взаимоотношений стран, преследующих свои интересы в Арктике [4].

Арктика как регион представляет собой не только ресурсную базу или же точку столкновения военных зон влияния и контроля, но и необъятное пространство для проведения научных исследований. Несмотря на фактически отсутствующие четкие границы стран, имеющих территориальные владения в Арктике, мировая общественность активно занимается урегулированием вопросов, связанных не только с военной безопасностью или экономическим сотрудничеством в рамках Арктического региона, но и с вопросами безопасности окружающей среды, совместных научных экспедиций [1].

Данная статья является попыткой проанализировать роль академического международного сообщества в конструировании и поддержании межкультурного диалога вокруг Арктики. За концептуальную основу этой статьи был взят подобный анализ, проведенный в коллективной статье “On the Thick Ice: Scientific Internationalism and Antarctic Affairs, 1957–1980” [7]. Отталкиваясь от предложенной авторами идеи о роли влияния академического международного сообщества, эта статья анализирует тенденции подобного влияния, однако в контексте Арктического региона, хронологически — в период с окончания «холодной войны» по наше время.

В указанной выше статье авторы приходят к выводу о том, что именно благодаря активной и конструктивной деятельности международного академического сообщества стало возможным относительно мирное разделение зон влияния стран в Антарктическом регионе. По оценке, приведенной в статье, использование академического интернационализма позволило США проникнуть в большее число сфер влияния в Антарктике, позволив данным образом нивелировать возникавшее геополитическое и милитаристское напряжение. В ка-

честве примера применения академического сообщества как политического инструмента авторы демонстрируют Международный Антарктический проект по изучению ледников. Один из ключевых выводов авторов статьи заключается в том, что именно академический интернационализм сыграл основополагающую роль в установлении так называемого «режима гeбepнaции» в Антарктике [7]. Тем не менее, важно отметить, что, как и сами авторы статьи, так и другие ученые [6] отмечают тот факт, что научная международная кооперация, безусловно, содержала в себе и политический элемент, ссылаясь на географическое расположение советских баз для экспедиций и т. д.

Начиная анализ степени и характера влияния научного интернационализма на Арктический регион, стоит привести краткую хронику развития международных отношений в Арктике, а именно — описать те проекты, конференции и научные саммиты, которые были реализованы в период с 1991 по 2022 год. Анализ степени воздействия и характера использования международного сообщества в контексте диалога вокруг Арктического региона представляется уместным дать ретроспективно, отталкиваясь от эпох развития этого диалога на международной арене в современный период. Ключевой организацией, занимающейся вопросами правового, экономического, военного и экологического урегулирования в Арктике, на данный момент является Арктический совет [2]. В 1991 году было создано несколько программ и рабочих групп, посвященных вопросам оценки загрязненности среды, сохранению этнических народов Арктики и прибрежных зон Северно-Ледовитого океана, а также флоры и фауны этих мест [5].

Датой непосредственного создания Арктического совета, основываясь на Оттавской декларации 19 сентября 1996 года [3]. В ней утверждались страны-участницы совета (в том числе — РФ, США, Канада, Норвегия и т. д.), а также намерения и заявления этих стран.

Особенно важно подчеркнуть следующие заявления:

- 1) о защите и сохранении природных экосистем, биологического разнообразия региона, а также стабильного использования ресурсов;
- 2) о распространении информации, поощрении образования и обеспечении интереса по вопросам, относящимся к Арктике;
- 3) об осуществлении надзора и координации программ, учрежденных в рамках Стратегии охраны окружающей среды Арктики по Программе арктического мониторинга и оценки; Программе сохранения арктической природы и фауны; Программе защиты арктической морской среды; предупреждению, готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации [5].

Резюмируя, в тексте основополагающего документа организации, занимающей главную роль в урегулировании вопросов по Арктике, изначально прописан вектор, в том числе и на академическую, научную коммуникацию стран-участниц. Подобные заявления, тем не менее, стоят в одном ряду и с заявлениями о стратегической безопасности, экономическом сотрудничестве и др. Основываясь на этом факте, можно сделать вывод о том, что на уровне правовых оснований вектор научной коммуникации имеет равный статус со всеми остальными.

Следующий этап, который особо интересен в контексте этой статьи, это привлечение в Арктический совет в качестве новых наблюдателей [2] таких организаций как WWF, Международного союза циркумполярного здравоохранения, программы по окружающей среде. Факт аккредитации организаций такого рода в составе Арктического совета говорит о том, что страны-участницы не только согласны на вовлечение международных научных организаций, но и что их статус участия, по сути, приравнен ко всем другим программам и инициативам вокруг Арктики. В 2000 и в 2002 году круг этих организаций был расширен.

В 2009 году лауреат Нобелевской премии мира Альберт Гор встречался с учеными, входящими в Арктический совет, чтобы обсудить вопросы изменения климата. Во встрече принимали участие министры иностранных дел стран, пострадавших от таяния ледников. В период 2009–2011 годов некоторые из рабочих групп выдвигали свои инициативы по уси-

лению контроля над разливами нефти, выбросками метана, сажи. В 2015 году циркумполярный симпозиум по психическому здоровью в Икалуите, Канада, собрал вместе различные заинтересованные стороны, чтобы облегчить передачу знаний и обмен данными, полученными исследователями и сообществами.

В 2017 году подписано третье обязывающее соглашение под эгидой Арктического совета. Главной его целью было облегчение научной деятельности в регионе, упрощение обмена опытом, субсидирование деятельности ученых и научных международных организаций, обеспечение упрощенного доступа к исследованиям на тех или иных территориях Арктического региона и т. д. Данное событие стоит особенно отметить — это прямой индикатор не просто поддержки научного вектора в рамках Арктического совета, но и его развития, причем масштабного. Очевидно, что все страны-участницы понимают важность наличия подобных инструментов в составе совета и стремятся максимально способствовать их деятельности.

Отталкиваясь от вышеизложенной хронологии структурного развития Арктического совета, стоит отметить несколько важных тенденций. Несмотря на тот факт, что, в первую очередь, страны-участницы обеспокоены рациональным распределением ресурсов данного региона, а также контролем над его безопасностью, в том числе, соблюдением паритета, интернациональное научное сотрудничество занимает важное место среди вопросов, решаемых этой организацией. Если сравнивать ситуацию вокруг Арктики и подобную в Антарктике в XX веке [7], станет заметна разница в подходах стран к ведению межкультурного диалога. В XX веке долгое время существовала парадигма контроля над территорией полюса, в первую очередь, основывающаяся на принципах военного присутствия, разработки сети баз, которые могли быть использованы, в том числе, и как пункты дислокации для вооруженных сил. В XXI веке ситуация изменилась, и изменилась значительно.

В настоящее время научное сообщество изначально играет одну из ключевых ролей в деятельности регулирующих организаций, что заложено в устанавливающих документах. Активная поддержка исследовательских инициатив, постоянные отчеты о состоянии тех или иных сфер региона, открытые встречи представителей от науки с министрами стран — все это теперь неотъемлемая часть межкультурного диалога. Вынесение на повестку дня таких вопросов, как сохранение флоры, фауны, биологического баланса и экологического благополучия стало критически важным фактором регуляции регионального благополучия, и эта миссия всецело выполняется международным научным сообществом.

Подводя черту, стоит вернуться к задаче, поставленной в этой статье. Говоря об оценке роли международного сообщества в контексте диалога вокруг Арктики, и уже подчеркнув выше важность роли этого сообщества, стоит добавить следующие пункты:

1. На примере деятельности Арктического совета четко видна тенденция на введение деятельности научного интернационализма в один ряд с экономическим, военным и геополитическим сотрудничеством. На данный момент деятельность крупных международных организаций абсолютно не представляется возможной без научного компонента.

2. Научный интернационализм выступает дополнительным гарантом стабильности международного сотрудничества в Арктике. Специфика региона, сложность фауны и флоры, необходимость сохранять уникальные экземпляры и условия в ходе разработки месторождений полезных ископаемых и их добычи в особенности подчеркивают тот факт, что без должной научной экспертизы осуществлять эту добычу не представляется возможным. Утечки топлива, загрязнение вод океана, таяние ледников — все это должно быть не только оценено учеными из разных стран, но и лидеры этих стран должны быть проинформированы о последствиях тех или иных решений, связанных с добычей ресурсов. Очевидно, что только при соблюдении принципов научности и международной возможности найти компромисс между странами-участницами совета, а также избежать взаимных претензий.

3. Тем не менее, открытыми остаются вопросы, связанные с возможностью использования научного сообщества как инструмента для преследования личных целей той или иной

страны-участницы. Несмотря на сохранение рисков использования международных научных организаций в качестве трансляторов геополитических амбиций той или иной страны-представительницы, стоит отметить качественные перемены в сотрудничестве стран в сравнении с ситуацией XX века с Антарктикой. Смещение модели биполярного мира позитивно сказалось на плюрализме мнений стран-участниц совета. Более того, развитие медиа-коммуникационных технологий позволяет оперативно обмениваться данными, результатами исследований, проводить встречи даже в эпоху глобальной пандемии.

В заключение, говоря о прогнозах дальнейшего развития межкультурного диалога вокруг Арктики в целом, и той роли, которую в нем играет научный интернационализм, следует отметить тот факт, что в 2021 году Арктическому совету исполнилось 25 лет. Организация продолжала свою деятельность даже в условиях пандемии COVID-19, не прекращались исследования, проводились дистанционные встречи ученых, велись работы по мониторингу качества среды, состояния флоры и фауны. Непрерывное плотное сотрудничество на протяжении 25 лет может служить отличным примером того, что в XXI веке научный интернационализм может служить одним из ключей к эффективному межкультурному диалогу по любой проблеме, а также непосредственно выступать гарантом безопасности и эффективности этого диалога вокруг Арктического региона.

Список использованных источников и литературы

1. Арктический совет. Досье. //ТАСС. — 2017. — 11 мая [Электронный ресурс]. — URL: https://tass.ru/info/4244655?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 09.04.2022).
2. Арктический совет [Электронный ресурс]. — URL: <https://arctic-council.org> (дата обращения: 09.04.2022).
3. Оттавская декларация 1996 [Электронный ресурс]. — URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/85> (дата обращения: 09.04.2022).
4. VII Международная конференция. Арктика: Устойчивое развитие [Электронный ресурс]. — URL: <https://arctic.s-kon.ru/> (дата обращения: 09.04.2022).
5. Conversation on Arctic Flora and Fauna [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.caff.is/> (дата обращения: 09.04.2022).
6. *Rowlands J. R.* The Treaty Regime and Politics of the Consultative Parties // In The Antarctic Legal Regime, edited by C. C. Joyner and S. K. Chopra. — Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1988.
7. *Turchetti S., Naylor S., Dean K., Siegert M.* On thick ice: scientific internationalism and Antarctic affairs, 1957–1980 // History and Technology. — 2008. — No. 24 (4). — P. 351–376.

РЕЦЕНЗИИ

Ниязов Ниязи Сабирович⁷

Санкт-Петербургский государственный университет
niniyazi@yandex.ru

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНОЙ МОНОГРАФИИ Э. МЕЛИКОВОЙ (ГУРБАНОВОЙ)

AZERBAIJAN MUSEOLOGY IN THE MIRROR OF THE SCIENTIFIC MONOGRAPH BY E. MALIKOVA (GURBANOVA)

Становление и развитие государственности любой страны, особенно после XIX века, сопровождалось драматическими событиями, оставившими глубокий след не только в воспоминаниях обывателя, в научных трудах ученых, но и в большом пласте разнообразных письменных источников, начиная с корпуса документов, сформировавшихся в результате деятельности государственных органов и ведомств, до аудио-, фото- и видеоматериалов, которые в конечном итоге формировали корпус материалов архивного хранения, сохранение и преумножение которого всегда было одной из задач государственной власти в любой стране.

Вместе с тем, стремление людей к познанию собственного прошлого, к познанию особенностей развития материальной и духовной культуры своего государства и других народов, желание народа и государства сохранить для грядущих поколений частицы этой культуры и показать ее уникальность своим гостям и друзьям, а в некоторых случаях и недоброжелателям, подталкивают их к созданию музеев различной тематической направленности.

Наверное, никто не возьмется отрицать, что воздействие «живых» музейных экспонатов на эмоциональное восприятие рядового гражданина будет гораздо большим, чем знакомство с огромным количеством документов архивного хранения, работа с которыми требует специальных знаний и навыков.

Учет всех вышеперечисленных факторов способствует тому, что и в Азербайджанской Республике, восстановившей свою независимость после распада Советского Союза, уделяется большое внимание не только сохранению старых, но и созданию новых музеев. Как и в большинстве постсоветских стран, после распада СССР сотрудников музеев в Азербайджане столкнулись с огромным количеством трудностей, среди которых наиболее значимыми были вопросы финансирования и организация работы этих важных культурных учреждений в условиях новых социально-экономических отношений.

Однако со временем, благодаря вниманию, уделяемому руководством страны развитию музеев и музейного дела в Азербайджане, ситуация в этой сфере начала выправляться. Более того, в стране открылся ряд музеев, экспозиция которых начала выстраиваться совершенно по-новому, с учетом достижений мировых стандартов и современной науки. В ряду таких музеев можно назвать Музей современного искусства (Баку) [4], Азербайджанский национальный музей ковра [1].

Говоря о новых музеях Азербайджана, невозможно не упомянуть и Центр Гейдара Алиева, который хотя и не является музеем в «чистом» виде, но по вкладу в развитие музей-

⁷ Ниязов Ниязи Сабирович — доктор исторических наук, профессор СПбГУ, и.о. заведующего кафедрой международных отношений на постсоветском пространстве.

ного дела в стране, по оригинальности и богатству имеющихся здесь экспозиций, по количеству посетителей, стремящихся попасть в него, занимает лидирующее место в этой сфере [2].

Все вышеперечисленное подчеркивает актуальность, важность, а главное востребованность научной монографии Э. Меликовой (Гурбановой) “Azərbaycan muzeyşünaslığı” (Азербайджанское музееведение) [3].

Знакомство с текстом монографии госпожи Э. Меликовой (Гурбановой) вызывает чувство восторга работой, которую проделал автор при подготовке этого важного труда. В двух томах работы, написанных с привлечением документов архивного хранения, разнообразной научной литературы на азербайджанском, русском, английском, турецком, польском и других языках, Э. Меликова (Гурбанова) показывает, как развивалось азербайджанское музееведение начиная с XIX века и по настоящее время, с какими сложностями и вызовами оно сталкивалось на протяжении этого длинного пути, как благодаря энтузиастам и преданным своему делу людям, азербайджанские музеи строили свою работу, преодолевали различные трудности.

Большое внимание в работе уделено развитию теории и практики музейного дела не только в Азербайджане, но и в мире.

Чувство глубокого удовлетворения вызывает тот факт, что при подготовке своей научной работы автор большое внимание уделил также судьбе и достижениям конкретных людей, которые не покладая рук работали и сегодня продолжают работать в азербайджанских музеях.

Не является секретом, что после обретения независимости первоочередная задача азербайджанской государственности заключалась в том, чтобы решить Карабахскую проблему и вернуть контроль над территориями, утерянными в ходе боевых действий 1992–1994 годов. При этом оккупация азербайджанских территорий привела к тому, что значительное количество объектов культурного наследия, включая музеи, были полностью уничтожены во время Первой Карабахской войны. Несмотря на это, азербайджанская сторона продолжала вести учет всех уничтоженных и захваченных противником экспонатов, в надежде, что когда-то страна освободит эти территории и здесь, наряду с восстановлением гражданской инфраструктуры, будет идти восстановление деятельности карабахских музеев, поэтому параграф 6, четвертой главы «Историко-архитектурные памятники и музеи Карабаха» имеет не только историческое, но и вполне прикладное значение.

Резюмируя, можно сказать, что научная монография Э. Меликовой (Гурбановой), является фундаментальным трудом, который позволяет не только специалисту, но и рядовому читателю познакомиться с особенностями развития музеев и музееведения в Азербайджане и стать хорошим фундаментом, для дальнейших исследований в этой сфере, не только самой госпожи Э. Меликовой (Гурбановой), но и ее молодых последователей.

Список использованных источников и литературы

1. Azərbaycan milli xalça muzeyi [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.azcarpetmuseum.az/> (дата обращения: 22.02.2022).
2. Heydar Aliev Center [Электронный ресурс]. — URL: <https://heydaraliyevcenter.az/#main> (дата обращения 22.02.2022).
3. Məlikova (Qurbanova) E. Azərbaycan muzeyşünaslığı . — Bakı: Elm, 2021. — 2 cildə.
4. Müasir İncəsənət Muzeyi [Электронный ресурс]. — URL: <http://mim.az/ru/> (дата обращения: 22.02.2022).

Научное издание

Межкультурный диалог в современном мире

Материалы X конференции с международным участием

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 10,8.

Подписано к публикации 07.07.2022. Заказ № 14000.

197198. С.-Петербург, Большая Пушкарская ул., д. 10, лит. 3. пом. 32-Н

тел. 982-83-94

e-mail: skifia-print@mail.ru

www.skifia-print.ru